Ольга Берегова

Символы славян

Издательство Диля

Ольга Берегова

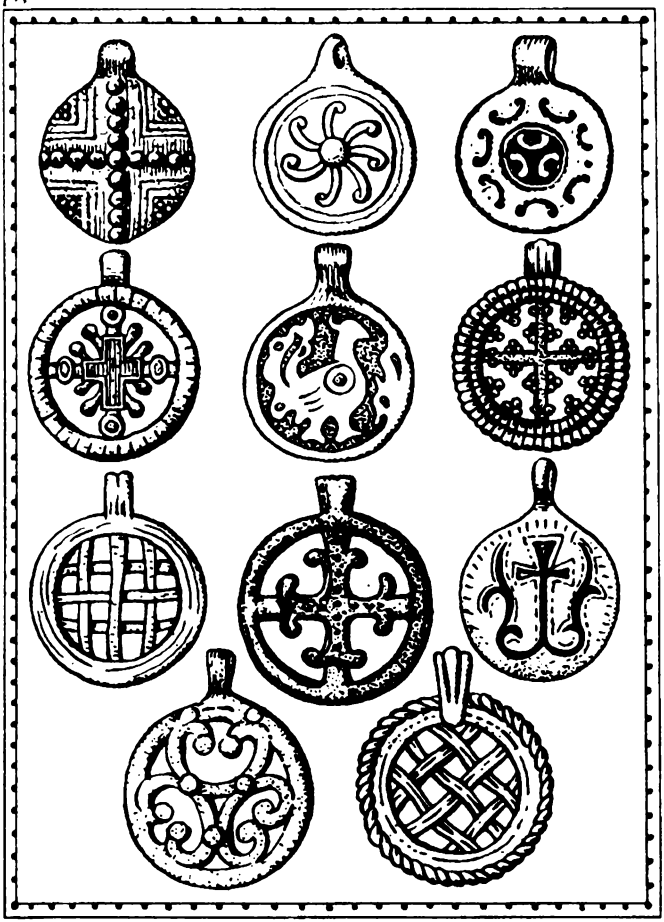
СИМВОЛЫ СЛАВЯН

Москва — Санкт-Петербург
«ДИЛЯ»

РОЛЬ СИМВОЛА В ЯЗЫЧЕСТВЕ

Религиозно-мифологические представления древних славян принято называть языческими. Язычество — это политеистические верования и обряды, предшествовавшие возникновению монотеистических мировых религий (христианство, ислам). Естественно, что сами древние народы не называли свои верования языческими. Этот термин появился уже в христианском богословии для обозначения всех дохристианских и нехристианских культов. Недаром в русском языке синонимом слова «язычество» является слово «идолопоклонство».

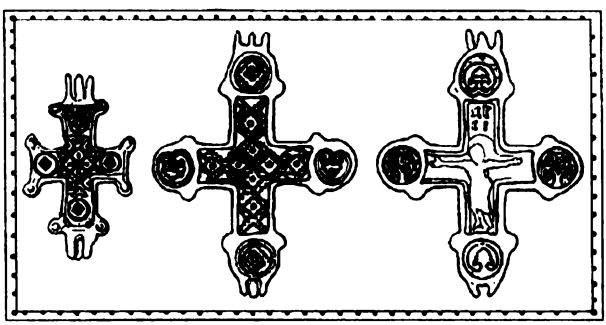
Язычество — принятый в христианском богословии и частично в исторической литературе термин, обозначающий дохристианские и нехристианские религии. В более узком смысле «язычество» — политеистические религии. В Новом Завете под термином «язычество» подразумеваются народы или «языки» (отсюда — язычество), противопоставляемые первохристианским общинам. Термин «язычество» сохраняется и в других произведениях раннехристианской литературы I — III вв.



Круглые подвески-обереги.
Некоторые имеют языческую солнечную символику, другие украшает изображение креста, XII–XIII вв.

Иначе говоря, язычество — это традиционная народная религия. Это понятие охватывало всю сферу духовной культуры и значительную часть культуры материальной, но прежде всего — отношения

людей с природой, поскольку для древнего человека именно проблема взаимоотношений с природой была главной. По сути дела, в славянском язычестве в мифологизированном виде отражался и выражался весь жизненный путь крестьянина-общинника: цикл сельскохозяйственных работ, домашний быт, свадьбы, похороны и т. д.



Языческие символы на крестах-энколпионах, XIII в.*

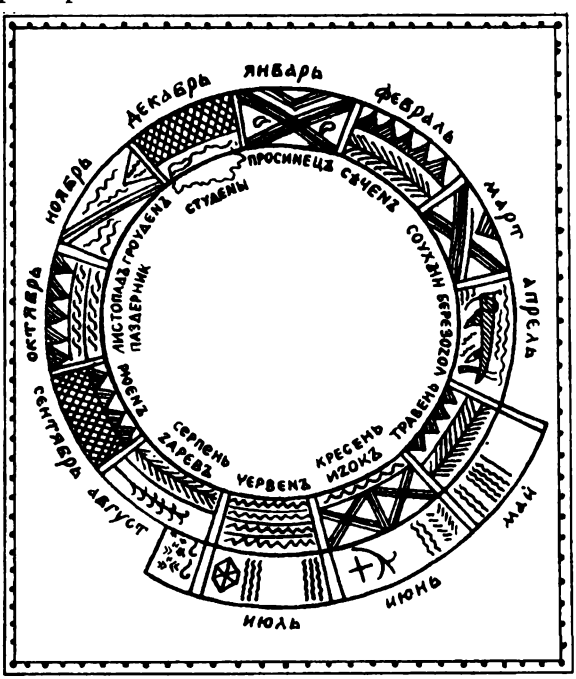
В язычестве обожествлялась природа; божествами признавались различные природные объекты: солнце, луна, звезды, воздух, огонь, вода, животные, растения, камни и т. д.

---

*Энколпионы — древнерусские нагрудные полые двустворчатые кресты-реликварии, кресты-складни. Кресты-энколпионы, благодаря хранимым в них почитаемым святыням (или мощам), наделены для верующего особой благодатью. Вера в их чудотворную силу связана с культом святых мощей, развитым в христианской церкви, корни которого глубоко уходят в раннехристианскую эпоху. Традиция поклонения мощам и поминальный культ гораздо старше культа святых мест и достоверно отмечены, по крайней мере, с середины II в.

Огромное значение в языческие времена имел символ, именно он зачастую нес в себе основную смысловую нагрузку в магическом и жреческом искусстве. Ведь символ — это не просто значок или украшение на посохе волхва, идоле, обрядовой посуде или иной вещи, а совокупность сакральных смыслов, магических эффектов, многотысячелетних трудов древних гениев. Проще говоря, символ в язычестве славян несет в себе прежде всего магическую нагрузку, а уже только в самую последнюю очередь — эстетическую.

Символ применяется для воздействия на мир и его преобразования.



Славянский календарь, составленный на основе схем-рисунков с глиняных сосудов, IV в.

Многие символы являются оберегами, «отвращающими» темные силы хаоса, способные причинить вред носителю оберега; многие способны стереть грань между мирами, позволяющие, например, волхву (жрецу) совершать путешествие в темный мир (Навь) или светлый (Правь), некоторые являются прямым обращением к богам, тем или иным силам природы...

Жрецы Велеса (бога богатства, мудрости, музыки, поэзии, магии) владели искусством толкования символов. Символы (руны) вырезали чаще всего на деревянных или костяных пластинках. Волхв* вбрасывал руны случайным образом на алтарь (принадлежность всякой магической мистерии), либо раскладывал их в определенном порядке. Знаки образовывали фразу — совет богов. Следуя ему, предпринимали те или иные действия не только на военном, но и на хозяйственном поприще, а также в сфере любви. Ведические символы размещались и на самом алтаре. По нему-то и перемещали изображения языческих кумиров или кукол, служащих для замещения своих реальных прототипов. Волхвы разыгрывали жизненную ситуацию, влияя на нее посредством этого ритуала.

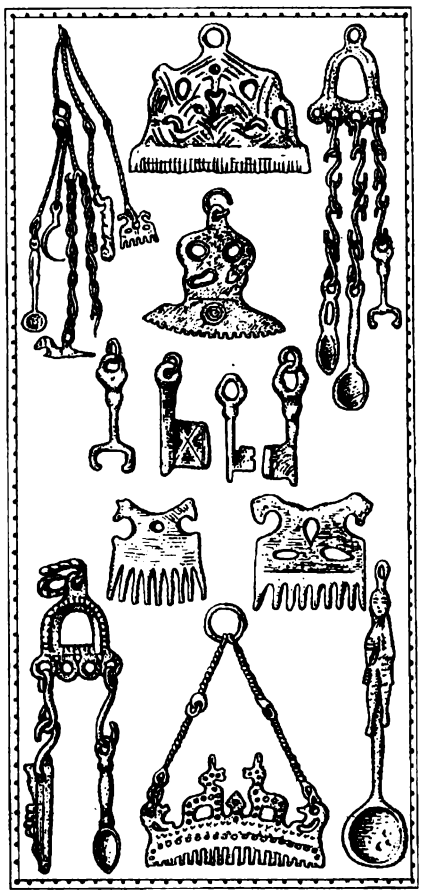
Волхв — одно из древнейших названий кудесника, «сильного» ведуна. Напомним, что, согласно Святому Писанию, волхвы приносят дары младенцу Христу;

---

*По В. Далю: «Волхв, волх (стар.) — мудрец, звездочет, астролог: «Волховать, волошить» — «волшебничать, волшебствовать, колдовать, чаровать, кудесить, знахарить, гадать, ворожить, ведьмовать, заговаривать, напускать, шептать» < Даль, 1880>.

По определению В. Н.Татищева, волхв «иногда то самое значит, что ныне философ или мудрец». <Татищев, 1979>.

в то же время Симон-волхв — антитеза Спасителю. В летописи волхв — провидец, предсказывающий гибель князю Олегу: «Под 912 годом летописец рассказывает о чудесной смерти Олега по предсказанию волхва и замечает: „...се же есть дивно, яко от волхования сбывается чародейство"» (Рязановский, 1915).



Обереги — маленькие копии с предметов домашнего обихода, XII—XIII вв.

Наделяемые многообразными способностями волхвы, кудесники (возможно, своеобразные жрецы языческих божеств, хранители тайных знаний, гадатели) были «колдунами особого ранга», влиявшими на государственный и общинный быт. «Волхвы в особенности обладали тайнами воды, так же как и растительности. По суеверию народному, они чародействовали не только над водой, но и в реках.

Грамотные предки наши даже в XVII в. рассказывали с полной верой старую легенду, как будто бы старший сын мифического Словена назывался Волхом, чародействовал в р. Волхове и залегал водный путь тем, которые ему не поклонялись. Далее, волхвы могли приводить в движение воздух, давать волшебное, чародейское направление ветрам, ведунством своим по ветру лихо насылали...» (Щапов, 1906). В некоторых случаях как волхвы воспринимались и князья. Так, считали, что князя Всеслава Полоцкого мать «родила от волхвования» и волхвы навязали ему на голову науз (волшебный узел), наделив князя сверхъестественными способностями (к оборотничеству и т. п.) (Сумцов, 1890).

Образ князя-волхва, предводителя дружины, всесильного колдуна-оборотня нашел отражение в былинах. В былине о Вольге (Волхе) Всеславьевиче он — воин, богатырь, оборачивается то щукой, то волком, то птицей.

Волхвы, кудесники еще длительное время после принятия христианства имели влияние на народ. В XI—XII вв. на Руси вспыхивали восстания под предводительством волхвов, в том числе вызванные теми или иными стихийными бедствиями, причины которых, по убеждению народа, могли прозреть и устранить волхвы.

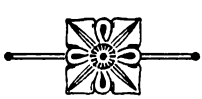
По Уставу святого Владимира церковь преследовала всякие виды волшебства. Постепенно роль волхвов и кудесников становится менее значимой (все более сосредоточиваясь в сфере частной жизни), однако историко-литературные памятники продолжают упоминать о волхвах вплоть до XVIII в.

В 1689 г. в Приказе Розыскных дел допрашивался «волхв Дорофейка», который показал, что стольник Андрей Безобразов просил его «напустить по ветру на великих государей, чтоб они были к нему добры». «Волхв Дорофейка объявился нижегородским посадским, ремеслом коновал и рудомет, умеющий бобами ворожить, и на руку людей смотреть, и внутренние болезни у взрослых и у младенцев узнавать, и лечить шептами, — и показал, что-де его научил этому ремеслу нижегородский коновал Федор Бобылев. О найденных же в его сумках бобах, травах и росном ладане Дорофейка показал, что бобами он разводит и угадывает, а ладаном оберегает на свадьбах женихов и невест от лихих людей — от ведунов; а траву богородицкую дает пить людям от сердечной болезни, без шептов; а рвет-де тое траву летом в Рождество Иоанна Предтечи с шептами: „К чему ты, трава, годна, к тому будь и годна»... Волхв (вместе со стольником) был казнен» (Труворов, 1889).

Волхв — название кудесника, употребляемое в летописях, в книжной, письменной речи, является также народным, распространенным во многих районах России. В то же время это название сохраняет оттенок некоторой торжественности, загадочности, связывается с особыми, «книжными» способами колдовства, с «волхованием по книгам волховным», с колдовскими «словами-волховами». Волхв, волховит обозначает сильного, овеянного ореолом

летописной таинственности колдуна, и часто звучит не в обыденной, а в ритуализованной, оформленной по определенным правилам речи — в приговорах, заговорах, а также в былинах

Также в народных поверьях сохранилась память о множестве божеств-духов, с которыми человеку приходилось сталкиваться почти ежедневно. Упыри — это различные существа Нави, оборотни, которые могут мешать человеку, если он не способен находить с ними общий язык или защищаться. А берегини, связанные со словами «беречь», «оберегать», — это различные помогающие человеку духи, если он знает, как их привлечь на свою сторону. Против разных духов, могущих помешать, применяли различные заговоры и носили амулеты — обереги; в народном искусстве сохранилось много древних символов-оберегов, изображая которые на одежде, посуде, жилище человек отгонял нежелательных духов. К числу таких символов относятся изображения солнца, огня, воды, растений, цветов.



СИМВОЛИКА СОЮЗА ДВУХ НАЧАЛ

МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ НАЧАЛО

Как уже говорилось выше, тема единения и конфликта двух диаметрально противоположных сил — один их главных, если не главный закон в язычестве, закон существования мира. Это и дуальная пара Правь-Навь, это и день с ночью, это, наконец, мужчина и женщина. **Правь** — царство всепобеждающей правды, справедливости, царство светлых богов, в нем располагается прекрасный Ирийский сад с молодильными яблоками и молочной рекой, в нем живут волшебные птицы, туда попадают люди, жившие по Прави — справедливо, по совести (подобно саду Гесперид греческих мифов).

Навь — темное царство хаоса и разрушения, в нем живут темные боги и люди, живущие по законам Кривды. Конфликт между ними понятен — Навь пытается уничтожить мир, Правь

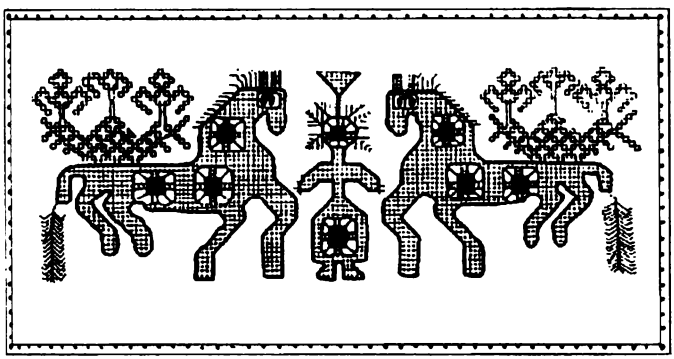
Символика союза дух начал

пытается его сохранить, блюдет в нем свой порядок; единение же их в том, что ни одна из этих сил не может ни победить, ни проиграть, без них мир немыслим, их существование — условие существования мира, их единение мы наблюдаем в мире Яви, мире людей; человек, между прочим, также является олицетворением единения этих двух сил (см. главу «Символика воды»). Вообще о Прави и Нави можно говорить бесконечно, так что отошлем интересующихся, например, к работам Б. А. Рыбакова, В. Иванова, Д. Гаврилова, А. Платова и др.

Дуальная пара — мужчина и женщина — это также союз двух начал. Считается, что у мужчины преобладает разумное начало, у женщины — чувственное. Здесь можно проводить аналогию с Правью и Навью, однако это все же несколько иной конфликт: мы не можем говорить о том, что мужчина — олицетворение Прави, а женщина — Нави, однако им могут быть присущи особенности как Прави, так и Нави (все зависит от человека). Человек, склонный к Прави, если это мужчина, будет «мыслить по Прави», подобно светлым богам, если же это женщина, она будет «чувствовать по Прави», как это делают светлые богини — Лада, Леля, Жива и другие. Однако если человек склонен к Нави, он будет подобен Вию, Кощею, змею Юше или же Морене (если это женщина). Единение мужчины и женщины символизирует крест и ему подобные знаки.

Еще одна дуальная пара — небо и земля. В традиционном представлении земля — мать, небо — отец. Небо оплодотворяет землю небесной водой, дождем, земля родит растения. Такой родительский аспект здесь основной, в отличие от пары мужчина — женщина, где он отходит на второй план.

Что же касается символов подобных единений, то они представляют собой переплетенные прямые, в итоге срастающиеся в одну, перекрещивающиеся прямые, короче говоря, двучастные знаки, переходящие в одночастные.

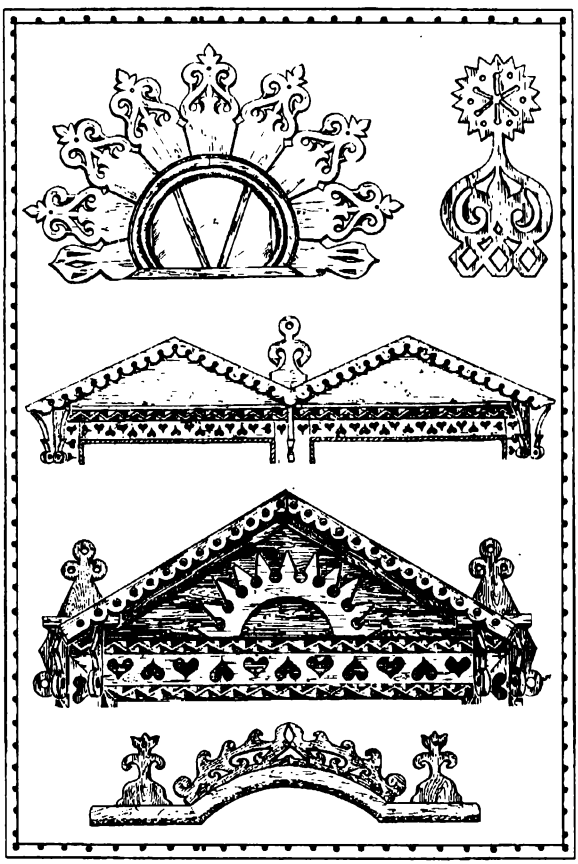


Богиня Макошь и символы размножения. Обилие солнечных знаков указывает на «макушку лета» — праздник Купалы. Русская вышивка

Это противопоставление часто выражается наличием в мифах двух одноименных персонажей: Див — Дива, Род — Рожаница. Конечно, мужской и женский род оказали влияние и на мифологические олицетворение предметов бесполых — земли, неба, воды, огня и т. д. Часто одно и то же понятие могло принимать форму и мужского, и женского рода. Это колебание заметно прежде всего в обращении к солнцу.

Первоначально солнце считалось славянами женским началом, потому что обладало силой плодородия. Народная загадка про солнце «Красная девушка в окно глядит» подтверждает версию о том, что солнце — красная девица — было женского рода. В русском сказании, в котором солнце олицетворялось в женском образе, говорилось, что в декабре, «когда

зима поворачивает на лето», Солнце, нарядившись в праздничный сарафан и кокошник, едет в теплые страны, а на Иванов день (24 июня) выезжает из своего чертога навстречу своему супругу Месяцу, пляшет и рассыпает по небу огненные лучи. Этот день торжества творческих сил летней природы был днем союза между Солнцем и Месяцем, причем Месяц считался мужем богини-Солнца.



Женские фигуры. Резная деревянная резьба

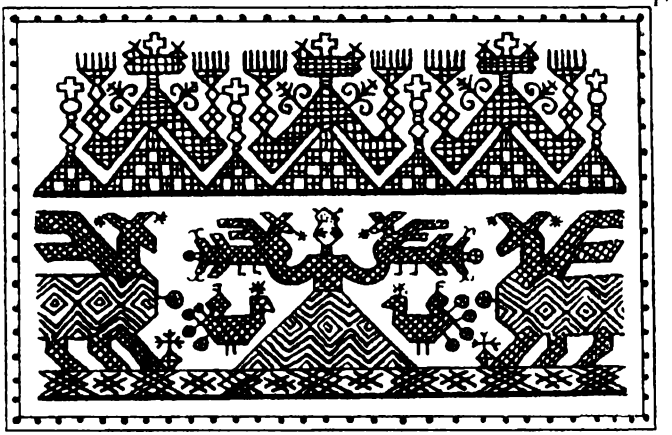
Затем представления изменились: солнце стало божеством, которое не рождает само, но своими лучами оплодотворяет мать сыру землю, а та уже рождает все живое из своих недр. Месяц также «изменил пол» и стал Луной — женщиной-богиней.

В некоторых сказаниях Луна выступала как супруга Солнца, следовательно, Солнце было мужского рода. С тех времен и появилась у славян пословица «Солнце — князь, Луна — княгиня». Еще скифы почитали Луну в качестве сестры и супруги Солнца и называли ее «Солнца», окончанием «а» подчеркивая ее женское начало.

В славянских сказаниях Солнце и Месяц представлены как сестра и брат или как супруги, чья супружеская жизнь отнюдь не безоблачна.

Постоянные изменения месяца в объеме породили мысль об изменчивом характере, о непостоянстве и неверности в любви этого обоготворенного светила. В ярком диске восходящего солнца наши далекие предки видели пламенеющий гневом лик небесной царицы. Чистота солнечного блеска рождала мысль о девственной чистоте богини, выступавшей на небо в пурпурной одежде зари и в сияющем венце лучей, словно богато убранная к свадьбе невеста.

Долго сохранялись обряды поклонения солнцу: в начале весны и в начале осени выходили «караулить» солнце, смотреть, как оно «играет». Ночью, где-нибудь на высоком месте, раскладывали хворост, зажигали огни и, встретив солнце, приветствовали его песнями. В Польше девушки пекли к этому дню пирожки, выходили на заре в поле и, разложив их на чистом белом платке, водили вокруг хороводы. Встретив солнце и поклонившись ему, делились своими пирожками, причем непременно одаривали всех близких.



Две вышивки со стилизованным изображением женщины, XVIII–XIX вв.

Обычно солнце почиталось в двух видах: как видимое небесное светило, занимающее середину света, все освещающее, и как бог, как царь Солнце. В русских сказках царь Солнце владеет двенадцатью царствами (указание на 12 месяцев в году или на 12 знаков Зодиака), царство его далеко-далеко за морем, в стране вечного лета и вечной жизни, а чертоги его — на высоких священных горах. Там царь Солнце восседает на своем пурпурно-золотом престоле, окруженное двором и родней. Солнцевы девы ему прислуживают, заплетают волосы и поют песни. Из них главные две — Заря утренняя и Заря вечерняя. Семь звезд ангелов-судей и семь вестников, летающих по свету в образе хвостатых звезд, готовы к услугам царя Солнца. Звезда-денница смотрит за его белыми конями. В чертогах царя Солнца весной, летом и осенью бывают праздники. Славяне верили, что от солнца зависят звезды, ветры, урожай,

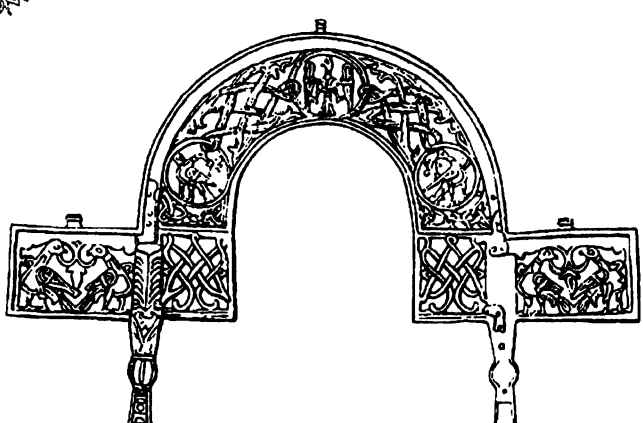
погода; что добрым солнце помогает, а преступных наказывает; одним дает счастье, других преследует. Солнце — защитник сирот, покровитель семейного очага и счастья. Вот почему всякая семья должна иметь его образ как символ благодати.

Темное царство демонов (ад) виделось древнему славянину на западе — там, где заходит солнце, где гаснут его последние лучи. Там жила нечистая сила — сила мрака, холода, враждебного человеку зла.

СВЕТ И ТЬМА, ДЕНЬ И НОЧЬ

По представлениям древних славян, жизнь на земле поддерживают светила, добрые божества, которые посылают свои дары плодородия, не давая погибнуть всему живому. У западных славян богиня весны назвалась Жива. В «Слове о полку Игореве» говорится о славянах как о внуках Даждьбога — Солнца, подателя благ и плодородия. Богиней смерти, тьмы и ночи была Мара — Морена. Это имя родственно словам «смерть», «мрак», «морок», «мор», «мары», олицетворяющим нечистую, темную силу.

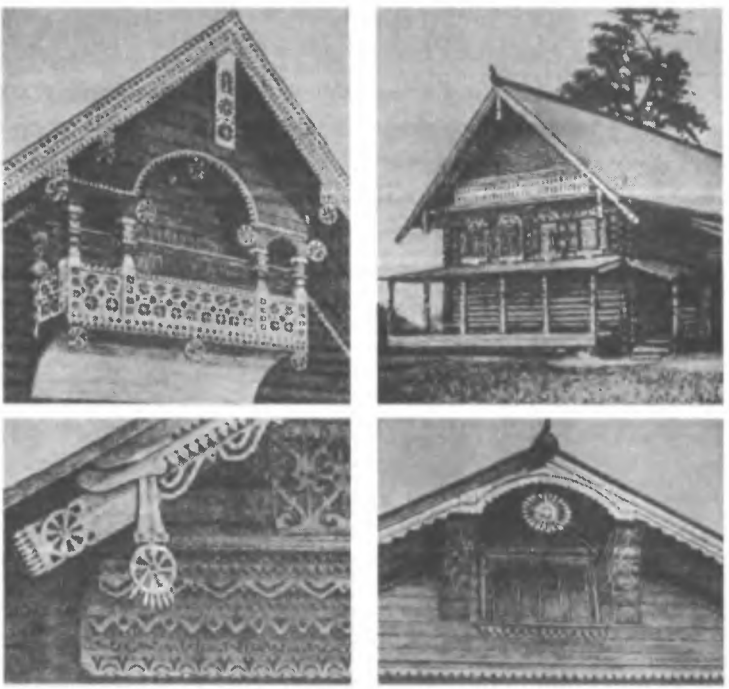
Между богами света и тьмы, тепла и холода идет нескончаемая борьба за владычество над миром. День и Ночь — это высшие бессмертные существа, причем День — первоначальное верховное божество света (Солнце), а Ночь — божество мрака. Они так же враждебны в преданиях, как и в самой природе. В народных загадках день и ночь всегда называются «раздорниками» (ссорящимися). «Двое стоячих (небо и земля), двое ходячих (солнце и месяц), два задорника (день и ночь)».



Путь солнца по небосводу, XII в.,
Вщиж, Нижегородской губернии

По славянским поверьям, собирать лечебные травы, черпать целебную воду, произносить заклятья против чар и болезней лучше всего во время восхода солнца, на утренней заре, потому что с первыми лучами солнца прекращается влияние злых духов и рушится всякое колдовство. Как известно из народных сказаний, нечистая сила до того страшится крика петуха, предвозвещающего утро, что лишь заслышит его, тотчас исчезает. Подобно тому как с утром связывались представления о пробуждающемся солнце, о воскресающей повсюду жизни и деятельности, так и с весной связывалась мысль о воскрешении тепла, о пробуждении природы из зимнего сна, когда земля наряжается в цветы и зелень и из далеких стран прилетают птицы. Опустошительные зимние бури и морозы считались порождением

нечистой силы, бесами, в то время как весенние ветры, пригоняющие дождевые облака и очищающие воздух от вредных испарений, признавались добрыми спутниками верховного божества Перуна, его помощниками в борьбе со злыми духами.



Символы земли и солнца на причелинах и «полотенцах» русских изб

Свет, Жизнь, Солнце и добрые божества помещались наверху, внизу же жили темные боги и навьи — невидимые души мертвецов, летающие по свету в бурю, дождь и непогодь «на злых ветрах». Навьими душами, в отличие от дружественных душ родовых предков, считались иноплеменные мертвецы,

души врагов и недоброжелателей. Навьи — вампиры, упыри, которые могут напасть на людей, поэтому от них нужно не только защищаться, но и задабривать жертвоприношениями.

Однако русский человек не был так уж беззащитен перед злыми навьями — дом, защищенный соответствующими орнаментами, был для навий неприступной крепостью.

ДОЛЯ И НЕДОЛЯ

Понятия «доля» и «недоля» связывались с живыми мифическими лицами, девами Судьбы (их называли также Рожаницами). По народным поверьям, счастье и несчастье зависят от добрых или недобрых действий Доли и Недоли, которые поступают как хотят, и человек не в силах на них повлиять.

Древние славяне считали так: счастливый вовсе не работает и живет в довольстве потому, что за него трудится его Доля, а когда Доля покидает его, он впадает в нищету. Несчастный страдает, испытывает всевозможные лишения потому, что Доля его предается праздности, бражничает, веселится и не хочет знать никакого труда.

Деятельность Недоли всегда направлена во вред человеку: пока она бодрствует, беда у него следует за бедой, и только тогда становится легче человеку, когда засыпает его Недоля. Русская пословица звучит так: «Не буди Лихо, пока оно тихо».

Лихо, Горе-злосчастье и Недоля часто упоминались в народных сказаниях. Предания южных и западных славян говорят о злыднях — маленьких существах

Доля и Недоля

неопределенного облика. Люди верили, что дому, в котором поселятся они, грозит горе. Своим крохотным ростом и неугомонным характером злыдни напоминают домовых, карликов, кикимор. Подобно марам, они, селясь в домах, живут невидимками и непременно за печкой.

В народных пословицах, песнях и сказках Беда выступает как существо живое, самостоятельное: она странствует по белу свету, ищет людей, обреченных на несчастье, идет к ним навстречу, гонится за ними. Горе отождествляется с богиней смерти, но сказочным героям удается обмануть смерть и заточить ее в темницу.

ЮГ И СЕВЕР, ПРАВЫЙ И ЛЕВЫЙ, ПРАВДА И КРИВДА

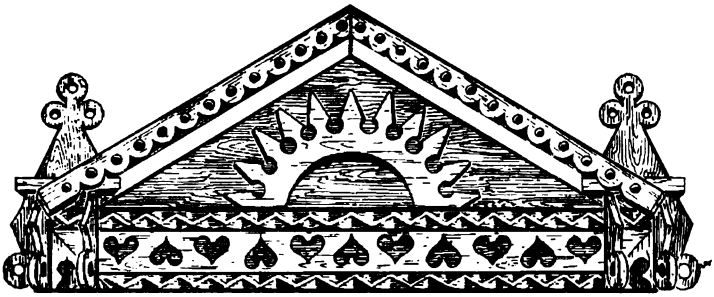
По движению солнца человек определял и свое отношение к окружающему миру, в частности устанавливал понятия левого и правого. Для молитвы он всегда обращался к востоку, и, следовательно, с правой руки у него был полуденный юг, а с левой — полночный север. По этой причине в народных поверьях противоположность юга и севера сочеталась с правой и левой сторонами. Древние славяне были убеждены, что с правой руки человека стоит добрый ангел, с левой — злой черт. Отсюда и пошли народные суеверия: не плюй направо — попадешь в ангела-хранителя; налево плюнешь — попадешь в черта; вставать с постели надо с правой ноги, а встанешь левой — весь день будешь не в духе; надевать и снимать обувь следует начинать с правой ноги; кто, входя в дом, ступит сначала правой ногой, того ждет хороший прием, левой — плохой.

Следуя древним ритуалам-гаданиям, славяне внимательно наблюдали, например, за тем, как переступает конь через мечи или жерди — правой или левой

ногой, потому что верили: если переступает правой — жди удачи, левой — неудачи. Увидишь народившуюся луну с правой стороны — получишь неожиданную прибыль, с левой — что-то потеряешь; чешется правый глаз — на милого смотреть, левый — к слезам; правая ладонь чешется — получать деньги, левая — отдавать; правое ухо горит — слышать добрые вести, левое — плохие; в правом ухе звенит — друзья вспоминают, в левом — недруги.

Слово «правый» получило значение нравственного, хорошего, справедливого, и от него пошли слова «правда», «право», «правило». Кривизна же служила для обозначения всякой неправды и той кривой дороги, по которой ходит человек увертливый, несправедливый. Слово «лукавый» означает — «хитрый», «злобный». В буквальном смысле «лукавый» значит — «согнутый» и происходит от слова «лук» — дуга, с которой и люди, и Перун выпускают свои стрелы. Кстати, слово «Лукоморье», которое мы считаем ныне названием сказочной страны, также происходит от слова «лук» и означает — изгиб морского берега.

ПРИРОДНЫЕ СТИХИИ



СОЛЯРНАЯ СИМВОЛИКА

Солярная символика — символика солнечной стихии, солнца, солнечных светлых богов.

Боги солнца в славянском язычестве — *Даждьбог*, *Сварог*, *Хорс*. Они — светлые, то есть представляющие силу Прави боги. *Правь* — верхний, небесный мир в славянской мифологии. Славяне представляли Правь как идеальный мир, где господствуют законы справедливости и чести. Об этом нам говорят многие русские слова: правильный (как в Прави), справный (с Правью), правило (по справедливости), правый (в обоих значениях). Солярная символика — одна из самых светлых в славянской традиции. Среди солярных знаков, пожалуй, нет ни одного, приносящего вред. Наоборот — все знаки связаны с приобретением как материальных, так и духовных благ, приумножением их. Солнце в язычестве также и всевидящее око, именно поэтому, если была нужда, совершали преступление ночью — авось боги Прави не заметят; поэтому же ночью активизируется нечисть и темные волшебники. В солнечное же время суток, наоборот, преобладают светлые силы,

помогающие человеку и природе. Однако это — только одна сторона медали.

Солнце

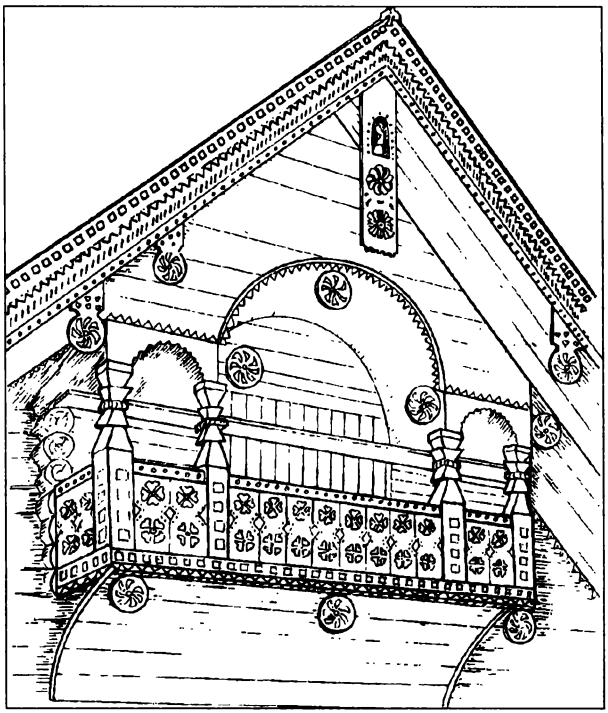
Изображение небесных вод было лишь частью более общей картины мира, где небесно-водный ярус был только отдаленным фоном, а главным являлось солнце в своем размеренном пути по небосводу среднего неба.

Чрезвычайно важно отметить, что во всем декоре русских изб XVIII—XIX вв., на всем обширном пространстве двенадцати северных губерний России солнечные знаки, изобилующие в этом декоре, никогда не помещались выше небесно-водной зоны, т. е. не нарушали древних славянских представлений о верхнем небе. Зоной движения солнца со времен энеолита было среднее небо, отделенное твердью от небесно-водной зоны верхнего неба.

С удивительной строгостью соблюдалась эта древняя картина мира в системе архитектурного убранства: путь солнца по среднему небу подчеркнут тем, что для показа солнечных знаков применялись искусственные, не игравшие никакой конструктивной роли особые доски — «полотенца», спускавшиеся от причелин* вертикально вниз.

Положения светила при восходе и закате обозначались помещением солнечных знаков у нижнего торца обеих причелин, и они оказывались таким

*Причелины — висячие доски с резным орнаментом на фасаде деревянной избы, покрывающие и защищающие от влаги торцы бревен сруба и края крыши (в древнерусской архитектуре).



Богато орнаментированная кровля с символами солнца на «полотенцах»

образом в общей композиции узора ниже той части причелин, на которой изображались «хляби небесные». Иногда и здесь, для показа утренне-вечерних позиций солнца, прибегали к помощи двух вертикальных «полотенец» у краев причелин.

Иногда путь солнца отмечался не тремя стандартными позициями, а дополнительно еще несколькими промежуточными знаками, прикрепленными к нижней кромке причелин. Дневной ход солнца в этих случаях отмечался двенадцатью солнечными знаками.

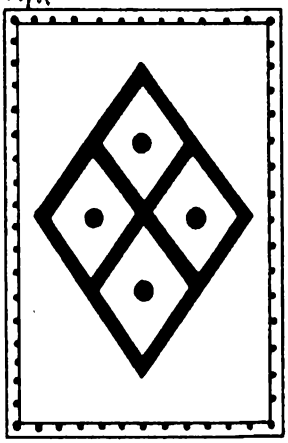
Рассмотрим солнечные знаки, входившие в общую систему обороны русского дома от упырей и навий.

Прежде всего следует сказать, что в указанных трех позициях (утро, полдень и вечер) солнечные знаки изображались не просто как один из элементов убранства, а вполне осмысленно, с глубоким символическим значением. В этом убеждает то, что они почти никогда не помещались отдельно, а всегда в комплексе с другими символами — земли, засеянного поля, иногда воды. Взаимное положение разных символов в одном комплексе дополнительно подчеркивало дневное движение солнца.

Сами солнечные знаки представлены несколькими типами. Наиболее устойчивым является круг с шестью радиусами («колесо Юпитера»). Встречается круг с крестом внутри него, а иногда и с восемью лучами. Восходящее или заходящее солнце может быть показано полукругом (дугою вверх) с тремя лучами.

Особый интерес представляют многочисленные знаки, изображающие «бегущее» солнце: внутри круга вырезают несколько дугообразных линий, расположенных радиально; они создают впечатление катящегося колеса с изогнутыми спицами. Направление искривленности всегда одинаково: верхняя линия в круге имеет выпуклость влево, нижняя — вправо, чем определяется и положение всех промежуточных спиц этого солнечного колеса. Иногда движение солнца выражено только тремя такими дугами, но обычно их бывает много.

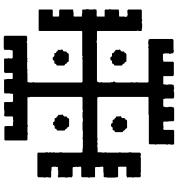
Рядом с символом солнца почти всегда соседствует тот или иной символ земли, поля.



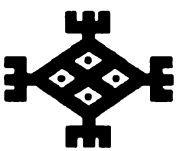
Знак засеянного поля

Знак, обозначающий землю, это — древний, еще энеолитический символ поля и плодородия в виде ромба или квадрата, поставленного на угол и разделенного на четыре части. Он устойчиво бытовал несколько тысячелетий и хорошо отражен в русском средневековом прикладном искусстве, в церковной декоративной росписи и представлен в этнографическом материале, преимущественно в узорах свадебной одежды невесты, что еще раз свидетельствует о связи с идеей плодородия.

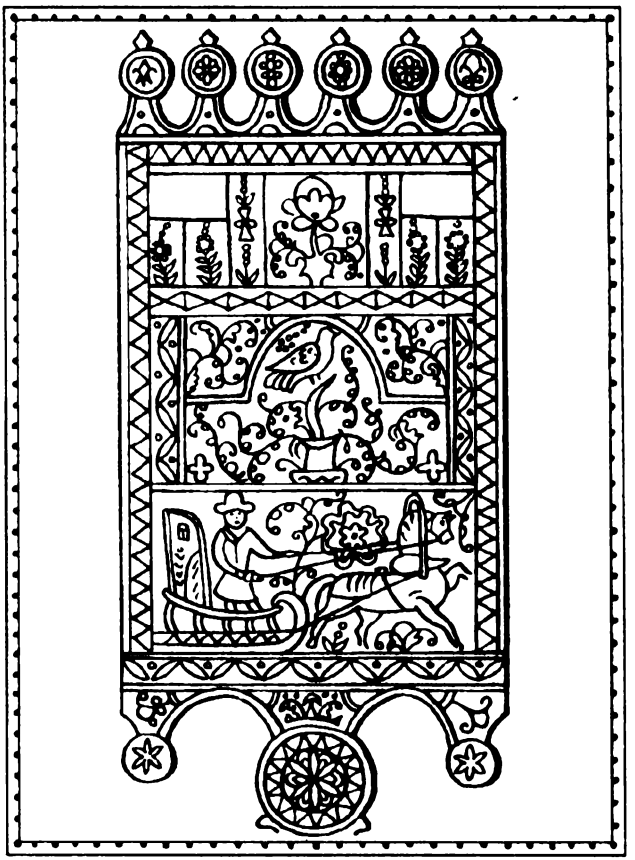
Вторая группа знаков изображает вспаханную землю в виде большого прямоугольника или ромба, прочерченного вдоль и поперек. На причелинах изб изображались и прямоугольники и ромбы, образованные рядами небольших отверстий. Кроме того, на кромке причелин почти всегда вырезаны ромбы.



Комплексы знаков четко группируются по суточным позициям солнца — в одну группу входят комплексы, отвечающие восходящему и заходящему солнцу, а в другую — полдневные, изображающие солнце в зените.

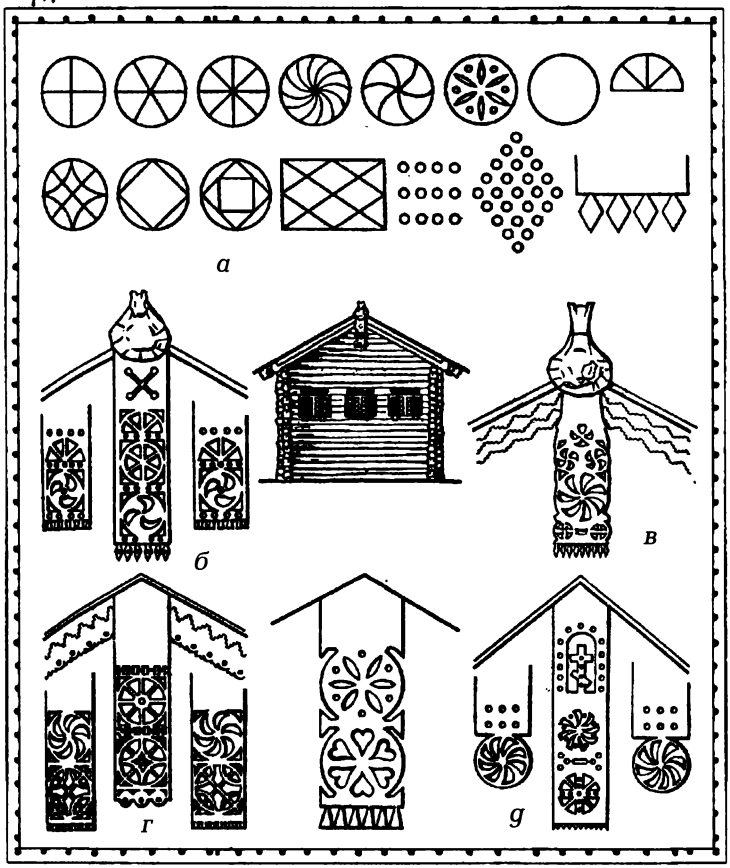


Символы солнца и земли в различных вариантах



Русская прялка с изображением знаков солнца

Утро и вечер. На нижних концах причелин, соответствующих в общей картине небесного хода солнца восходу и закату, почти всегда находятся рядом знаки солнца и знаки земли. Чаще всего солнце изображается ниже земли — оно ведь еще только должно взойти: иногда над землей помещают половину солнечного знака — солнце восходит.



Охранные символы солнца и земли:

а) «Полотенца» утреннего, полуденного и вечернего комплексов с охранными знаками;

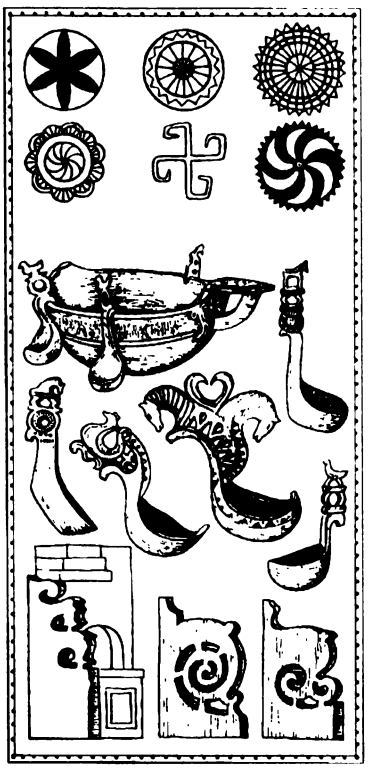
б) Полуденный комплекс изображения всего суточного солнца (три дневных солнца и два ночных и белого света — в центре);

в) Утренний охранный комплекс узоров: символ ночного солнца на «полотенце» и восходящего — на причелине;

г) «Полотенце» с изображением белого света;

д) «Полотенца» полуденного комплекса с двумя солнцами и крестом

Иногда солнце показано уже взошедшим, находящимся над землей; в этих случаях земля показана не прямоугольником, а знаком плодородия — перекрещенным квадратом. В комплексе нижних концов причелин очень часто солнце изображается «бегущим», что вполне соответствует зрительному восприятию хода солнца — при восходе и закате особенно ощутимо движение светила, быстро поднимающегося или опускающегося по отношению к горизонту.



Священный знак солнца с вариантами распространенных изображений. Русские ковши и священные изображения солнца, коней и водоплавающих птиц на русских ковшах и на «коньках» у печей в русских избах

Полдень. Полдневное солнце изображалось на фасаде избы, на самом верху, под главенствующей фигурой щипцового* коня, но, как уже говорилось, все же ниже «хлябей небесных», являвшихся верхним небом. Для того чтобы оставить солнце в надлежащем ему ярусе, старинные умельцы приделывали к щипцу короткую доску-«полотенце», свисавшую вертикально вниз по фасаду. Вот на нижнем конце этого «полотенца» и размещался полуденный комплекс солнечных знаков.

Полуденный комплекс всегда был богаче утренне-вечерних. Чаще всего здесь изображались два солнца, подобно тому как на календаре месяц летнего солнцестояния (июнь) обозначался не одним крестом, как другие солнечные фазы, а двумя крестами.

Два солнца, расположенные одно под другим, могли быть одинаковыми (обычно с шестью лучами), но одно из них могло быть дано в динамической форме бегущего колеса. В отдельных случаях (в христианские времена) над солнцами помещалось изображение православного креста, придававшее ясность семантике солнечных знаков, — они тоже были священны и обладали такой же силой, как и крест, которым отгоняли бесов.

На некоторых «полотенцах» изображался весь суточный ход солнца: наверху три дневных позиции солнца (утро, полдень и вечер), внизу две позиции ночного подземного солнца, а в центре — огромный

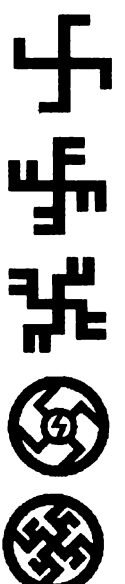
*Щипец — верхняя часть торцовой стены избы, ограниченная двумя скатами крыши и не отделенная снизу карнизом (в отличие от фронтона). Название обычно применяется к постройкам с крутой двускатной крышей, образующей остроугольный щипец.

лучистый круг, символизирующий «белый свет», Вселенную, осиянную, по мнению русских людей XII—XIII вв., «неосязаемым и неисповедимым светом».

Символы земли, как правило, отсутствуют в полуденной композиции, но иногда они все же изображаются. В этих случаях они обязательно сопряжены с солнцем: или солнце светит на подступающую к нему (сверху и снизу) землю, или же маленький символ земли помещают между двумя бегущими солнцами, и он оказывается как бы всесторонне освещенным.

Свастика

Пожалуй, основополагающий знак солярной символики. Впервые этот символ, наряду с некоторыми другими символами германского язычества, присвоил для своей фашистской державы Адольф Гитлер. С тех пор и повелось, если свастика — значит, речь идет о фашизме. На самом же деле, свастика не имеет никакого отношения к безобразию, называемому фашизмом. Знак этот есть изображение солнца, обращение к светлым богам; он приносит благо и справедливость в мир Яви, несет в себе огромный заряд светлой магической энергии.



Виды свастик

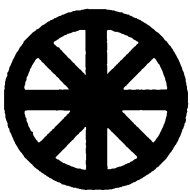
Классическое санскритское название этого символа происходит от

индоевропейского корня «su/swa», что означает «связанный с благом». Вспомним птицу Матерь *Сва* (покровительницу Руси), бога *Сва*рога, *Сва*ргу — место обитания светлых богов славянских мифов. К этому же корню относится слово «свет». У славян свастику называли *коловрат* или солнцеворот. Однако коловрат все же начинается с шести лучей. Так как *коло* — это круг, *кол*ьцо, *ко*лесо, *колод*ец, *колоб*ок. *Колов*рат во все века и у всех народов был символом солнца, есть основания даже полагать, что солнце в древности называлось именно «коло».

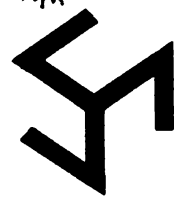
Также некоторые авторы связывают его с единством статики и динамики. Причем динамический смысл имеет только вращающаяся свастика. Если она вращается по часовой стрелке (вправо), то символизирует стремление ко всему связанному с жизнью, с положительными качествами и активным мужским началом; вращение же против часовой стрелки, напротив, указывает на умирание, на отрицание всего положительного и пассивность поведения. Абсолютно наоборот трактуют направление вращения своей свастики греки (называвшие этот знак «тетракселе» — «четвероногий», «четырехконечный»), так как узнали о свастике они от недружественных им славянских народов и решили, что то, что славянам — Правь, им — Аид. Отсюда много путаницы с направлением вращения и направлением лучей у свастик. Свастика — это не только четырехлучевой знак. Бывают также и свастики с 2, 3, 5, 6, 7, 8 и более лучами. Каждый вид свастики имеет свое специфическое магическое значение. Разберем некоторые виды свастик.

Шестиконечный крест, заключенный в круг, — ***громовой знак Перуна.*** Распространен этот знак был очень широко, его знали и скандинавы, и кельты, и славяне. Громовой знак мы можем увидеть в орнаменте русских прялок и на избах вплоть до нашего времени. Вырезали его на них не просто так. На избах его вырезали на кокошнике (доска, свисающая с торца конька) в качестве магического громоотвода.

Также громовой знак — знак мужества, воинской доблести — был магическим знаком русской дружины. Этот знак можно встретить на шлемах, пластинах доспехов. Знак этот также вышивали на мужской рубахе.



Восьмилучевой коловрат — знак, под которым происходит сейчас возрождение славянского язычества. Вы можете его увидеть на знаменах современных языческих общин. Такая честь этому знаку отдана не случайно. Это — знак Сварога, бога-творца, бога мудрости. Именно Сварог создал Землю, людей (через Даждьбога), даровал людям многие знания, в том числе — металл и плуг. Знак Сварога есть знак мудрости и высшей справедливости, знак Прави. Также коло Сварога — символ вселенной. Устройство вселенского колеса Сварога очень сложно. Центр его находится на Стожаре-Стлязи — небесной оси. Оно проворачивается вокруг Стожара за одни сутки и делает оборот за год. Самое же медленное вращение колеса приводит к смене зодиакальных эпох. Такой оборот колеса длится 27 тысяч лет. Это время называют сутками Сварога.



Триксель — трехветвевая свастика. На севере используется «ломаный», т. е. не имеющий связей между лучами триксель. Магическое значение его известно не очень точно. Это знак «того, что ведет», знак, направляющий развитие событий в нужном направлении. Это руна, связанная с направлением и ориентацией человеческой деятельности. Проще говоря, знак этот ориентирует человека в жизни, служит своеобразной путеводной звездой для него. Также некоторые ученые связывают этот знак со временем и богом времени, у славян — с Числобогом, а три луча трикселя — с тремя ногами, согнутыми в коленях (бегущими), однако такое определение весьма поверхностно: оно строится лишь на греческом толковании названия знака: *tri* — «три», *kselos* — «кость, конечность».

Следуя греческой терминологии, четырехлучевая свастика называется тетраксель.

Итак, основные формы солярной символики свастики рассмотрены. Однако существует также множество других солярных символов, которые менее свойственны славянским народам, например «глаз дракона» — трехлучевая свастика с соединенными лучами, употребляемая на территории Уэльса (Великобритания) в магии земли; так называемый «кельтский вариант» — свастика с волнисто изогнутыми лучами, вписанная в круг, *зонненрад* (кстати, он являлся эмблемой некоторых дивизий СС), «крест посвящения» и многие другие...

Крест

Тоже солярный символ. К свастике мы не относим его весьма условно — крест тоже свастика, только без отходящих в сторону лучей. Крест стал одним из самых известных христианских символов. И не только. Например, католические миссионеры, проповедовавшие в Китае, видели кресты, изображенные на статуях Будды, учение которого возникло примерно на шесть веков раньше христианства, а испанские конкистадоры были свидетелями почитания креста североамериканскими индейцами-язычниками как слияния Небесного огня и огня Земного.

Кресты

Слово «крест» происходит от общеевропейского корня *cru*, что значит «искривленный». Этот корень мы можем наблюдать в словах *кр*уг, *кр*ивой, *кр*утой. В латинском языке *crux* — «крест». Есть еще версия, что слово «крест» происходит от славянского корня «крес» — «огонь» (сравните: *крес*ало — инструмент для разжигания огня).

Археологические данные свидетельствуют о том, что крест как символ почитали еще в верхнем палеолите. Крест — символ жизни, неба и вечности. Правильный (равноконечный) крест символизирует принцип соединения и взаимодействия двух начал: женского (горизонтальная черта) и мужского (вертикальная). Также кресты разделяют на прямой, т. е. имеющий горизонтальную и вертикальную черты, и косой, имеющий две диагональные черты, причем

прямой крест олицетворяет мужское агрессивное творческое начало, косой — более мягкое творческое начало.

Прямой крест также может служить примитивной моделью Мирового Древа, где вертикальная черта — Мировое Древо, а горизонтальная — мир Яви. Соответственно, крест со сдвинутой вверх горизонтальной чертой обозначает расположение мира Прави на Древе, вниз — мира Нави. Естественно, эти кресты имеют соответственное магическое значение.

Рассмотрим основные типы крестов, характерные для нордической традиции.

Кельтский крест, **или** ***колокрыж,*** наиболее точно демонстрирует сходство креста со свастикой и всю условность их разделения. Посмотрите на шести- и восьмилучевые коловраты, представленные в этой работе. Кроме количества лучей у этих знаков ничего не меняется. Несмотря на то что крест этот называется кельтским, известен он практически всем индоевропейцам, в том числе и славянам. История кельтского креста насчитывает как минимум 8—9 тысячелетий. Кельты же особенно почитали этот крест. Еще кельтский крест называли «крестом воина», «крестом Вотана» (Одина).

Двенадцатиконечный крест представляет собой крест с перекладиной на каждом луче или же свастику с продолженными влево (у темной — вправо) лучами. Назначение этого креста — защита от внешних воздействий. Также многие исследователи говорят об этом знаке как о волшебном знаке Рода. Его также называют «шлемом ужаса». Этот символ

был распространен еще в глубокой древности: есть этому археологические доказательства — много амулетов со «шлемом ужаса» было найдено на территориях скифов, мордвы, индоевропейских народов; в Средневековье им украшали стены домов и деревянные изделия, а также нередко и церковную утварь. Самым мощным символом среди «шлемов ужаса» является так называемый Эгисхьяльм (скандинавское название), или Крест Непобедимости, — этот символ превосходит все остальные по своей эффективности.

ХЛЯБИ НЕБЕСНЫЕ

Магическая система защиты от духов зла предусматривала изображение не только солнца и его пути по небу, но и самого неба как вместилища дождевой воды, необходимой для роста всего живого.

Итак, верхний контур двускатного фронтона славянского дома представлял собой небосвод, по которому солнце совершает свой дневной путь от левого нижнего конца кровли вверх к щипцу кровли, к ее «коньку» и далее вниз к правому нижнему концу кровли.

Небосвод состоял из двух небес — водного и солнечно-воздушного, разделенных прозрачной «твердью небесной». Что же касается дождя, то древние славяне считали, что дождевая влага берется из небесных запасов воды, хранящихся на верхнем небе, находящемся над средним небом, по которому движутся солнце и луна. Запасы воды на небе носили в древнерусском языке наименование «небесных хлябей». Сильный дождь, ливень определялся фразой: «разверзлись хляби небесные», то есть открылась, получила свободу небесная вода и ринулась вниз, на землю.

«Твердь» в средневековом понимании удерживала «хляби небесные» где-то в недосягаемой вышине над воздушным пространством обычного неба. Это раздвоение неба отразилось в русском языке в словах «небо» (ед. ч) и «небеса» (мн. ч).

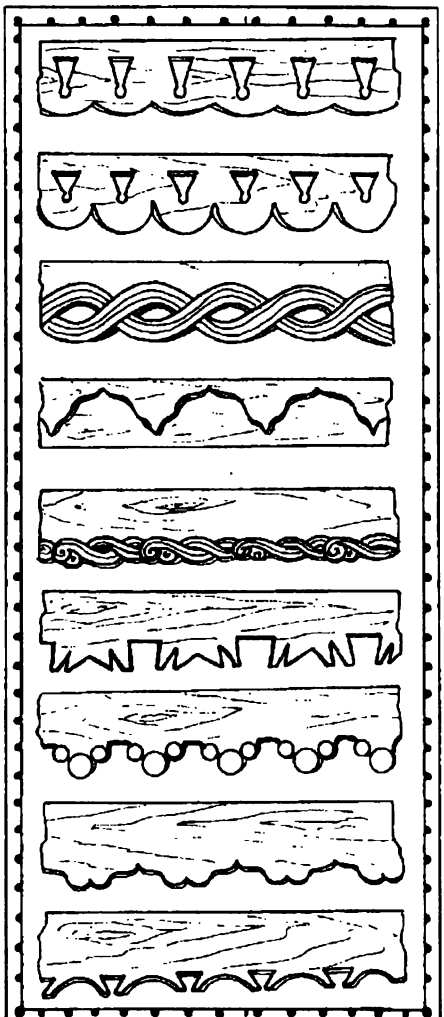
Небесные хляби верхнего неба на причелинах домовых кровель изображались практически всегда. Самым частым является волнистый орнамент или узор из городков, которые на расстоянии тоже воспринимаются как волны. Обычно волны избяного «небосвода» идут в 2—3 ряда, как бы подчеркивая глубину водного неба. Очень часто вместе с волнистыми линиями изображаются небольшие кружки, символизирующие дождевые капли.

Причелины с изображением волнистых струй известны в Новгородской области, в Архангельской, Вологодской, Ярославской, Ульяновской, Горьковской, в русских селах Карелии и в ряде других мест Средней России и Севера.

Другим символом, изображавшимся вместе с небесной водой, были символы женских грудей. Они известны нам по новгородским причелинам XI—XV вв. Груди изображались то в виде узора, где этот сюжет является повторяющимся, то в виде парных изображений двух грудей, тщательно обозначенных резчиком, но также образующих в своей повторяемости волнистый узор.

Иногда мотив женской груди передавался округлыми выступами на нижней кромке причелин (идущими непрерывно или же попарно, с интервалами между парами), но значительно чаще он изображался в виде небольших зубчатых (ступенчатых) городков, которые на расстоянии, для смотрящего снизу человека, давали полную иллюзию той символической

фигуры груди, которую так тщательно и натуралистично вырезал новгородский резчик времен Ярослава Мудрого.



Мотивы женской груди и «хлябей небесных» на причелинах

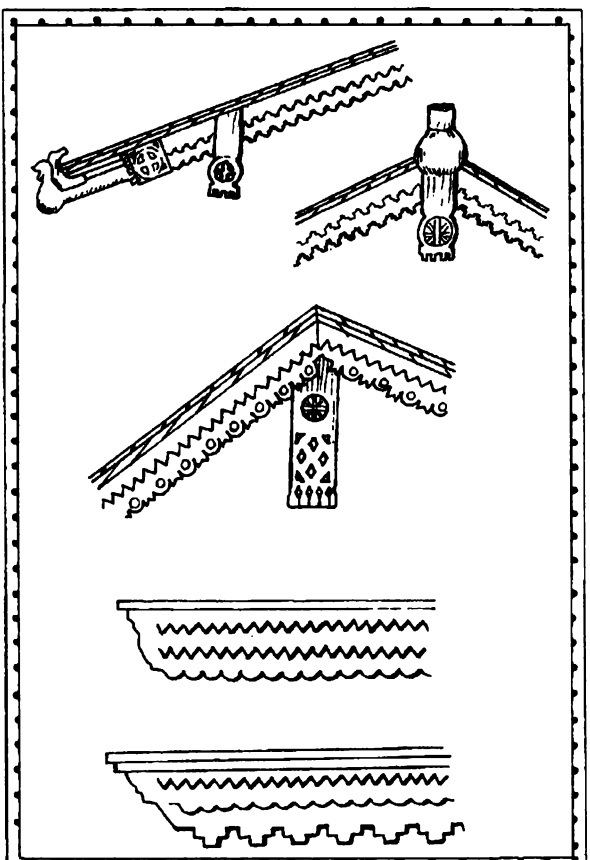
Земледельцы энеолита представляли себе дождевые струи как поток молока Матери-богини. И первоначально славянские язычники почитали двух небесных богинь-рожаниц, культ которых потом совместился с почитанием мужского небесного божества — Рода и даже пережил его, уцелев до XIX в. в целой серии крестьянских вышивок.

В русском средневековом языке такие слова, как «грудь» и «груда» были очень близки. «Грудие росное» — капли росы, помогающей растениям напиться небесной влаги — «родивыи капли росныя». Русские язычники XII — XIII вв. полагали, что роса, опадающая с небес в виде тумана-облака, посылается богом неба Родом именно как влага жизни.

Причелины русских изб украшались в два-четыре ряда. Верхний ряд чаще всего был занят зигзагообразной линией, устойчивым древним символом воды, в данном случае — «хлябей небесных», недосягаемых дождевых запасов. Ниже шел ряд городков или парных изображений женских грудей, очевидно связанных с представлением о небесных богинях-рожаницах, которые, по мысли древних охотников, рождали «оленьцов малых», а по мысли земледельцев, проливали дождь на поля. Эти два основных ряда иногда перемежались рядами сквозных круглых отверстий, изображающих дождевые капли. Такими же кружками нередко снабжались городки и полукруги нижнего ряда.

Часто встречается (притом в разных отдаленных местах) сочетание в одном ряду полукругов-грудей с кружком посередине и коротких зигзагов между ними. Здесь, очевидно, зубчики между полукругами можно толковать как добавление символа воды к изображению туч-грудей.

Итак, в узорах избяных причелин показывались две неразрывно связанные друг с другом идеи: во-первых, наличие в верхнем небе (над твердью) запасов дождевой воды, а во-вторых, передачу этой воды

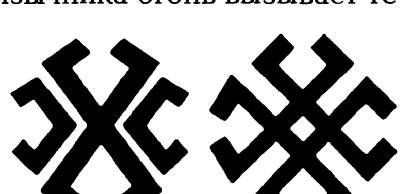


Охранные орнаменты причелин в несколько рядов

вниз, на землю к пахарям, показанную посредством мифологического символа грудей небесных богинь, орошающих землю «родивыми» «грудями росными».

ОГОНЬ

Огонь... Наверное, даже самый городской человек хоть раз в жизни смотрел на живой огонь, не из газовой плиты или зажигалки, а настоящий, который в печи или костре. Зрелище, завораживающее глаз и ум. Естественно, что у язычника огонь вызывает те же чувства.



Знаки небесного огня

Огонь для язычника — это не просто химический процесс, это сакральное явление. С этим явлением напрямую связаны понятия об огне жертвенном (земной огонь) — дым от жертвенного костра уносит в Ирий сущности жертв (сущности потому, что сложно сказать, что, к примеру, у блина есть душа или нет, а вот сущность есть у любого предмета). Также существует огонь небесный — огонь небесной кузни Сварога. Тора — одна из основных творческих сил. Проведем некоторые аналогии с Солнцем и плазмой и теорией большого взрыва

Знаки земного огня

и периодом формирования Земли, когда на ней происходили активные тектонические процессы, извержения вулканов. Уместно будет также вспомнить об огненном мече — символе справедливости и Прави, которым вооружены многие герои фантазийные и исторические персонажи в современных произведениях. Даже рыцари Джедаи из фильмов Джорджа Лукаса, исповедующие, по сути, язычество, вооружены световыми мечами.

Также существует огонь Нави, здесь мы проведем аналогии с христианскими культом, в котором грешников, пребывающих в аду, жарят черти на кострах в семи режимах приготовления этих самых грешников (см. «Божественную комедию» Данте). Это примитивное поверие о несчастной судьбе грешников имеет корни в более широком и обоснованном языческом представлении о навском огне. Навь у язычника ассоциируется с подземным огненным царством (вспомним греческий Аид) — и никто, кстати, там не жарится, просто подземный огонь понимается как стихия. Здесь будет уместно вспомнить об огнедышащих драконах и змеях — они тоже дети Нави. Огонь Нави можно интерпретировать как регрессивную, разрушающую силу, сжигающую добро и свет. Ведь можно обжечь сердце любовью (небесным огнем), а можно спалить душу пьянством и обманом.

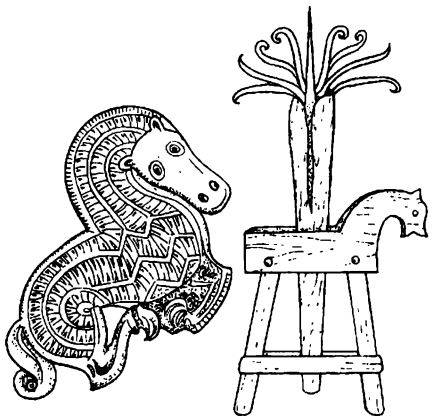
Теперь посмотрим на графические изображения этих знаков. Знаки огня, особенно небесной кузни — довольно сложные в исполнении и понимании знаки.

Представляют они собой, как правило, четырехчастные свастикообразные знаки, однако это не совсем свастика, ибо огонь никуда не крутится, лучи, а скорее даже языки пламени располагаются иначе, чем у свастик. Они связаны не только с формированием и ориентацией деятельности человека (на любом уровне) в нужном направлении, но и с приданием ему необходимой силы. Второй аспект — раскрытие. Очевидно, что оба аспекта взаимосвязаны — невозможно воплотить замысел, на раскрыв себя миру. Из этих знаков составляется руна плодородия и наследия.

Огниво

Огниво — средство для добывания и поддержания огня — в Древней Руси было обычным и привычным предметом обихода.

Приспособление для получения огня, металлическая пластина овальной формы с несомкнутыми концами, которые отогнуты внутрь или наружу таким образом, что образуются колечки — «усики». В более раннее время в русском быту было известно огниво, имевшее форму кинжала без рукоятки, с тупыми краями и острым концом. Его длина колебалась от 9 до 30 см. Для получения огня необходимо было иметь кроме огнива кремень и трут. Человек, высекавший огонь, ударял огнивом по кремню, появлявшиеся при этом искры ловились на трут, лежавший в коробочке с крышкой — трутнице. Огонь разгорался в коробочке, откуда его переносили на бересту, солому, паклю, сосновые угли или на серянки — самодельные спички. Тушился огонь после его использования закрыванием крышки коробочки.



Огниво и кресало в форме коников, украшенные охранной резьбой

Огонь, полученный с помощью огнива, считается особенно благотворным для человека. Он приносит в дом счастье, благополучие. В русской деревне существовал целый ряд предписаний, как обращаться с огнем, чтобы не разгневать его, не оскорбить, не запятнать его чистоту. Нельзя было плевать в огонь, мочиться в него, бросать в него различный мусор, нечистоты, нельзя затаптывать ногами, гасить. Огонь можно было только задуть или подождать, когда он умрет сам. Если эти правила нарушать, то огонь накажет всю деревню пожаром, а человека, обидевшего огонь, — вогником, красной сыпью на лице.

Представления об огне и его волшебных свойствах переносились и на орудие добывания огня — огниво. В русских волшебных сказках огниво — предмет, служащий для вызывания духов, а также выступающий в качестве посредника между «нашим миром» и потусторонним. Обычно герой сказки вызывает духов ударом огнива о кремень.

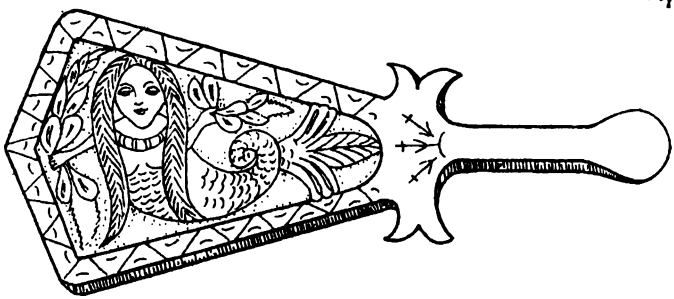
ВОДА

Вода, одна из творческих стихий, очень интересна с языческой точки зрения, у нее очень много сакральных аспектов, что не может не отражаться на ее символике. Во-первых, вода для язычника — это то, что дает жизнь всему живому. При помощи животворящей небесной воды зеленеют травы и леса весной, созревает урожай, все цветет, плодоносит и колосится. Согласно древнему мифу, из воды родилась земля, принесенная в клюве Мировой Уточки. Вода несет в себе сакральный смысл очищения. Язычник, моющийся в бане, смывает с себя не только грязь физическую, но и грязь духовную — оболочку порока, тьмы, ненависти. Создается ритуал, ведь совершается священнодействие перерождения, обновления человека — подобно обновлению кожи и тела человека в бане, обновляется душа, его аура. Омовение совершалось перед важными делами — жрец обязательно должен помыться в бане, чтобы совершить обряд, человек должен помыться, например, перед свадьбой — прежде всего не для красоты, а для того, чтобы ритуалу не помешали темные

силы. Воин же всегда мылся и перед битвой, и после нее, дабы на сражение не повлияли все те же силы. И третий по счету, но далеко не последний аспект значения воды для язычника — это ее течение. Все знают пословицу, что два раза в одну и ту же реку не войти. Многие ее не понимают — для них река — это синяя линия на карте. Для язычника же река — это поток воды — вода утекла, и река другая. То есть течение воды — это своего рода показатель времени. Недаром говорят: «сколько воды утекло с тех пор», имея в виду, что прошло много времени. Так что текучая речная вода — это и сакральное сравнение со временем — вода неизбежно утекает, как и утекают дни, годы, века.

Соответственно, символы воды имеют различные значения.

Животворящая вода — небесная вода, или, как ее называли древние, — «хляби небесные». Дождь, поливая поле, дает жизненную силу растениям, наполняет их соками. Также с небесной водой связано представление о роге изобилия. Дожди поливают землю, земля рождает сочные травы, значит, есть чем кормить скотину, есть в изобилии молоко и мясо, на полях колосятся хлеба и зреют плоды и овощи. Иногда рог изобилия изображают с выливающейся из него водой. Слово «дождь» — родственно слову «Даждь» — одному из имен великого бога — подателя благ и прародителя людей Даждьбога. Между прочим, имя Даждьбог получилось из двух корней — «даж», то есть давать, благотворить, помогать и собственно «бог». В отличие от речной дождевая вода символизирует мужское оплодотворяющее начало.



Валек для стирки белья
с изображением плывущей берегини

Совсем другая вода — речная, в отличие от дождевой, она в основе своей пришла как раз из-под земли — из ключей, родников. Между прочим, родник считался священным местом — осквернить его было то же, что осквернить капище. Ведь в роднике «рождается» вода — приходя из недр земли, она течет из родника тоненьким ручейком, ручеек соединяется с другим, они соединяются с третьим — так получается могучая река. Некоторые родники обладали чудодейственными целительными свойствами. Опять же это не выдумка — научно доказано, что из некоторых источников течет вода, обогащенная солями и минералами, очень полезная для здоровья.

Поскольку ключевая и речная вода течет, ее изображают волнистыми горизонтальными полосами. Вода речная, в отличие от дождевой и наряду с нитью, может выступать как символ течения времени, жизни. Вода утекает вместе с навсегда ушедшими в прошлое мгновениями. Такова правда жизни... Вода — это не просто судьба, эта ведущая сила, то есть в воде есть сакральный символизм рока, того,

от чего уйти нельзя, однако, как правило, в позитивном смысле. Проточная вода, движущаяся формирует поток и увлекает за собой.

Существует множество удивительных преданий о волшебных реках, они вам покажутся знакомыми по сказкам — это Ирийская молочная река, вытекающая из-под камня Алатыря (что на острове Буяне), — символизирует она не что-нибудь, а Млечный Путь. Молочная река — это поэтическое представление окраин нашей галактики. С Млечным Путем и молочной (Белой) рекой связано множество преданий, большинство — с рассказами о жизни после смерти. Однако в этих рассказах фигурирует еще одна река, — Смородина, огненная река. Она разделяет явский мир и «великие просторы Нави» (высказывание — «Навий Шлях», община «Бор»). Стережет границы Нави знакомая многим, если не всем, Баба Яга.

С этим знанием становятся понятны многие сюжеты сказок — богатырь пересекает огненную реку и попадает к Бабе-Яге — это сюжет, похожий чем-то на древнегреческий сюжет об Орфее и Эвридике. И туда же унесли гуси-лебеди братца Иванушку от сестрицы Аленушки. Ваня умер, а сестрица вызволила его из лап смерти.

С мифическими реками также связано представление о Калиновом Мосте. Калинов Мост — понятие многогранное и очень сложное. Оно связано с тонкими состояниями человеческой души — любовью, высокими чувствами. В поздние времена «Встречаться с кем-то на Калиновом Мосту» — значило любить (см. статью В. Н. Вакурова «Калина жаркая», журнал «Русский язык за рубежом», № 4, 1990 г.). Однако не все так радужно. На самом деле,

на Калиновом Мосту проходит главная битва людской души между началом Прави и Нави — бой с самим собой (наша жизнь — вечная борьба). Гениальный русский художник Константин Васильев очень точно изобразил этот поединок. Настоящий мужчина в душе всегда воин, воин духа, если же он не воин, значит, он гад, и в переносном, и в прямом смысле, то есть змей, червяк. В бою на Калиновом Мосту очень трудно одержать полную победу, уничтожить в себе ту или иную сторону, так же как нельзя быть абсолютно добрым, абсолютно мудрым — поэтому небесный чертог Прави никак не может победить силы Нави.

К. Васильев. «Бой на Калиновом Мосту»

Славяне считали воду стихией, из которой образовался мир. Без животворной силы света недвижная вода наполняет пространство в виде снега, льда, но когда свет и тепло пробуждают ее, она растекается и под влиянием света рождает и питает годовой мир. На этом основании славяне-светопоклонники почитали воду и населяли ее различными божествами (*моренами*, *водяными*, *русалками*). Боготворили они и особых женских водяных существ — *берегинь*, культ которых непосредственно связан с водой. Поклоняясь водяным божествам, славяне очищались водой как священной стихией, приносили воде жертвы — цветы, пищу, кур. Все жертвоприношения оставляли на берегу, чтобы вода могла забрать их.

Поклонение берегиням, а также упырям и вампирам относится к наиболее древнему периоду истории славян: злые вампиры, которых нужно отгонять и задабривать жертвами, и добрые берегини, которым нужно «класть требы», чтобы они помогли человеку.

Многочисленны сказочные образы живой воды и живого огня. Живая вода исцеляет раны, наделяет крепостью, возвращает жизнь. Славяне противопоставляли воду «живую» воде «мертвой». «Мертвая» вода иногда называлась «целющей»: она сращивает вместе рассеченные части мертвого тела, но еще не воскрешает его. Возвращает ему жизнь «живая» вода. В народном эпосе рассказывается о том, что убитых героев сначала окропляют «мертвой», а потом «живой» водой.

Дождь

Дождь в народной традиции — объект почитания и магического воздействия. Власть над дождем, как и другой стихией, приписывается представителям иного мира — покойникам и особенно висельникам и утопленникам, которые считаются хозяевами и предводителями туч — небесных стад коров, быков, волов и т. п. Сербы для отгона грозовых и градовых туч обращались к последнему в селе утопленнику или висельнику, называя его по имени и заклиная отвести своих «говяд» от полей и угодьев.

Во время засухи жители Полесья оплакивали мифического утопленника Макарку, размешивая воду в колодце палками и голося: «Макарко-сыночек, вылезь из воды, разлей слезы по святой земле!» Колодцы, источники и другие водоемы, по народным представлениям, связаны с небесными водами как сообщающиеся сосуды, поэтому воздействие на земные воды вызывает «отворение» небесных вод. Во время засухи ходили к источникам, колодцам и рекам, освящали воду и молились, желая дождя.

Нередко ходили к заброшенным источникам, прочищали их, обливая друг друга водой, вызывая дождь. Обходили села, поля, совершали молебны у колодца или реки. На Житомирщине был обычай для прекращения засухи ходить вокруг старого колодца: впереди шли три вдовы, одна несла икону, другая хлеб-соль, третья их сопровождала. Все брались за руки, молились, просили послать дождь. Колодец обходили трижды, в обряде участвовали только женщины.

В Полесье часто в колодец сыпали мак, бросали деньги, соль, чеснок, освященные травы, зерна пшеницы и ржи, просфору, лили освященную воду, вычерпывали всю воду из колодца и т. п. Иногда в колодец бросали глиняные горшки, причем во многих селах Полесья считали, что горшок следовало украсть — у соседей, инородцев, у гончаров. На Гомельщине говорили: «Вот как нет дождя, то украдем где-нибудь... гладышку, да в колодец — бух! И тоже, говорят, дождь пойдет». Более действенным этот способ оказывался тогда, когда обряд совершала вдова или когда горшок крали у вдовы. На Черниговщине похищали из печи горшок с борщом и бросали его в колодец. Мотив борща характерен для широко распространенных детских песенок о дожде: «Дощику, дощику, зварю тоби борщику. Мени каша, тоби борщ, щоб ишов густиший дощ»; «Иди, иди, дощику, в поливъяным горщику». Иногда украденные горшки сначала разбивали, а затем черепки бросали в колодец.

Близким к этому способом вызывания дождя являются болгарские и сербские приемы защиты от «черепичной магии»: у черепичников и кирпичников крали продукты труда или орудия их изготовления и все это бросали в воду. Это действие понималось как снятие порчи («запирания дождя»), которую якобы наводили черепичники. Их, как и гончаров, считали виновниками засухи из-за их причастности к стихии огня (обжиг горшков, черепицы) и профессиональной заинтересованности в сухой погоде (ради сушки своих изделий).

В Западной Болгарии и в Восточной Сербии известен специальный обряд, исполняемый во время засухи с целью вызвать дождь: девушки лепили из глины

куклу по имени Герман (мужская фигура размером до 50 см с гипертрофированным фаллосом) и затем, имитируя погребение, закапывали куклу на берегу реки или бросали в воду, причитая: «Ой! Герман, Герман, умер Герман от засухи ради дождя». В подобных ритуалах оплакивания слезы магически уподоблялись дождю. В Полесье с той же целью и с той же мотивировкой исполнялся ритуал похорон лягушки: во время засухи дети ловили лягушку, убивали ее, наряжали ее в одежду из тряпочек, клали в коробок, голосили по ней, как по покойнице, и закапывали у криницы; на «могиле» чертили рукой крест. Вместо лягушки могли убить какое-нибудь другое маленькое животное или насекомое — рака, ужа, медведку, вошь и т. п. Ужа и насекомых иногда подвешивали на дереве или заборе. Верили, что после этого пойдет дождь.

Еще более прямой магический смысл имели обрядовые обливания водой во время засухи. Люди обливали друг друга водой, говоря: «Как на тебя льется вода, так чтобы дождь обливал землю» (Житомирщина). Это делали у реки или у колодца. Иногда обливали людей, которые, по народным представлениям, обладали особой магической силой: беременную женщину (символизирующую мать сыру землю), пастуха (повелителя земного стада, способного воздействовать на небесные «стада» туч), попа (тот же символ пастуха-пастыря). В Полесье обливали также углы хаты.

Обливание могло носить и искупительный характер, его применяли тогда, когда причиной засухи считали нарушение определенных запретов. Так, на севере Житомирщины засуху объясняли тем, что какая-нибудь женщина в селе на Благовещение,

вопреки строгому запрету, пекла хлеб. Тогда, чтобы искупить этот грех и снять наказание (засуху), три женщины собирались, брали каждая по два ведра воды, шли в дом к «виновнице», выливали всю воду посреди хаты и обливали снаружи углы дома, а кое-где обливали саму женщину.

Искупительный характер носит и обряд поливания водой (или разрушения) могилы нечистого (заложного) покойника, если он, в нарушение запрета, похоронен на кладбище. Иногда такую могилу раскапывали, а труп бросали в реку. Сербы снимали крест с какой-нибудь безымянной могилы, относили его в реку или ручей и укрепляли так, чтобы он стоял, пока вода его не снесет. Когда устанавливали крест, трижды говорили: «Крест в воду, а дождь на поле! С неведомой могилы крест, с неведомой горы дождь!» В Полесье похищали у кого-нибудь из соседей рушник с икон, замачивали его в воде и вешали на прежнее место (втайне от хозяйки). Помогала от засухи и марля, которой подвязывали челюсть покойнику: ее несли в поле, там жгли и просили: «Нам, Господи, пошли дождик!»

В Полесье и прилегающих районах Белоруссии и России для вызывания дождя совершали обряд «вспахивания реки»: во время засухи пахали или боронили высохшее русло реки или просто протаскивали по дну плуг. Символическое пахание могли производить и прямо на мелкой воде: в Сурожском уезде выбирали красивую девочку в возрасте 15 лет, раздевали ее донага, увешивали ее венками и заставляли в таком виде боронить воду. В наше время подобный способ вызывания дождя отмечен в Гродненской области: собрались старые бабы, украли плуг на колхозном дворе, занесли его на реку — одни бабы.

Одни запряглись, а другие погоняли. Иногда вместо реки «пахали» дорогу или рыли на дороге ямки, символически «отворяя» воду (Полесье).

Поскольку засуха понималась кик стихийное бедствие, для ее прекращения могли применяться общие защитные меры, помогавшие в случаях мора, болезни, пожара и т. п.: опахивание села или придорожного креста, обходы села и полей, изготовление сурового полотна, рушника или установка обыденных крестов. Еще одним способом вызывания дождя, носящим сугубо магический характер, было разрушение муравейника. Муравейник разгребали палкой, подобно тому, как колотили воду в кринице; при этом расползающиеся муравьи символизировали и магически вызывали капли дождя. Этот способ известен в Полесье и у южных славян. Сербы, разгребая муравейник, произносили специальное заклинание: «Сколько муравьев, столько и капель!»

Языческие способы вызывания дождя, особенно требы у колодцев, сурово осуждались церковью.

Для остановки *дождя* совершали разнообразные останавливающие или отвращающие действия: выбрасывали во двор яйцо, выносили или выбрасывали во двор, под дом, на крышу хлебную лопату, кочергу, хлебную дежу*, жгли в печи троицкую зелень, освященную вербу и т. п. Причиной непрекращающихся, затяжных *дождей* считалось осквернение воды. Например, в Боснии думали в таком случае, что в воде есть что-то «поганое» — брошенный когда-то раньше в воду внебрачный ребенок или убитый, и дождь не прекратится, пока труп не будет извлечен из воды.

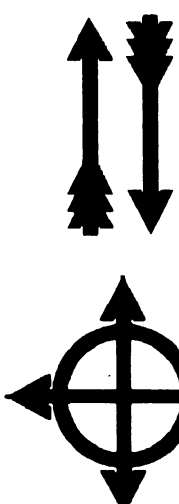
---

*Дежа — чаша для замеса теста емкостью от 100 до 600 л. Используется в хлебопечении.

Во время ненастья женщины выходили из дома, выносили подвенечную рубаху и, называя по имени утопленников из села, просили их отвести ненастье от полей. Широко известные детские песенки типа «Дождик-дождик, перестань...», несомненно, восходят к магическим, заклинательным текстам.

ВОЗДУХ И ПРОСТРАНСТВО

Воздух — одна из стихий мироздания (как и земля, вода, огонь); сфера пребывания душ и невидимых демонических существ. В народных верованиях сближаются представления о воздухе и дыхании, дуновении, ветре. Пространство, заполняемое воздухом, обширнее, чем земля; на воздухе «покоится» или «висит» небо.



Воздух и пространство

Воздух служит проводником, средой, через которую насылается порча, распространяется болезнь. Появление злого, нечистого *воздуха* связывают с моментом полного затишья, затмением Луны и т. д. Людям, оказавшимся в такое время под открытым небом, предписывается упасть лицом вниз на землю, чтобы «не ухватить этого воздуха».

В виде пара, воздуха или дыма душа покидает умирающего.

У восточных славян об агонии человека говорят: дух вон, дух вышел или пар вышел. Воздух, пар, исходящий от покойного, может быть опасен для окружающих. В Полесье существует много быличек, в которых рассказывается, как прохожий видит над свежей могилой пар, принимающий образы женщины в белом платье, столба (или огненного воздушного столба), самого усопшего. Это привидение преследует человека, когда ветер дует тому в спину, а догнав, садится на пленника и убивает. Спасаясь от духа, нельзя останавливаться, следует ударить его наотмашь, бежать против ветра и прятаться за угол, но можно и развеять его одеждой, особенно белым платком.

В Западной Белоруссии после смерти человека все выходили из хаты и открывали печь, чтобы воздух пошел наверх. Известный в Полесье обычай «поднимать воздух» (обычно на сороковой день после смерти) связан с представлением православных о том, что души умерших поднимаются в воздух и пребывают там в течение сорока дней, после чего летят в высшие сферы, на суд к Богу и т. д. В одном из сел Сумской области «здымают воздух» на могиле покойного: присутствующие берутся за углы скатерти и три раза поднимают ее вверх со словами: «Тело в яме, душа с нами, мы до дому, душа — в гору!».

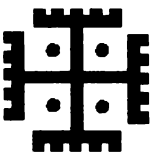
Многие демонологические персонажи, обитающие в воздухе, в том числе и болезнь, имеют облик пара, ветра, воздушного столба, густого дыма, газа и т. п. Так, по поверьям белорусов, ведьма, выпив чудесную жидкость, становится легкой как пух и носится по воздуху, по ветру. Опасные для человека духи, вызывающие сильный ветер, вихрь, смерч,

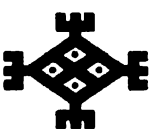
могут поднять человека в воздух и сбросить вниз, растерзать в воздухе и т. д. Воззрение на воздух как среду обитания бесов присуще и книжной христианской традиции.

ЗЕМЛЯ

Нива — идиограмма плодородия

Мать-земля, матушка-природа... Все знают такие словосочетания, но мало кто задумывался, почему так говорят. А ведь это выражение пришло к нам из язычества. Нет ничего удивительного в том, что наш предок-язычник называл землю матерью, она — подательница всех благ. Она и кормит, и поит, и одевает, и греет. Земля в союзе с Небом (в народной мифологии они супруги) дает нам тот мир, в котором мы живем... Естественно, о земле много говорится и в народных преданиях. Богиня земли, плодородия и судьбы — Макошь. Ее имя образовано из двух корней: *Ма* — «мать» и *кошь* — «кошелек, хранилище богатства». Такая расшифровка дает четкое представление о том, как относились наши предки к Макоши и самой земле. Земля ассоциируется с женским началом — во-первых, земля способна родить жизнь, во-вторых, ее сестры, Доля и Недоля, прядут нити судьбы (Доля прядет



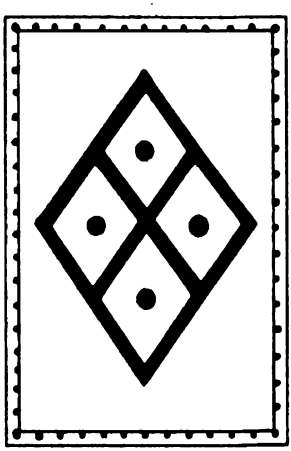


Знаки засеянного и незасеянного поля

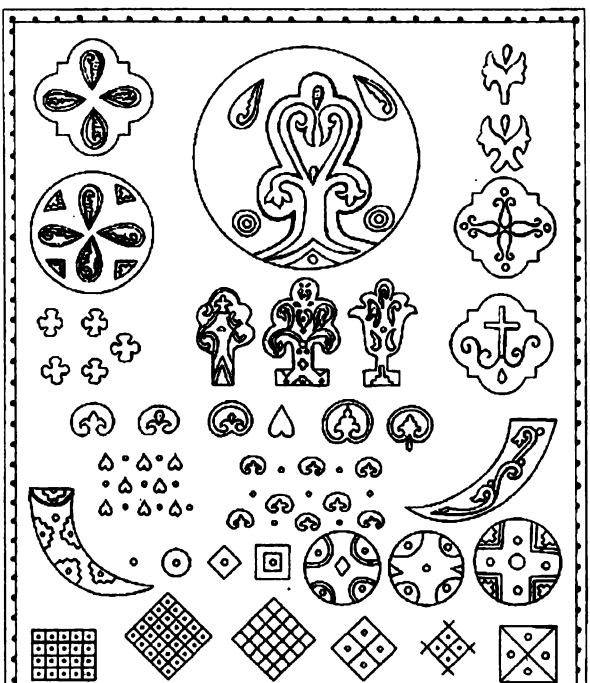
счастливую судьбу, Недоля — несчастную), ведь нить — символ жизни. У Доли нить мягкая, ровная, у Недоли — хлипкая, тонкая, как и судьба человека. Когда нить обрывается, человек погибает.

Непременный атрибут Макоши — рог изобилия, еще раз говорящий о ее значимости для людей и об их отношении к земле.

Поговорим сначала о символике плодородия. Она представлена очень характерным узором — ромбом (или квадратом), разделенным внутри еще на четыре ромба. Это — поле. Маленькие ромбики — лунки для семян. Если в маленьких ромбиках изображаются точки, это значит, что поле засеяно, — это символ плодородия. Если маленькие ромбики пусты, значит, поле не засеяно. Символы эти имеют соответственное магическое значение. Возможны бесчисленные вариации с ромбами, квадратами и точками. В целом, ромб (квадрат) с точкой посередине — это то, что может родить, то, что является источником благополучия и изобилия.



Нива — идеограмма плодородия



Аграрно-заклинательная символика на золотых изделиях XII—XIII вв.

Пустой ромб — то же, но не могущее (не оплодотворенное) родить. Гадания «на удачное место» применялись вплоть до конца XIX в., вот как гадали, например, в белорусской деревне: на всем предполагаемом месте усадьбы чертился на земле большой квадрат, затем его крестообразно делили на четыре части. Глава семьи отправлялся «на все четыре стороны», приносил с четырех полей четыре камня (причем нес под шапкой на голове либо за пазухой у голого тела) и раскладывал их в центрах малых квадратов. В результате на месте будущей усадьбы

появлялась идеограмма плодородия, дошедшая до нас со времен энеолита и встречающаяся на русских подвенечных вышивках даже в начале XX в. Хлеб, засеянное поле, беременность — эти понятия для древних славян были тождественны и прямо связаны с образом «домашней вселенной», а через нее — с космосом, с гармонией мира.

Затем хозяин становился в центр перекрестья — в центр вселенной, на место Мирового Древа — и, обнажив голову, молился, причем с непременным обращением за благословением и помощью к умершим предкам. Вместо камней иногда насыпали кучки зерна. Зерном же зачастую обводили контуры будущего дома, «скрепляя углы». В углы клали кучки зерна или хлеба. Через три дня приходили смотреть: если гадательные предметы (камешки, зерно или хлеб) оказывались непотревоженными, значит, можно было строиться.

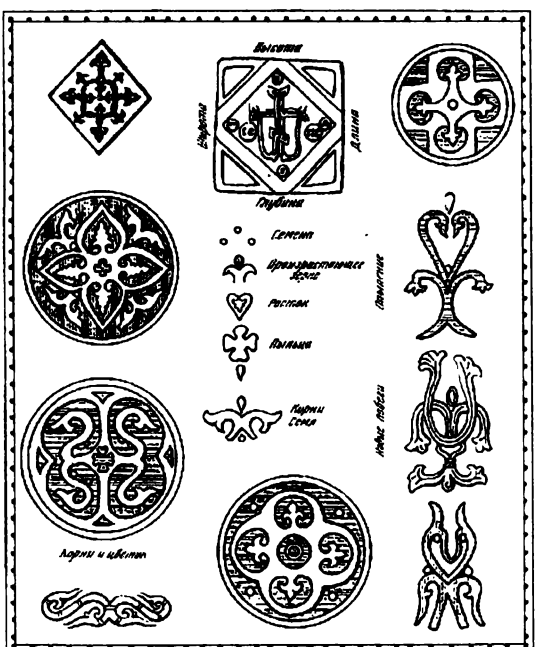
Такое гадание, как и сев хлеба, совершалось исключительно мужчинами. Женщины в нем не участвовали никогда.

Ростки

Схема первых ростков обычна: внутри сердцевидной оболочки изображался «крин» с тремя отростками или росток с пятью листиками, напоминающий папоротник. Возможно, что так называемый «крин» (лилия) в данном случае изображал семя с лопнувшей оболочкой (два отогнутых боковых отрога) и почкой, будущим ростком. Почка-росток нередко бывает красноватого цвета, отличаясь от отрогов оболочки. Растение дано в динамике роста, в его начальной фазе; такой «крин» —

заклинание всего будущего развития семени. Эти пиктограммы обычно располагали в центральном кружке, придавая им большее значение, чем семенам. Четырехчастная композиция из четырех листьев папоротника отражает реальный вид весеннего папоротника, листья которого устремлены во все стороны. Священный характер папоротника хорошо документирован фольклором: поверья о расцветании папоротника в купальскую ночь.

Сердцевидная схема (острием вверх) стала устойчивой формой выражения аграрной сущности орнамента.



Варианты четырехчастной композиции (заклинание пространства) и отражение стадий роста растений от семени до опыления. Антропоморфные растительные символы (внизу — рожаница)

Семена

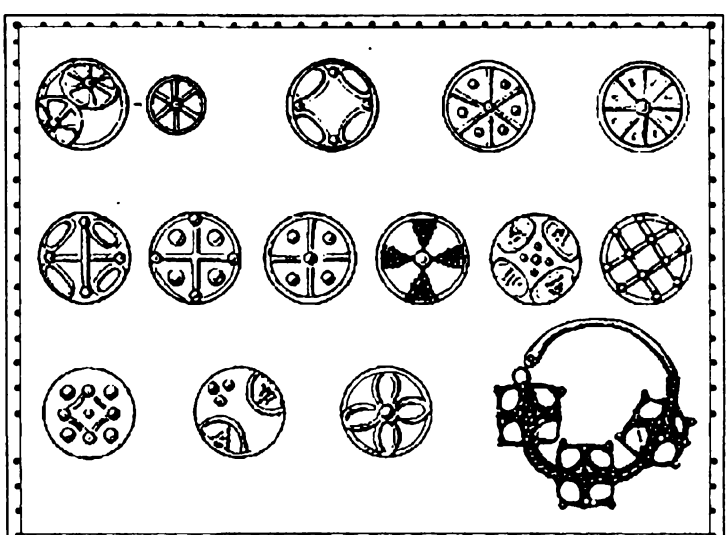
На ряснах (женских украшениях — подвесках) никогда не изображается схема «засеянного поля» (квадраты или ромбы с точками внутри). То, что можно истолковать как семя, показывалось крохотным кружком внутри несколько большего белого кружка. Интересны изображения прорастающих зерен: в яйцеобразной по форме фигуре показан свернутый (еще не развернувшийся) листок, не выходящий за пределы своей оболочки.

«Крины» — устойчивый символ растительной силы. Ожерелья XII—XIII вв. из кладов

Пиктограммы семян не занимают центрального круга. Прорастающие семена иногда располагаются по четыре.

Цветы

В качестве второстепенного сюжета на женских украшениях встречаются маленькие цветки в четыре лепестка. Цветочный характер этих миниатюрных изображений подчеркнут окраской лепестков в красный и белый или в красный и синий цвета.



Символы солнца и земли
на золотых височных кольцах

Опыление растений

Одним из главных растительных сюжетов является устойчивая схема, на которой представлено условное растение (обычно с двумя корнями, хорошо укоренившееся) с широко раздвинутыми в стороны ветками, лепестками. Над образовавшейся расщелиной в растении изображается овальное «зернышко» пыльцы. Важность процесса опыления подчеркнута несоразмерной величиной проникающей в растение пыльцы и обязательной окраской в красный цвет.

На поздних ряснах под процветшим крестом изображено овальное зерно, а на оборотной стороне бляшек четыре цветочных чашечки, опыляемых овальной пыльцой.

АЛАТЫРЬ

Есть такая легенда. Бел-горюч камень Алатырь был явлен в начале времен. Его подняла со дна Молочного Океана Мировая Уточка. Алатырь был очень маленьким, потому Уточка хотела скрыть его в своем клюве. Но Сварог произнес волшебное слово, и камень стал расти. Уточка не смогла его удержать и уронила. Там, где упал бел-горюч камень Алатырь, поднялась Алатырская гора. Это священный камень, средоточие знания Вед, посредник между человеком и Богом. Он и «мал и весьма студен», и «велик, как гора». И легок, и тяжел. Он — непознаваем: «...и не мог тот камень никто познать, и не смог никто от земли поднять». Когда Сварог ударял по Алатырю своим волшебным молотом, из искр рождались боги. На Алатыре был построен полуконем Китоврасом храм Всевышнего. Потому Алатырь — также алтарь, камень-жертвенник Всевышнему. На нем Всевышний Сам приносит в жертву Себя и обращается в камень Алатырь.

Согласно древним легендам Алатырь упал с неба, и на нем были высечены Законы Сварога. Так, Алатырь

Алатырь-камень

связал миры: горний — небесный и явленный — дольний. Посредником между мирами была также книга Вед, упавшая с неба, и волшебная птица Гамаюн. И Книга, и Птица — это тоже Алатырь.

В земном мире Алатырь явлен горою Эльбрус. Эта гора именовалась также Бел-Алабыр, Белая гора, Белица. С Эльбруса-Алатыря стекает Белая река. Близ Эльбруса был в древности Белый город, здесь жило славянское племя белогоров. Алатырь связан с небесным миром, Ирием, Беловодьем, то есть с раем, по коему текут молочные реки. Алатырь — это Белый камень.

С Эльбруса стекает река Баксан. До IV в. н. э. она именовалась рекой Альтуд или Алатыркой. Эти имена содержат корень «альт», что значит «золото» (отсюда — «алтын»). Потому Алатырь — это и волшебный камень, прикосновение которого все обращает в золото. Это и Золотая гора, гора Златогорки и Святогора. Значит, Алатырь — это Святая гора.

Есть также камень Алатырь на Урале на Ирийских горах, откуда берет исток священная Ра-река. И у ее устья на острове Буяне также есть камень Алатырь, излечивающий от болезней и дающий бессмертие. Алатырь-горами именовались также Алтайские горы, Алатырь-островом назывался и Золотой остров Солнца в Северном океане.

Алатырь — не только гора либо камень — это сакральный центр Мира. Он триедин, потому означает путь Прави между Явью и Навью, между дольним и горним мирами. Он двуедин — и мал, и велик, и легок, и тяжел. Он — един, ибо в нем объединены все миры. Он непознаваем, подобно Прави. Это изначальный камень.

ЖИВОТНЫЙ МИР

ПТИЦЫ

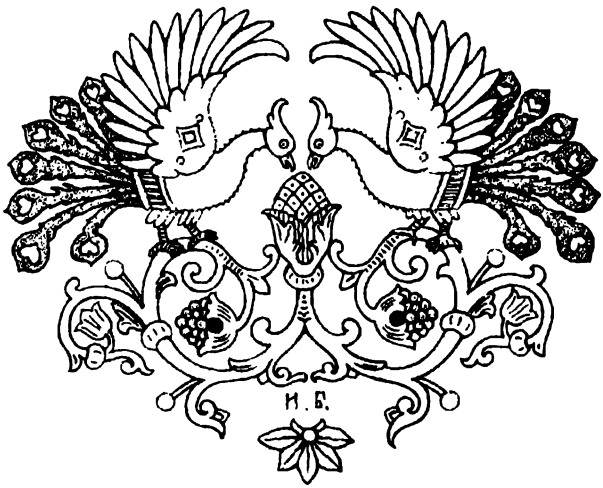
Особый смысл имеют знаки, обозначающие птиц, ибо птицы — существа для древних загадочные, магические. Многие светлые боги могут обращаться в птицу. Перун — в орла или ворона, Волхв — в Финиста-Сокола. Интересен общий для всех птиц знак — «птица клевучая». Она символизирует небо, наследие светлых богов, в какой-то степени самих богов.

Знак «птица»

Существуют также свастикоподобные символы «птицы», например знак ворона. Присмотритесь к русскому гербу, к орлу, распростершему крылья, — на нем можно увидеть очертания свастики.

Можно также посмотреть на русские вышивки — на них тоже часто фигурируют птицы. Но птицы эти уже не явские, а волшебные — известные всем по сказкам и песням Сирин, Алконост, Гамаюн. Птицы эти сидят на ветвях Мирового Древа и поют свои песни. Изображаются они не так схематично, как другие, но их изображения носят в основном эстетический

характер — для магии и богослужения их не применяют. Возможно, эта их отрешенность от волшебства позволила этим символам дожить до наших времен в виде вышивок, резных и глиняных изделий.



И. Билибин. Райский птицы, иллюстрация к сказкам

Могут встречаться изображения птицы, стоящей на земле или распростертой в полете. Птица на земле соответствует восходящему или заходящему солнцу, а летящая — обозначает полдень — зенит солнца. На крыльях распростертой птицы, на концах особых лучей изображаются четырехлепестковые цветы. Крылья у идущей птицы сильно отличаются от всех вышеописанных. Этот же сюжет встречается и на ряснах (женских подвесках), где летящей птице полдня противопоставлены птицы, широко шагающие по земле, и где мотив динамики солнца дополнен Древом Жизни и символом повсеместности.

Алконост

Светлая птица, инкарнация (воплощение) Хорса. Управляет ветрами и погодой.

Алконос, Алконост (Алкион, Аколностъ, Алканостъ, Алконотъ, Алкуностъ, Алькоростъ, Антоностъ) — райская птица, представляемая полуженщиной-полуптицей с большими разноцветными перьями и девичьей головой, осененной короной и ореолом, в котором иногда помещена краткая надпись. Кроме крыльев у Алконоста есть руки, в которых она держит райские цветы или сверток с объяснительной надписью.

Светлая птица Алконост

Сестра других светлых птиц — Рарога, Стратима.

Живет она на райском дереве, на острове Буяне (Макарийском) вместе с птицей Сирин, имеет сладкий голос, как сама любовь. Когда она поет, то сама себя не ощущает. Услышавший ее чудесное пение все в мире позабудет. Своими песнями она утешает и будущую радость возвышает. Зимой Алконост летит «за море» и откладывает там яйца, высиживая их в течение семи дней. В течение этого времени на море царит полный штиль.

Гамаюн

Вещая птица, посланница славянских богов, их глашатай, поющая людям божественные гимны и предсказывающая будущее тем, кто умеет слышать тайное.

Когда летит Гамаюн, с восхода солнечного приходит смертоносная буря.

Гамаюн все на свете знает о происхождении земли и неба, богов и героев, людей и чудовищ, птиц и зверей.

Гамаюн — птица вещая

Рарог

Светозарный огненосный дух, связанный с древним поклонением огню, домашнему очагу. Согласно чешским поверьям, Рарог может появиться на свет из яйца, которое девять дней и ночей человек высиживает на печи. Рарога представляли в виде хищной птицы с искрящимися, пламенеющими перьями,

Птица Рарог

вырывающимся из клюва пламенем, или просто в виде огненного вихря.

Стратим

В «Голубиной книге», старинном сборнике русских духовных стихов, о гигантской птице Стратим сказано следующее: «Стратим-птица всем птицам мати. Почему она всем птицам мати? Живет Стратим-птица на океане-море. И детей производит на океане-море. Держит весь белый свет под правым крылом. Топит она корабли гостиные со товарами драгоценными. Когда Стратим вострепенется, во втором часу после полуночи, запоют все петухи да на всей земле. Потому Стратим-птица всем птицам мати».

Видимо, об этой же гигантской птице, которую иногда называли Страфилом, повествует другая древняя рукопись: «Есть кур, головой достигающий до небес, а море ему до колена; когда солнце омывается в океане, тогда океан всколебается и начнут волны бить кура по перьям; он же, ощутив волны, кричит «коко-реку», что значит: «Господи, яви миру свет!».

Сирин

Темная птица, темная сила, посланница властелина подземного мира. От головы до пояса Сирин — женщина несравненной красоты, от пояса же — птица. Кто послушает ее чарующее пение, забывает обо всем на свете и медленно умирает, причем нет сил, чтобы заставить его не слушать

губительный голос Сирин, и смерть для него в этот миг — истинное блаженство!

Птица Сирин

Жар-птица

Жар-птица

Олицетворением огня является и Огненная птица (Жар-птица) — воплощение бога грозы. Из ее раскрытого клюва вместе со звуками грома сыплются перлы — искры молний. Огонь и вода соединялись славянами в образах Купалы, Коляды, Огненной реки.

Птица-Юстрица

Так называла народная молва страшную болезнь — холеру. Имела она вид огромной черной птицы со змеиными головами и хвостом. Ночами пролетает она над деревнями-селами и где заденет воду железным крылом, там разразится

повальный мор. Вот какая загадка ходила в народе об этой болезни, несущей всеобщую погибель:

На море, на океане,
На острове, на Буяне,
Сидит птица Юстрица.
Она хвалится— выхваляется,
Что все видала,
Всего много едала:
И царя в Москве,
И короля в Литве,
И старца в келье,
И дитя в колыбели!

Ворон и ворона

В народных представлениях нечистые и зловещие птицы. Как и другие птицы семейства вороновых (галка, грач). Они объединены сходными поверьями и названиями. Воронье, гайворонье, гай, галь, галье, чернь — собирательные названия всех этих птиц в целом. Ворон — вещая птица. Он живет сто или триста лет и владеет тайнами: предсказывает смерть, нападение врагов, в былинах дает советы героям, в сказках указывает зарытый клад, в песнях приносит матери весть о гибели сына и т. п.

Птицы этого семейства имеют черную окраску и противопоставляются добрым, кротким и святым птицам, в особенности голубю, как зловещие, хищные и нечистые, что находит отражение в представлениях о птичьем облике душ людей, в христианизированных легендах о всемирном потопе и т. д.

С другой стороны, на противопоставлении белого (или пестрого) и черного (безобразного) оперения строится комизм ряда сказок о вороне.

Ворон

Народные представления отчетливо выявляют дьявольскую природу птиц семейства вороновых. Так, ворона считают черным оттого, что он создан дьяволом. В вороне видят нечистую силу. Черт может принимать облик черного ворона или вороны. В образе ворона черт летает ночью по дворам и поджигает кровли. Верят, что черти в виде ворон слетаются и кружат над домом умирающего колдуна, чтобы помочь выходу его души из тела. Души злых людей представляют в виде черных воронов и ворон. Считают, что ведьму можно определить по черному ворону, сидящему на ее доме.

Библейского происхождения легенда о вороне, проклятом или наказанном Богом или Ноем за то, что, выпущенный из ковчега, чтобы узнать, кончился ли потоп, он не вернулся назад. В наказание за это ворон, бывший когда-то белым как снег и кротким как голубь, стал черным, кровожадным и обречен питаться падалью. С представлением о воронах и галках как нечистых птицах связан запрет употреблять их в пищу.

Хищность, кровожадность и разбой — характерные мотивы в представлениях о во́роне и вороне.

Вороны, как и ястребы, охотятся на цыплят. Чтобы уберечь их от ворон, вывешивают на дворе убитую сороку. Считают, что если опрокинуть горшок вверх дном, вороны не смогут увидеть цыплят. С той же целью в день Рождества ворон и ястребов называют в некоторых местах голубями. На Украине, выгоняя в первый раз весной цыплят из хаты, произносят заклинание: «Святий Кузьма-Дем'ян,/ Паси моіх курченят,/ Щоб ворона не хватила / І шчого не зйіло».

Хищность связывает в поверьях ворона с волком. Существует примета: кто поет в лесу и увидит воронов, наткнется на волка. Карканье воронов, пролетающего над стадом, предвещает скорое нападение волка на стадо. Согласно польской легенде, вороны и галки произошли из щепок, когда дьявол создавал волка, вытесывая его из дерева. В разных версиях сказочного сюжета «Братья-вороны» братья превращаются в воронов, ворон или в волков. Как и других хищных птиц, убитого ворона или ворону вешают в хлеву или конюшне для отпугивания злых духов (черта, ведьмы, домового, ласки), чтобы они по ночам не мучили коней или коров. Убитых ворон вывешивают также на полях для отгона воробьев.

В народном восприятии ворон связывается с кровопролитием, насилием и войной. О кровожадности свидетельствует его крик, передаваемый возгласом «Кровь, кровь!». Чтобы ружье било без промаха, охотники смазывали его дуло кровью ворона. Стаи воронов и ворон воспринимались в прошлом как предвестники нападения татар. Мотив крови присутствует и в легенде о вороне: ворона хотела пить кровь, капавшую из ран распятого Христа, за что Бог проклял ее, отчего клюв ее по краям навеки получил кровавый цвет.

Для поверий о вороне характерен также мотив кражи. Согласно поверью, человек станет вором, если съест сердце или мясо ворона. Мотив кражи представлен в легенде, в которой ворон или ворона уличает перед Богом св. Петра в краже коней криком: «Украл!», в отличие от кукушки, кричавшей «Купил!». С кражей коней связывается и сон о вороне. По другой легенде, вороной стала девка, обвинявшая своим криком Христа в краже. Считают, что ворона своим карканьем обличает вора или предсказывает кражу. В ответ на ее карканье, чтобы отвести от себя подозрение, следовало сказать: «Я не крал, я за сваи грошы куплял!». Тот же мотив представлен и в проклятиях: «Няхай над тым варонне кракаець, хто украу!». В связи с этим о человеке, подозреваемом в воровстве, говорят: «Над ним ворона каркает».

Народные представления выявляют связь птиц семейства вороновых со смертью и миром мертвых. В похоронных причитаниях смерть залетает в окно черным вороном. Ворон предсказывает скорую смерть. Широко распространены приметы о том, что если ворон каркает над головой путника, пролетает или каркает над домом, над двором, над селом, над лесом или над кладбищем, садится на крышу, на трубу, бьет крыльями в окно, каркает в селе, на крыше дома, перед домом или на церкви — значит, путник или кто-то в доме или в селе скоро умрет. Приметой смерти и различных несчастий часто служит и крик ворон, реже — галок и грача. Во сне черный ворон и каркающая ворона тоже сулят смерть. Для охотника или рыболова, отправляющегося на промысел, крик ворона означает неудачу. Поэтому охотники избегают упоминания ворона и называют его «верховым» или «курицей».

Ворон обладает сокровищами и богатством. Он охраняет клады, спрятанные в земле. В одной белорусской сказке рассказывается, как наследники в поисках денег раскопали могилу скупой помещицы и обнаружили ворона на груди у покойницы, похороненной вместе с подушкой, куда она спрятала деньги. Ворон вынимал из подушки деньги и клал ей в рот, но людям не дал прикоснуться к деньгам. Верят, что в гнезде ворона хранятся невидимые богатства: золото, серебро и драгоценные камни. Насобирав много золота и серебра, ворон золотит себе голову и хвост. Известно поверье о злом духе в облике черной птицы — вороны или грача, который крадет и носит своему хозяину богатство за то, что тот держит его за печью, гладит, кормит яичницей и не выбрасывает его помета. В белорусской былинке белая ворона помогает ведьме отбирать молоко у чужих коров.

По народным представлениям, ворон старается вывести птенцов в марте или в феврале, пока муравьи еще не вышли из земли, иначе они поедят его птенцов. С этим представлением связана сказка о состязании Муравья с Вороном (или вороной) в том, кто из них сильнее и сможет нести тяжесть такой же величины, что и он сам. На кон каждый поставил собственных детей, и поэтому проигравший Ворон, чтобы не дать, согласно условию, своих детей на съедение Муравью, выводит птенцов заблаговременно.

Совсем другие свойства вороны выявляют сказки о животных и некоторые малые фольклорные жанры — поговорки, анекдоты. В них на первый план выставляется глупость вороны, что делает ее комическим персонажем. В сказках глупость вороны

сочетается с хвастовством и тщеславием. Она хвалится перед орлом красотой своих детей и просит их не есть. Орел же, увидев самых безобразных из птиц, съедает именно воронят. Ворона меняет свои перья на белые (ср. выражение «белая ворона») и хочет смешаться с голубями, однако те ее прогоняют, но и стая ворон тоже не хочет принять ее назад. Так же и ворон, надевший лебединые или павлиньи перья, оказывается распознанным, ощипанным и опозоренным. Ворона падка на лесть: схваченный ею Рак расхваливает ее, и польщенная Ворона раскрывает рот, роняя добычу. Она не способна отличить свои яйца от подброшенных соколихой (или кукушкой), и в результате соколенок съедает воронят, или кукушонок бьет и изгоняет ворону. Ворона ленива и нерасторопна (не случайно вороной называют разиню) и поэтому на устроенных птицами выборах прозевала (проворонила) все начальственные должности (царя, губернатора, исправника и т. п.) и осталась не у дел. Карканье вороны, нашедшей лепешку навоза, комически обыгрывается в народных шутках. Летом она кричит: «Гувно!», а зимой, сидя на мерзлом навозе: «Калач, калач! Ни укалупиш!». На вопрос сороки: «Чы кысле? чы кысле?» — она каркает: «Да-арма! Да-арма!»

Жаворонок

Эту птицу запрещалось употреблять в пищу, а убивать считалось грехом. Поляки называли жаворонка певцом Божьей Матери. Когда Христос ходил по земле, жаворонок ежедневно приносил Ей вести о Нем, утешал в горе и предсказывал

воскресение Христово, а потом был взят Ею на небеса, где возле престола Пресвятой Девы он неустанно славит Ее своим пением «Ave Maria». В древнерусском «Сказании о птицах небесных» жаворонок говорит о себе: «Я высоко летаю, песни воспеваю, Христа прославляю». Согласно легенде, жаворонки, как и ласточки, вынимали колючие тернии из тернового венца распятого Христа. Поднявшись высоко в небо, жаворонок проводит время в молитвах. Потом, внезапно замолкнув, взмывает еще выше и летит на исповедь к самому Богу.

Жаворонок

У поляков Галиции существует легенда о происхождении жаворонка: Бог подбросил высоко вверх комочек земли, который превратился в серую, как земля, птичку.

Два разных вида жаворонка — обычный и хохлатый — в народных представлениях часто воспринимаются как одна птица: чуб вырастает у жаворонка на третьем году жизни или же зимой жаворонок имеет чубок на голове, а на лето его сбрасывает. В некоторых местах жаворонка с остроконечным «башлыком» на голове называют «жаворонковым кумом». Считают, что на зиму обычный жаворонок превращается в хохлатого или в мышь, а летом принимает свой прежний облик.

Согласно поверьям, зиму жаворонок проводит в мышиной норе, в поле под камнем, под комом земли в борозде или в меже. В середине зимы он поворачивается на другой бок и спит до весны. По другим поверьям, зимой он находится высоко-высоко в небе. Ангелы держат его в руках, нежат и ласкают, пока не блеснет первая молния и не раскроются небеса, куда жаворонку в это время позволено бывает заглянуть.

Прилет жаворонка связывался с приходом весны. У западных славян считалось, что 2 февраля в день Громничной Божьей Матери, или Сретения, жаворонок непременно должен пискнуть, даже если он рискует в эту пору замерзнуть, а позже св. Агнешка выпускает жаворонка из мешка или из-под камешка. Украинцы связывали прилет жаворонков, этих первых вестников весны, с душами предков, которые раз в год навещают родную ниву. На Волыни прилет жаворонка приурочивался к дню Алексея «Голосея» (30 марта). У белорусов был обычай дарить от всей деревни булку тому, кто первым увидит или услышит жаворонка, «чтобы этот самый человек в продолжение целого года заявлял о том, что может случиться в деревне».

Пирог «жаворонок»

В России и на Украине в день Сорока мучеников (22 марта), а на русском Севере также на Алексеев день (30 марта) или на Благовещение (7 апреля) пекли птичек из теста, называемых «жаворонками» (реже — «куликами» и «ластовочками»). «Жаворонков» оставляли в сарае, давали овцам, детям, одного бросали в печь. Дети бежали с ними на улицу «кликать лето», шли в поле и кричали: «Жаворонок, жаворонок, на тебе зиму, а нам лето», или «На тебе сани, а нам телегу». «Жаворонков» подбрасывали вверх со словами: «Жаворонки, жаворонки, прилетите, с собой весну принесите!». В многочисленных припевках, приговорах и веснянках к жаворонку весной обращались с просьбой принести лето теплое, соху, борону, хлеба нового, здоровья и т. д. Например:

Принеси весну
На своем хвосту,
На сохе, бороне,
На ржаной копне,
На овсяном снопе.

Иногда в одного из «жаворонков» запекали лучинку, и кому она доставалась, тот и должен был начинать сев. Во многих местах с прилетом жаворонка начинали пахоту и сев. Весенний жаворонок своим пением призывает к началу полевых работ: «Сейте, орите, бороните!», «Деду, сей, сей овес и ячмень!», «Роди, Боже! Роди, Боже! Роди, Боже!». Жаворонок упоминается и в заклинании, призванном обеспечить рост льна: «Как жаворонок высоко летает, так чтобы и лен твой высокий был!»

Коршун

Коршун, ястреб (канюк, лунь, скопа) и отчасти птицы отряда соколиных (кобчик, чеглок) образуют единый образ крупной хищной птицы (ср. орел), наделяемой символикой нечистоты и смерти, демоническими и отвращающими свойствами.

Символику коршуна — ястреба, его связи с другими птичьими персонажами и параллели с другими славянскими традициями наиболее полно отражает украинско-подольский обряд изгнания и похорон коршуна в первый понедельник Петровского поста. Утром хозяйки выгоняли кур из хаты через нож или топор для защиты их от коршуна. Днем женщины шли на пастбище, где пели, махая платками в сторону леса: «Ой, Шуляку — чорна птахо, до нас не литай,/ <...> курей наших не хапай». Мужчины приносили сюда привязанных на палки убитых коршунов и воронов. Женщины шли с ними в лес, там ломали зеленые ветки и, махая ими, проклинали «шуляка-яструба»: «Птице-чорна, смерте наша, / Ти нас не займай, / Обминай!» Потом совершались ритуальные похороны коршуна, и женщины танцевали на его могиле. В другом варианте обряда бабы изготовляли «шуляка» из платков, клали его на большой платок, по углам которого насыпали кучки зерен и клали между ними хлеб, лук, сыр и мясо. Повернув «шуляка» к мясу, бабы приговаривали: «Не йды до курей, а иды до падла». В конце разрывали «шуляка» на части, устраивали пирушку и угощали друг друга водкой со словами: «Выпыйте, кумо, щоб Шуляк курчаток не поив».

Обрядовая параллель коршуна — ястреба и кукушки (ср. украинский обряд изгнания и похорон коршуна и русский обряд крещения и похорон кукушки) дополняется поверьем об обращении кукушки в ястреба или коршуна по окончании ее кукования сразу после Петрова дня (29 июня).

В контексте упомянутых обрядов и верований следует рассматривать и «ястребиные» названия незавившегося кочана капусты: укр., бел. «шуляк», рус. «ястребуха». Альтернативные варианты для кукушки после Петрова дня — либо обращение ее в ястреба, либо укрывание в капусте (в белорусском Полесье).

Иные параллели украинского обряда изгнания коршуна — это кашубский обряд казни коршуна в Иванов день (24 июня) или в воскресенье за три недели до этого дня. В обряде участвовали «палач», «солтыс» (сельский староста) или «ксендз» и «судья», который зачитывал приговор. Птицу насаживали на кол. Слуги «солтыса» обращались к коршуну с обвинительной речью, и «палач» отрубал коршуну голову. Чаще, однако, голову отрубали не коршуну, а вороне, которую всей процессией отправлялись хоронить с приветственной песней св. Яну. У других западных славян параллели к украинскому обряду изгнания коршуна более отдаленные: в Чехии и Лужице обряд, сходный с кашубским, совершался по окончании жатвы и был связан не с коршуном, а с петухом или селезнем. В украинском обряде изгнания коршуна наблюдается функциональная общность коршуна и ворона, поэтическим воплощением которых в песенных текстах является образ «черной птицы», несущей смерть. Такое же сходство демонстрирует детская игра в коршуна или ворона,

в которой эти птицы наделяются общей символикой смерти. В украинских вариантах игры ворон роет ямку, чтобы варить кипяток и заливать им очи детям. Копание ямки символизирует похороны, а заливание очей — смерть. У украинцев и русских такая игра называется «в коршуна», у чехов и боснийцев — «в ястреба». У белорусов она тоже связана и с коршуном («У коршуна», «шуляк») и с вороном («У крука», «у ворана» и т. п.): коршун (ворон) копает ямку, чтобы собирать камушки и выбивать ими детям зубы. Характерна причина мести коршуна (реже ворона) детям: «Они мою капусту поели!» (у белорусов), «Белую капусту в моем огороде пощипали» (у украинцев) (см. выше мотив капусты). В Гомельском уезде игра дополняется шуточным вариантом похорон коршуна: коршуна в бане засыпают песком.

Ястреб и коршун как нечистые и зловещие птицы наделяются демоническими свойствами. По польским представлениям, ястребиный облик может принимать черт, в ястребе скрывается злой дух; по украинским — ястреб нападает на животных, как черт на людей (ср. также русское выражение «черт коршуноватый»).

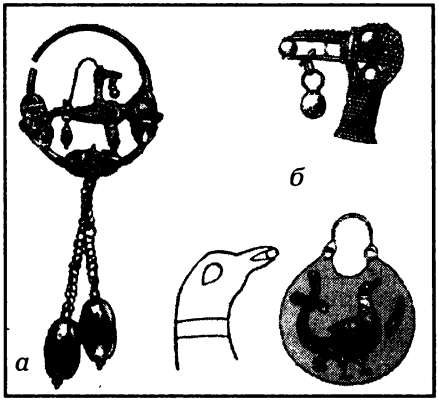
Чтобы ястреб не душил кур, нужно первое снесенное курицей яйцо отдать нищему (у поляков). На Рождество называют ястребов голубями, чтобы задобрить и обезвредить их (у белорусов). Вместе с тем, как и всякий хищник, ястреб обладает отвращающими свойствами. Поэтому убитого ястреба поляки прибивали на воротах хлева, поляки и украинцы вешали в конюшне для защиты от ведьм и чертей, украинцы выставляли для устрашения воробьев.

Крик коршуна считают приметой дождя. Согласно легендам, коршун (иногда канюк) наказан Богом

за то, что в незапамятные времена не рыл или не чистил с другими птицами море, озеро, пруд и т. п. (у восточных славян, поляков), замутил воду Божьей Матери, стиравшей рубашки младенцу Христу (у поляков). С тех пор он имеет право пить лишь дождевую воду и, томясь от жажды, жалобно просит: «Пить, пить!» О крике коршуна во время засухи русские говорят: «Каня плачет, у Бога пить просит».

Утка

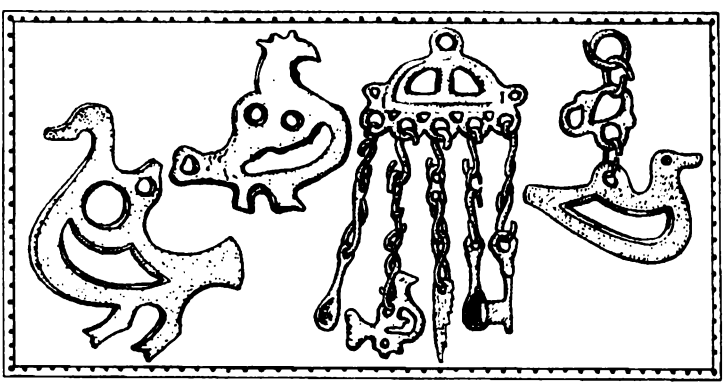
И киевские, и болгарские украшения отражают одну и ту же космогоническую легенду, в которой мир сотворен Уткой, плававшей по Мировому океану.



Илюстрации к легенде о птице, доставшей со дна Мирового океана кусочек ила, из которого была сотворена земля.
а) Волжско-болгарское кольцо с птицей;
б) колт из Киева с птицей гоголем

Согласно мордовскому варианту легенды, наиболее близкому территориально к Волжской Булгарии, мир произошел так: по первичному океану плавала Утка (гоголь, нырок), которая нырнула на дно,

достала комочек земли, и из этого комочка возникла Земля и все живое на ней. Болгарские височные кольца с их характерными яйцевидными бусами заставляют вспомнить карело-финскую Калевалу, где в создании мира участвует Божественная Утка. До создания мира уже существует всевышний бог Укко и Ильмать, «мать воды», но мир творят не они, а Утка, снесшая одно железное и шесть золотых яиц, из которых посреди водного пространства и образуется земля: «Из яйца из нижней части вышла Мать сыра земля; из яйца из верхней части стал высокий свод небесный».



Обереги с изображением утиц и других птиц

Болгарское височное кольцо с уткой, держащей в клюве комочек земли, снабжено не только этим космогоническим символом, но и шестью золотыми яйцами, упомянутыми в Калевале: три яйцевидных бусины надеты на кольцо, а три подвешены на отдельных цепочках. На золотых яйцах мелкой зернью изображены женские фигуры. А. Н. Афанасьев в своем общем обзоре приводит целый ряд различных

космогонических преданий, в которых мир рождается из яйца.

В марийском мифе строение мира осуществляет Селезень, нырнувший в море и доставший со дна ком земли, из которого и был сотворен мир. Записанная в Заонежье легенда гласит: «По досюльскому (давнишнему, первичному) окиян-морю плавало два Гоголя; первый Бел-Гоголь (Бог), а другой Черен Гоголь (сатана). Черная птица достала со дна комок земли, из которой Бог сотворил земной мир».

Яйцо

Символика идеала. Одна из самых сложных и мало изученных групп символов — символика идеала. На это, безусловно, есть множество причин. Однако они нисколько не уменьшают этой прорехи в изучении символики язычества.

Что является идеалом в язычестве? В язычестве огромную, если не ключевую роль играет борьба противоположностей и при этом их единство. Например, пары Правь — Навь, мужчина — женщина, хаос — порядок. Один из ключевых принципов в язычестве — единство и борьба противоположностей. Идеал — это всегда совокупность неразделимого. Для язычника является идеалом золотая середина. Поскольку идеал — это гармония всего сущего, его изображали как яйцо. Все помнят, например, сказку про Курочку-Рябу, однако мало кто знает, какой глубокий сакральный смысл заложен в ней. Это остатки древнего мифа. Говорящая Курочка-Ряба снесла деду и бабе золотое яйцо, то есть привнесла в мир гармонию. Однако что делают люди?

Вместо того чтобы беречь золотое яйцо, пытаются бедное яичко разбить. А кто, собственно, такие эти дед и баба? Между прочим, своих далеких предков язычники называют, соответственно, дедами и бабами. Баба также — женский первопредок. И вот эта компания из перволюдей пытается разрушить гармонию. Но у них ничего не выходит — маловато сил у людей для того, чтобы разрушить то, что создано богами Прави (то есть Курочкой-Рябой). И тут появляется мышь, причем не какая-нибудь, а серая. Серая мышь живет в норе, то есть под полом, значит, принадлежит Нави. А если точнее, она — ее олицетворение (ведь она разрушает гармонию). И приходит она не одна, а еще и со своим хвостом наперевес — хвост у мыши похож на маленькую змейку, — это тоже не случайно: мышиный хвост это — Змей Юша, он же Мировой Змей (он же волк Фенрир в скандинавских сагах, из-за которого произошел Рагнарок — конец света). И вот силы Нави, вместе с Юшей, бьют по гармонии и нарушают ее — яйцо падает и разбивается (ах, как легко нарушить гармонию!). И что же, дед с бабой радуются — ведь яичко-то разбилось? Нет, они, наоборот, плачут — им не нравится жить в дисгармонии (тоже знакомая картина — наделают дел, а потом рыдают). И что же? Курочка-Ряба говорит им, по сути, своим детям, мол, не беспокойтесь, я гармонию восстановлю (снесу новое яичко) — вот вам сущность Прави. Заметим также, что в сказке наблюдается конфликт между Рябой и мышью. А непутевые люди — так ну есть они и есть.

Еще есть сказка о колобке с интересным сюжетом. *Колобок* тоже похож на яйцо. Все те же непутевые дед с бабой упускают свою гармонию, свой

идеал, неосмотрительно оставляя его на окне. Но если бы на окне его не оставили, они бы его все равно уничтожили посредством своих материалистических потребностей: например, съели. Путем долгих исканий, трудов и стараний баба, следуя импульсу деда, создает идеал — круглого колобка. Но в результате они его теряют. Будет ли у них возможность создать еще? Вряд ли: по амбарам помели, по сусекам поскребли.

В язычестве есть миф, согласно которому вместо Вселенной было только яйцо. В яйце томился родитель богов и всего сущего — Род. Силами любви он разрушил свою темницу и создал Мир, Вселенную, Землю (круглую, кстати).

Этот миф вполне согласуется с теорией Большого Взрыва, очень популярной в кругу астрономов. Согласно ей, Вселенная возникла из мельчайшей частицы огромнейшей плотности — в этой частице произошел какой-то процесс, и она взорвалась, да так, что все ее содержимое разлетелось на неопределенное (но огромное) количество парсек вокруг, начались бурные химические реакции. В результате этого взрыва мы сегодня и имеем то, что имеем: Землю, Солнце и необъятные просторы Вселенной вокруг.

Аист

Аист (бочан, бусел, стерх) — особо почитаемая птица, наделяемая в народных представлениях человеческими свойствами. В легендах и весенних обрядах аист выступает в роли охранителя и очистителя земли от гадов и прочей нечисти — змей, жаб, насекомых и нечистой силы.

Легенда связывает происхождение аиста с человеком. Бог дал человеку мешок с гадами и велел выбросить его в море, в огонь, закопать в яму или оставить на вершине горы. Человек из любопытства развязал мешок, и вся нечисть расползлась по земле; в наказание Бог превратил человека в аиста, чтобы он очищал землю от гадов. Со стыда у аиста покраснели нос и ноги.

В других легендах аистом стал косец, не ответивший на приветствие Христа; косец, у которого перед Христом спали штаны (ср. представление, что, прилетая, аист скидывает штаны и ходит в жилетке); убийца, разбросавший части тела убитого, ставшие лягушками, и др. Аиста часто называют человеческим именем: Иван, Василь, Яша, Грицко, Адам и др. Черно-белая окраска аиста также связывается в легендах и поверьях с его человеческим происхождением: с одеянием ксендза, шляхтича в черной жилетке и др. Согласно польским свидетельствам, для прекращения дождей, вызванных убийством аиста, советовали похоронить его, как человека, в гробу на кладбище. Аистам приписывают ряд человеческих особенностей: они имеют человеческие пальцы, душу, понимают язык человека; плачут слезами; молятся Богу (так воспринимается их клекот); вместе справляют свадьбы; каждая семейная пара неразлучна, и в случае гибели одного из супругов другой добровольно идет на смерть вслед за ним. Аист может покончить с собой из ревности; самку, заподозренную в супружеской измене, судят публично и убивают.

Известны приметы, связанные с первым увиденным весной аистом. Летящий аист предвещает здоровье, резвость, урожай, замужество; неподвижный — боли в ногах, смерть, засуху, безбрачие;

стоящий — высокий лен: пара аистов — замужество или роды. Деньги в кармане при встрече с первым аистом сулят богатство, ключи — изобилие, а пустые карманы — убытки. Крик первого аиста, услышанный натощак, приносит несчастье или предвещает битье горшков в течение года. При виде первого аиста бегут вслед за ним, приседают, кувыркаются, чтобы не болели ноги; кувыркаются по земле, прислоняются к дереву, к дубу, к плетню, чтобы не болела спина; завязывают узел на шнурке от шейного креста, чтобы летом не видеть змей; берут из-под ног землю и бросают ее в воду, которой кропят себя и дом, чтобы не было блох. На Благовещение к прилету аистов выпекают специальные хлебцы с изображением ноги аиста. Дети подбрасывают их вверх, обращаясь к аисту с просьбой об урожае. У южных славян дети приветствуют аиста в надежде, что он принесет кошелек с деньгами.

Существует поверье о мифической земле аистов. Болгары называют аиста паломником, считая, что он ежегодно посещает святую землю. Верят также, что аисты улетают на зиму в далекую землю на краю света, где, искупавшись в чудесном озере, становятся людьми, а весной, искупавшись в другом озере, вновь становятся птицами и возвращаются, так как в своей земле Господь запретил им выводить птенцов. В Польше тоже известно поверье, что аисты улетают далеко за море, где обращаются в людей. Весной они вновь превращаются в аистов и прилетают назад, причем человек, попав на берег того моря, тоже может таким же образом обратиться в аиста и перелететь в их землю. Верят также, что, прилетев в теплые края, аист мочит свой клюв в крови и становится человеком, а когда омочит себя в воде,

вновь станет аистом. По народным представлениям, совершая перелет, аисты несут на себе ласточек или трясогузок.

Поверье, что аист приносит детей, особенно распространено у западных славян. Аист вытаскивает их из болота, из моря, приносит в корзине, в лохани, в корыте, бросает в дом через дымоход. Или бросает в печную трубу лягушек, которые, проникая в дом через дымоход, приобретают человеческий облик. Детям говорили, что нужно поставить на окно тарелку с сыром, чтобы аист принес ребенка. Дети просили аиста принести им братика или сестричку, например: «Буську, буську, принеси мені Маруську!» В Белоруссии во время празднования родин в дом приходил ряженный аистом и поздравлял родителей с новорожденным. Согласно приметам, ребенка следует ожидать там, где кружит аист, или тому, к кому на поле часто прилетает аист. Если он встанет на трубу во время свадьбы, у молодых будет ребенок. Аист снится женщине к беременности или рождению сына. Представления об отношении аиста к деторождению связаны с фаллической символикой его клюва, которая проявляется, в частности, в поведении ряженного аистом в рождественской обрядности, когда он клюет своим клювом девушек.

Ласточка

Чистая, святая птица, наделяемая женской символикой. В песне ласточка уподобляется Божьей Матери: «Ой на Дунаечку, на бережечку, / Там ластівочка та купалася, / То не ластівочка, то Божа Мати...». Ласточка и голубь — любимые

Богом птицы. Своим пением ласточка славит Бога. Щебетание ее воспринимается как молитва: «Святый Боже, святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас». В народной легенде о распятии Христа ласточки, в отличие от воробьев, старались избавить его от мучений: кричали «умер, умер!», похищали гвозди, вынимали колючие тернии из тернового венца Христа и носили ему воду. Оттого гнездо ласточки под крышей обеспечивает дому счастье и благодать, и большой грех разорять ее гнездо, убивать ее или употреблять в пищу. Если ласточка бросит гнездо, вся семья в доме вымрет. Убивший ласточку не будет иметь счастья в разведении скота, а разоривший ласточкино гнездо сам лишится крова или ослепнет, на лице у него появятся веснушки или короста, умрет мать или кто-либо из домашних, сдохнет корова, у коровы пропадет молоко, или она будет доиться кровью.

В некоторых местах считают, что гнездо ласточки оберегает дом от пожара и что ласточка спалит дом обидчику, разорившему ее гнездо: недаром у нее есть красное пятно, словно от ожога. Встречается также примета, что девушка скоро выйдет замуж, если ласточка совьет гнездо на ее доме, вьется возле окон или залетит к ней в дом. Если ласточки и голуби летают возле дома, когда в нем справляют свадьбу, молодые будут счастливы в супружестве. Тот, кто носит при себе сердце ласточки, будет всеми любим, особенно женщинами. Ласточка и ласточкино гнездо используются в любовной магии.

Ласточка — вестница весны. Говорят: «Ласточка весну начинает, а соловей кончает». В песнях ее называют ключницей, так как она приносит из-за моря золотые ключи, которыми отмыкает лето и замыкает

зиму. Чаще всего прилет ласточек приурочен к Благовещению (7 апреля). В некоторых районах Южной России на Сорок мучеников (22 марта) к прилету птиц пекли «ластовочек» с раскрытыми крыльями. В северо-западных губерниях прилет ласточек приурочен к дню св. Егория (6 мая). В это время готовятся к пахоте, жарят яичницу и выезжают в поле. Ласточки щебечут: «Мужики в поле, мужики в поле, а бабы яи-и-шню жарить!» Или: «Улетели — молотили, улетели — молотили, прилетели — па-а-шут!» Иногда в щебете ласточки слышится жалоба на то, что за зиму опустели закрома: воробьи поклевали все зерно и ей не оставили ничего.

Весной при виде первой ласточки кидают ей землю — на гнездо, стараются умыться и отереть лицо, чтобы не было веснушек, прыщей или солнечных ожогов, а кто умоется в этот момент молоком, будет бел лицом. Умываясь, говорили: «Ластивко, ластивко! На тоби веснянкы, дай мени билянкы!», «Касатка, касатка! Возьми свою рябину — подай мою белину!». Считается также, что если умоешься при виде первой ласточки, станешь резвым и веселым, избавишься от сонливости и хвори.

У украинцев, белорусов и поляков распространены поверья о зимовье ласточек в воде. В день св. Симеона Столпника (14 сентября) ласточки собираются вместе и жалуются этому святому на то, что воробьи занимали их гнезда, а дети их разоряли. Сразу после этого или на Воздвижение (27 сентября) они прячутся в колодцы, чтобы таким путем скорее попасть в «вырей». Осенью люди стараются не вычерпывать воду из колодцев, чтобы не помешать ласточкам вылететь в «вырей». По другим поверьям, ласточки прячутся в реки, озера и пруды, сцепляются

лапками или крыльями в цепочки и спят под водой до весны. Рассказывают, что рыбаки не раз вылавливали из-подо льда целые гирлянды ласточек, приносили их домой, где в тепле подле печки они оживали. Весной из воды вылетают лишь молодые ласточки, которые появились на свет в прошлом году, а у старых опадают перья, и они превращаются в лягушек. Ср. мотив сбрасывания ласточкой перьев в сочинении Иоанна Дамаскина, греческого богослова VIII в.: «Ласточка, когда придет зима, сбрасывает с себя перья и залезает под кору дерева, а потом весной опять покрывается перьями, вылетает на свет, щебечет и как будто говорит человеку: «Убедись от меня в воскресении мертвых».

В народной традиции ласточка обнаруживает сходство с лаской. Названия их родственны по происхождению. При виде первой ласточки берут из-под ног землю и ищут в ней волос. Какого цвета он окажется, такой масти и следует покупать лошадь, чтобы она пришлась по нраву домовому.

Ласточку, пролетающую под коровой, считают причиной появления крови в молоке, так же как в других местах — ласку, пробегающую под коровой. В загадках щебетание ласточки представлено как иноязычная речь: немецкая, татарская, турецкая, латинская («по-немецки говорило», «по-татарски лепетало», «по-турецки заводило») и т. п.

В народной символике ласку и ласточку сближают мотивы прядения и ткачества. Согласно белорусской легенде, ласточка украла у Божьей Матери клубок ниток и ножницы. В ее крике слышат слова «Крути нити!», а в загадках раздвоенный хвост ласточки уподобляется мотовилу, с помощью которого разматывают мотки пряжи в клубки: «Шило мотовило под небеса уходило».

ЖИВОТНЫЕ

Бык

Является воплощением силы; жертвенное животное. В южнославянской космологии бык (иногда буйвол или вол) — опора земли. В Сербии полагали, что земля держится на четырех быках — черном (на западе), сивом, соловом (на юге), белом (на севере) и красном (на востоке). Быки, стоя в густой желтой воде, пьют ее и ею насыщаются, но они стареют и слабеют, и однажды у них подкосятся ноги, тогда земля даст трещины, желтая вода проникнет в них, и будет всемирный потоп. Подобные верования

Бык

известны в алтайской, мусульманской, древнеиндийской традициях.

Бык как жертвенное животное известен на русском Севере, в Нижегородской, Пензенской и Орловский губерниях. Собирая в праздник (Ильин день или др.) мужскую скотоводческую братчину (пир), закалывали быка, который выкармливался всей общиной, съедали его или раздавали его мясо и сохраняли кости, которые якобы приносили удачу. Олонецкие охотники и рыболовы верили, что кость «ильинского» (т. е. зарезанного для сакральной трапезы в Ильин день) быка утраивает добычу. Те же олонецкие мужики стремились на пиру захватить кусок бычьего мяса с костью, «чтобы захватить счастье», ибо с тем, кто имеет «Ильинскую кость», всегда пророк Илья. Жертвенный бык «красного цвета» обеспечивает (через пророка Илью) ясную погоду во время жатвы и сенокоса. На Орловщине кости «оброшного» («обещанного») быка после братчины закапывали в хлеву, «чтобы не переводился скот в доме».

В селах вокруг Кирилло-Белозерского монастыря тоже приносили в жертву «обещанного» быка: на храмовый праздник (Рождество Богородицы — 8 сентября) у паперти закалывали быка, варили его мясо и давали это мясо нищим, а остальной «обещанный» скот продавали мясникам, вырученные деньги шли в пользу церкви. В тот же день, по преданию, приходили прежде к церкви олени и прилетали утки, а из Вещозера выходили особой породы быки.

В Костромском крае при болезнях и падеже скота устраивали «Микольщину» («величали Великому Миколе»). Для этого «обещали» новорожденного бычка растить до трех лет, чтобы затем заколоть его

до праздника зимнего Миколы и справить обед на всю деревню. На Нижегородчине обеденный пир — «Никольщина» — с поеданием трехлетнего быка приходится на мясоед, глухую осень или раннюю весну. В Восточной Сербии в Ильин день резали быка, варили его в большом котле и съедали всем селом сообща на месте «Петикладенци», где было пять священных ключей-колодцев. Около них люди умывались по пятницам и воскресеньям и оставляли там деньги, на которые и покупался бык. В тот же день в Велесе (Македония) на «оброчном» месте собирались жители нескольких сел и после общей молитвы варили мясо быка. Болгары в понедельник, предшествующий дню св. Параскевы Пятницы (14 октября), посреди села закалывали быка, варили мясо и съедали за общей трапезой.

В Польше бык является центральным персонажем троицких обрядов. В Мазовии его покрывали старой сетью и обряжали цветами и ветками, вешали на рога венок из ветвей березы и гнали впереди стада; либо на быка сажали чучело «рыцаря» из ольховой коры и затем сбрасывали его наземь, называя этот обряд воловьей свадьбой. В Куявии бык, покрытый попоной, с цветами на рогах участвовал в торжественном шествии в сопровождении дюжины пастухов, дюжины девушек с цветами и музыкантов, которых встречала вся деревня.

В славянских местных преданиях известны духи-охранители ключей, источников, колодцев и озер, являющиеся в виде быка. Сербы в Метохии повествовали, что в с. Црна Врана на Подриме из глубокого источника выходил большой бык и нападал на сельских волов. Тогда кто-то из крестьян выковал железные наконечники, укрепил их на рогах своего

вола, и вол забодал быка, после чего источник пересох на десять лет. Сербы верили, что бык охраняет клады, притом «чтобы выкопать клад, надо принести в жертву своего быка и зарезать его на месте закопанного клада». В Западной Украине записана былička о полевике, охранявшем криницу, в виде летучего быка, то бродившего около ключа, то исчезавшего.

Бык — излюбленный персонаж святочного и масленичного ряженья. В Костромском крае была известна святочная игра в быка. Парень, держа горшок на ухвате (рога), приходил в избу, мычал около девок и махал головой, как бык. Его «продавали», и когда сговаривались о цене, кто-то из толпы «убивал быка» — бил по горшку, разбивая его, и парень, изображавший быка, убегал вон из избы, а другие парни били заранее приготовленными соломенными жгутами девок, спрашивая: «С кем быка ела?».

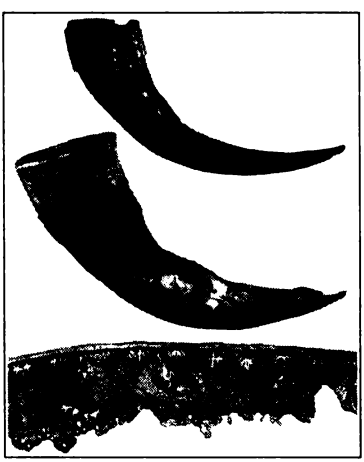
По болгарским представлениям бык недосягаем для нечистой силы, наряду с волком и медведем. С другой стороны, «нечистый» сам мог появляться в облике быка, по поверьям сербов-лужичан (стада черных быков, бычки-телята), украинцев (два дерущихся бычка, бычок — «скотинка лесового бога», бык-полевик и т. п.). Первая туча перламутрового отлива, предвещавшая грозу и град, в Вологодском крае называется бык.

В толкованиях снов: черный бык — неминуемая опасность, белый бык — болезнь, изнеможение (рус.). Древнейшее известие о жертвенном быке принадлежит Прокопию Кесарийскому (VI в.). Он сообщил, что славяне веровали в верховного бога громовержца, в жертву ему приносили быка и иных священных животных.

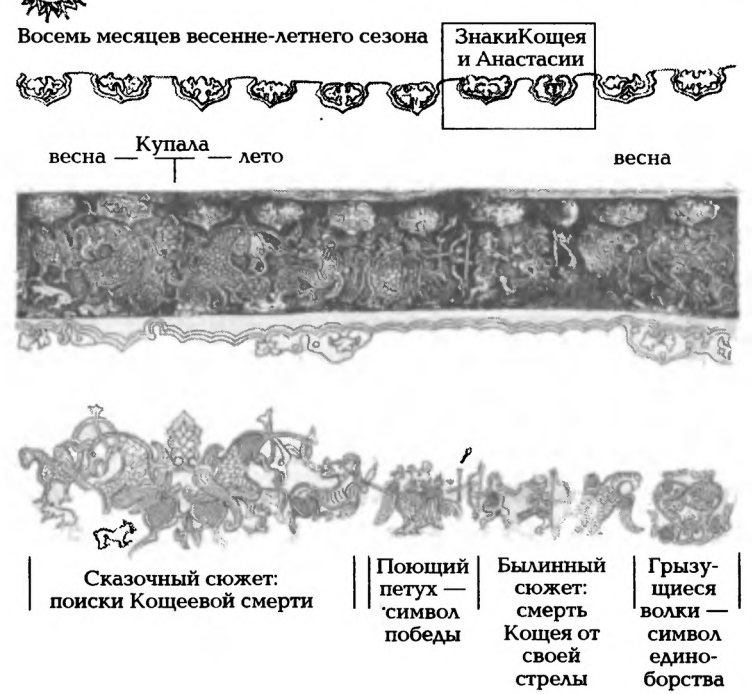
Бык в славянских загадках — это месяц, солнце, день и ночь, небо и земля (рус. «Два быка бодутся — вместе не сойдутся»), потолок и пол, огонь и горшок (белорус. «Рыжы бык ды чорнага ліже») и др.

Тур

Турьи рога-ритоны как священные сосуды хорошо известны по изображениям на славянских идолах и по находкам в курганах языческого времени. Орнаментика реальных рогов из курганов тех же двух видов, что и на колтах (женских украшениях, прикрепляемых к головному убору): на одних рогах серебряная оковка украшена городками (Гнездово, Шестовицы, Приладожье), а на других — растительным узором и четырехчастной композицией (Чернигов).



Ритуальные турьи рога из Черной могилы. Внизу оковка большого рога (рисунок из публикации Д. Я. Самоквасова)



Анализ композиции на турьем роге. Сказочные и былинные сюжеты

Очевидно, древнерусские златокузнецы считали, что почитаемые в их время вилы-русалки поливали поля росой (облаком-туманом, спущенным ими на землю) из таких же турьих рогов, которые были в обиходе то как пировая посуда («Русская правда» об ударе рогом или чашей), то как ритуальные ритоны на свадьбах или поминках. При всех сменах сюжетов на лицевой стороне золотых колтов на оборотной стороне почти всегда остаются два рога, украшая даже самые поздние колты.

Корова

Другим воплощением идеи плодородия, размножения, достатка у славян был крупный рогатый скот. У многих народов земли скот был символом богатства. Что же касается славян, то «скотий бог» Волос (Велес) был отнюдь не просто богом скота: в его ведении находилось богатство вообще.

Корова

Место, где спокойно уляжется, пережевывая жвачку, молодая корова, считалось счастливым и безопасным. От безмятежно жующей коровы так и веет покоем, незыблемым крестьянским уютом, теплым хлебом и парным молоком. Видимо, не случайно современные исследователи-экстрасенсы в один голос утверждают, что корова, в отличие, например, от кошки, ни за что не уляжется на месте, по своим

энергетическим свойствам неблагоприятном для человека!

Корова — наиболее почитаемое из домашних животных, требующее особой защиты от нечистой силы, способной отобрать молоко.

В древности славяне, по-видимому, не забивали коров на мясо. Коров не режут, а продают даже в случае болезни или старости. И фактическая, и условная продажа заболевшей коровы воспринималась как магическое средство, способствующее ее выздоровлению. У западных и южных славян в случае срочного (из-за болезни) забоя коровы ее мясо не потребляли хозяева, а продавали его соседям или всем жителям села. Забивать коров-нетелей (яловок) разрешалось на свадьбу, поминки и в редких случаях на общественные праздники.

Корова играет важную роль в погребальном обряде у восточных и западных славян. У восточных славян существовал обычай дарить корову священнику или бедняку сразу после похорон. На Украине и у западных славян верят, что крупный рогатый скот оплакивает смерть хозяина. В некоторых местах домашние животные сопровождают гроб с телом хозяина до церкви. Считалось, что по поведению коровы можно было предсказать смерть в доме. Красная или черная корова снятся к смерти. Коровы и телята, которых дарят беднякам, попадают на «тот свет», где имеются для них специальные загоны.

В свадебном обрядовом комплексе и сопутствующем фольклоре корова ассоциируется с женщиной, невестой.

Корова — обязательная часть приданого невесты у восточных и западных славян. У южных славян

парни, приходящие колядовать на Рождество в дома любимых девушек, шли чистить хлев. У казаков на Тереке в святочные ночи парни срывали калитки с домов девушек легкого поведения, делали на площади из них «загородку», куда загоняли коров этих девушек.

Согласно верованиям славян, рога обладали огромной оберегающей силой. Главным образом бычьи, турьи рога. Бык-тур, посвященный богу воинов — Перуну, был, в первую очередь, мужским символом и обозначал мужское начало — способность уберечь, защитить от опасностей, как реальных, так и магических. Женщине, особенно молодой матери, это было жизненно необходимо. Этой цели служили и матерчатые рога ее кики (головной убор замужней женщины) на берестяной или стеганой холщовой основе. Другой смысл ношения таких «рогов» заключался в идее

Двурогая кика — головной убор замужней женщины XII—XIII вв. Реконструкция

плодородия, продолжения рода. В христианские времена священники не допускали к причастию и вообще в церковь женщин в рогатых киках, вполне справедливо усматривая в этом отголоски языческой веры.

На Русском Севере и у южных славян известны легенды о мифических коровах, обитающих в озерах. Иногда они выходят на прибрежные луга, и тогда человек может отбить одну корову от стада, обежав вокруг нее. Такая корова дает очень много молока и всегда крепка и здорова.

Корова и бык связаны в народной культуре также с небесной водой, облаками, осадками. По их поведению (когда они поднимают головы к небу, бьются рогами, подпрыгивают) можно было предугадать дождливую погоду. Черные и темного окраса коровы, возглавляющие стадо при возвращении с пастбища, также предвещали дождь. В Сербии верили, что внутри дождевого облака находится бык или корова и можно услышать доносящееся оттуда мычание. Такие же представления отражены в белорусской загадке: «Белая корова тростник поломала» (снег). Поэтому во время засухи вызывают дождь сжиганием коровьего навоза.

Более четко выражена в славянской народной культуре связь облачности, атмосферных осадков, воды с молоком. Русские считали, что если молоко при доении сильно пенится, то это к ненастной погоде, а «темные святки», облачность в ночь под Рождество Христово сулят большие удои молока в наступающем году. У южных славян утром в Юрьев день хозяйка взбивала масло из молока, а дочь залезала на крышу дома. «Какая погода?» — спрашивала мать. «По всей земле — солнце, над нашим

домом — облако», — отвечала девочка. Этот обряд должен был способствовать увеличению молока у коровы. С той же целью корову выгоняли пастись в Юрьев день, а также на Троицу, в день Ивана Купалы и другие праздники очень рано, «на росу». Украинцы о молоке говорят «божа роса». Ведьмы, собирая росу с лугов в эти дни, таким образом отбирают у коров молоко.

Славянская метеорологическая терминология, обозначающая пасмурную, дождливую погоду, облака, соприкасается со сферой понятий, связанных с молоком и продуктами из него: рус. — «моложная (пасмурная) погода», польск. — «кващне млеко» (облака) и др. На Украине и в Болгарии распространено верование в то, что ведьмы могут снять месяц с неба и выдоить из него молоко. Когда месяц «изцеден» (выдоен), дождя не будет.

Вода — основное магическое средство, применявшееся для повышения молочности коров.

При первом выгоне коровы в стадо на Юрьев день, на Рождество и в другие праздники ее обливали водой, окропляли святой водой, прогоняли между полными ведрами. С этой же целью обливали и пастухов. Украинская хозяйка всякий раз, беря воду из колодца, обращалась к воде с заговором, в котором просила прибавить молока корове.

На Русском Севере пастух должен был на все время летнего выпаса закопать «отпуск» (письменный текст заговора) в сырое место у воды, иначе у коровы будет мало молока. В Карпатах существовал обычай первое молоко, выдоенное после отела, выливать в быструю речку. У всех славян молозиво варили для детей. После того как они съедят его, хозяйка обливала их водой или умывала. В некоторых местах

тому, кто первый раз пьет молоко от коровы, льют воду за ворот. Вода широко использовалась в магии для возврата отобранного ведьмой молока.

Молоко коровы противопоставлялось небесному огню, т. е. стихии огня. У всех славян считалось, что пожар, зажженный молнией, можно погасить только молоком черной коровы, в крайнем случае — просто пресным молоком. Если первый весенний гром загремит, когда коровы еще не в хлеву, то они не будут давать много молока. В некоторых местах Болгарии верят, что молния и гром «выпивают» у коров молоко. В животноводческой практике всех славян существует запрет подходить к огню, очагу сразу после дойки коровы, прежде нужно вымыть руки. Во время кипячения молока строго следят, чтобы молоко не убежало, так как у коровы в этом случае опухнет вымя.

У всех славян известен обычай лечить молоком змеиный укус.

Корова — объект постоянной заботы или, наоборот, преследований домовика (или других опекунов хозяйства: ласки, ужа, петуха). Ласку и ужа нельзя убивать, так как вместе с ними сразу же падет корова. Существуют верования, что уж сосет молоко у коровы. Убивать такого ужа нельзя: корова будет тосковать по нему и погибнет. Нельзя бить корову палкой, которой убили ужа, корова будет «сохнуть».

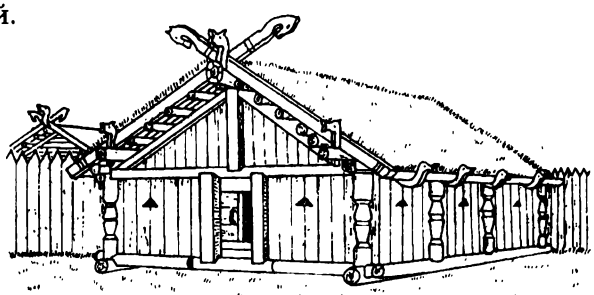
Корова может быть демоническим существом. Украинцы и белорусы представляли себе холеру в образах женщины с коровьими ногами, черной коровы, женщины, сидящей на черной корове. В корову может оборачиваться ведьма. В виде коровы может являться клад. Гуцулы верят, что в хозяйстве может быть демоническая корова — «полубэрок»

с коротким ребром. Если она сдохнет, то в этом хозяйстве сдохнут подряд еще девять коров.

Кони и коники

На иллюстрациях к русским сказкам терема часто украшены скульптурными изображениями конских голов, и это не случайно — древние славяне считали, что именно кони везут солнце по небу днем, а ночью оно проплывает по подземному океану на утках или гусях.

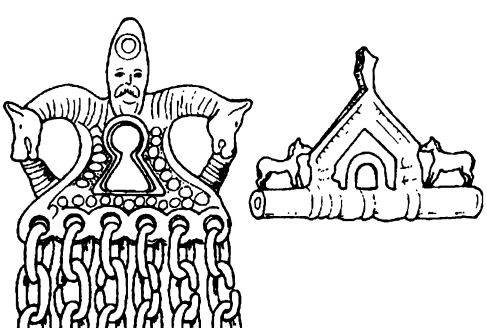
Фасады типичных русских изб обычно украшались по фасаду солнечными символами по контуру торца кровли. Каждый солнечный знак сопровождается скульптурным изображением головы коня. Щипец кровли увенчивает массивный конек, от которого вниз опущено дощатое «полотенце» со знаком солнца. Причелины, спускающиеся по кромке кровли, завершаются внизу тоже знаком солнца, а концам жердей, держащих желоб для слива дождевой воды, придана форма конской головы. Кони эти соседствуют с солнечными знаками причелин и зрительно совмещаются в единый образ солнечных коней.



Изба с конно-солнечной символикой

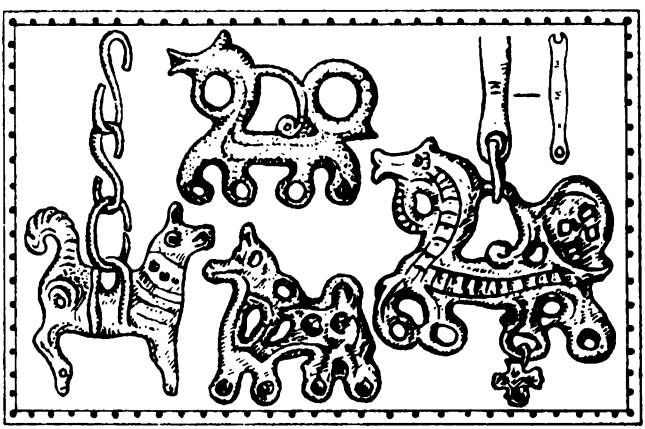
Представления о дневном пути солнца по небу на конях (или на лебедях) и о ночном пути по подземному океану на водоплавающих птицах возникли, скорее всего, еще в бронзовом веке, когда на днище сосудов, предназначенных для умерших, ушедших в подземный, ночной мир, изображалось ночное, подземное солнце.

Еще раз подчеркнем, что перед нами не просто множество солнечных знаков, не сумма отдельных символов, а продуманная система, созданная на основе геоцентрического мировоззрения: злыдни-упыри могут быть повсюду, они — повсеместны; в систему зла входит вся природа и все живое, обвеваемое «злыми ветрами». Этой темной системе противопоставлена система света, изгоняющего не только тьму, но и порождения тьмы. Древние славяне обращались к солнцу, зафиксировав его на своем жилище в его непрерывном движении по небу. Повсеместности упырей они противопоставляли повсеместность солнечного света; при этом была подчеркнута закономерность неизбежного прихода солнца в новый день вместе с утренней зарей.



Бронзовый игольник с изображением коней по сторонам здания (храма?), XI в.; бронзовая застежка-фибула, X в.

Конь, кобыла, лошадь в народной традиции одно из наиболее мифологизированных животных, воплощение связи с миром сверхъестественного, «тем светом», атрибут мифологических (эпических) персонажей. Связан одновременно с культом плодородия (солнца и т. п.), смертью и погребальным культом. Отсюда роль коня (и соответствующих обрядовых персонажей при ряжении и т. п.) в календарных и семейных обрядах (прежде всего в свадьбе), гаданиях и др.



Обереги-коньки, XI—XII вв.

По археологическим данным, конь (наряду с собакой) был главным жертвенным животным на похоронах, проводником на «тот свет» (ср. сказочные мотивы коня — чудесного помощника героя, помогающего проникнуть в тридевятое царство, на вершину стеклянной горы и т. п.), (ср. лужицкое представление о том, что конь (и собака) может видеть смерть, о чем свидетельствует его беспокойное

поведение и т. п.). Характерен общеславянский фольклорный мотив вещего коня, предсказывающего смерть своему хозяину (Марко Кралевичу в сербском эпосе, святому Глебу, чей конь сломал ногу, когда князь отправился к месту гибели, и т. п. вплоть до средневековых легенд о коне Ивана Грозного, который пал в Пскове, и царь в страхе перед собственной смертью отказался от расправ над псковитянами). В наиболее мифологизированном контексте этот мотив известен в «Повести временных лет» (912 г.), где волхв предрекает Вещему Олегу смерть от коня.

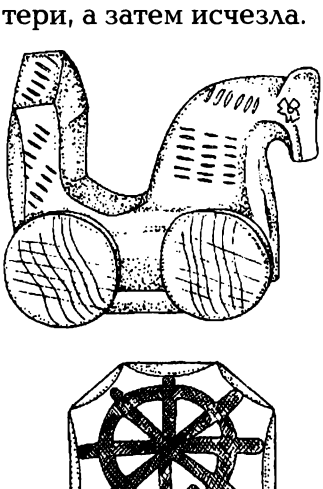
Конь (конский череп) и змея — характерные воплощения хтонических сил и смерти в общеславянской традиции. Мифического змея — предводителя змей в Хорватии именуют «змеиный конь», «вилинский конь» (ср. Вила); волосы из конского хвоста превращаются в змей (македон.). При этом конь, и особенно всадник — герой или святой (субститут языческого божества) выступают как противники змея, злых сил, болезней в фольклорных и изобразительных текстах (в том числе на иконах «Чудо Георгия о змие» и т. п.), (ср. русский заговор: «На море Киане, на острове Буяне, на бел-горючем камне Алатыре, на храбром коне сидят Егорий Победоносец, Михаил Архангел, Илия Пророк, Николай Чудотворец, побеждают змея лютого огненного» и т. д.). Согласно древнейшему известию в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика (XII в.), белый конь бога Свентовита ночью сражался с врагами и возвращался темным от грязи. Особое значение имела масть коня: белый (золотой) конь был атрибутом Господа Бога, Юрия-Егория в польской и восточнославянский традициях (в белорусских заговорах); в русской волшебной сказке белый всадник — ясный день,

красный всадник — красное солнце, черный всадник — воплощение ночи; в сербской песне св. Николай едет на синем, красном и белом коне. В соответствии с двойственной природой коня-медиатора амбивалентными свойствами наделяется конский череп: ср. полесский ритуал сожжения на купальском костре черепа лошади как воплощения «ведьмы», смерти и т. п. и использование конского черепа в качестве оберега скота, пчел, огорода (при отдельных случаях применения его для наведения порчи — пол.). Повсеместно конский череп использовался в качестве строительной жертвы.

Связь коня с «тем светом» и знанием судьбы определяла его роль в гаданиях: коня Свентовита выводили из храма к трем рядам вонзенных в землю копий и следили, с какой ноги тот начнет ступать: если с правой — предприятие будет удачным и можно выступать в поход. В русских святочных гаданиях лошади завязывали глаза, садились на нее задом наперед и следили, куда она пойдет: там гадающую ждет замужество. При гаданиях, чтобы увидеть суженого, идут в полночь к конюшне — услышавшая ржание выйдет замуж (лужицк.); по поведению коня гадали о смерти (если конь бьет копытом о землю — к смерти), любви (если конь ест сено, пьет воду — парень любит девушку). Соответственно конь, воплощающий в гаданиях связь с иным миром и будущим, оказывался демоническим существом: ср. вологодскую быличку о девках, во время гаданий призывавших «дьявола» показаться «прямо в лицо», — гадающих чуть не затоптали появившиеся неведомо откуда лошади.

Конь мог появиться и на месте, где зарыт клад (черный конь в серб. быличке). В украинской быличке

«чорна кобыла» явилась матери и сыну, остановившимся в поисках доли у могилы на дороге: человеческим голосом она обещала сыну отвезти его к колодцу, где дают счастливую долю; сын искупался в колодце, и одним скоком кобыла вернула его к матери, а затем исчезла.



Древнерусские деревянные игрушки

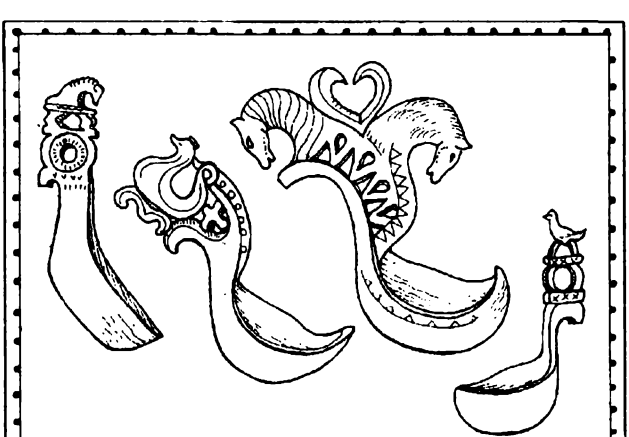
В обрядах семейного цикла конь был задействован прежде всего в ритуалах «перехода»: др.-рус. княжеский обряд постригов — первой стрижки волос у княжича сопровождался ритуальным сажанием на коня (этот обряд инициации сохранился у русских и в казачьей среде). В свадебной обрядности особое значение имели кони, запряженные в повозку с молодыми. В русском средневековом свадебном обряде коня давали в качестве выкупа за невесту (ср. позднейшие игровые варианты обмена жены на коней и т. п. в русском и украинском фольклоре); жеребцов и кобылиц, согласно «Домострою» (XVI в.), привязывали у сенника (подклета), где молодые проводили первую брачную ночь. Производительная сила коня и человека при этом считалась взаимосвязанной: перед случкой кобылу должна была кормить из подола беременная женщина (рус.). При похоронах считалось, что лошади очень тяжело

везти покойника; в Витебской губернии старший в доме с плачем целовал копыта лошади; у русских на кладбище лошадь распрягают, обводят по солнцу вокруг саней и запрягают вновь.

В обрядах календарного цикла конские праздники и связанные с ними персонажи (святые, ряженые) отмечали смену календарных циклов (ср., в частности, катание молодежи на лошадях на масленицу (рус.: «на конех ристание» обличается в послании Тихона Задонского, ок. 1765 г.), скачки парней, пасущих коней, в первый день «зеленых святок» (пол.), сербские конные состязания на Рождество (известие 1435 г.), белорусский обычай перескакивать на жеребцах через купальский костер — вплоть до состязаний ряженых «коней» из соседних деревень (на Юрьев день, рус.). Соответственно с семантикой смены сезонных циклов связаны фольклорные образы всадников, воплощающих календарные праздники — Коляды (рус., пол.), Авсеня (рус.), Божича (серб.; ср. сербский рождественский обычай разъезжать на лошадях с криком «Божич!»), «зеленого Юрия», едущего на зеленом коне (хорв., см. Георгий) и др. «Конь», «кобыла» — общеславянские образы ряжения на святки (вождение «бесовской кобылки» упомянуто в царской грамоте 1648 г.), связанные не только с аграрной магией, но и с символикой брака, соития.

Покровителями коней считались святые всадники — Георгий-Юрий (общеслав. покровитель скота; ср. именование коней «Егорием храбрым» в Приангарье), «конские боги» Флор и Лавр у русских, Феодор (Тодор) Тирон у южных славян (день его памяти — Тодорова суббота — именуется Конски Великден, «конская пасха»). Реже в качестве специализированных

покровителей коней выступает св. Власий (который также иногда изображается на иконах всадником) и Никола (Николай): в Белоруссии праздник Власия назывался «конское свято» — в этот день объезжают молодых лошадей, не работают на лошадях, устраивают для них специальную трапезу; Николу могли представлять всадником в сербской традиции, наряду со св. Саввой и др. Конь белый (вост.-слав., болг.), огненный (вост.-слав.) — атрибут Ильи, разъезжающего по небу верхом или в колеснице; гром — грохот конских копыт (ср. русские загадки, где гром — топот или ржание коней).



Ковши, украшенные символами движения солнца — конями и утками

Характерна также связь коня с персонажами низшей мифологии — вилами у южных славян (самим вилам иногда приписываются конские ноги), русалками у восточных (русалку изображал ряженый «конь»), домовым и др. Нечистую силу, в том числе

домового, можно увидеть, надев на шею хомут. Домовой — хозяин лошадиный может любить лошадей особой масти или, наоборот, невзлюбить коня, который пришелся не ко двору. Лошадь неопределенной — пегой — масти опасна в хозяйстве, на ней в хлев может въехать хлявник (бел.).

В магии особую роль играл не только лошадиный череп, но и копыта, предметы упряжи (в том числе хомут), подкова, волос, отыскав который можно было угадать любимую масть домового, и т. п. При купле лошади старались получить и узду, чтобы лошадь пришлась ко двору, не тосковала по прежнему дому, передать узду «из полы в полу», взять след из-под правого копыта и т. п. (вост.-слав.).

Собака

Она одной породы с волком, но с давних времен стала его лютым врагом, защищая-оберегая хозяйское добро. Недаром сложилась неизменно оправдывающаяся в жизни поговорка: «Собака — человеку верный друг». Заслышит волк собачий лай, сторонкой норовит обойти: знает серый, что зубы-то у этих сторожей острые, а чутье — на диво. О своем верном друге-стороже наговорил

краснослов-пахарь немало всяких крылатых словец, и все они в один голос говорят о собачьей привязанности, о собачьем нюхе, о собачьей неприхотливости. По собачьему лаю узнает сбившийся с дороги путник, где поблизости жилье человеческое. По нему же загадывают на святки и красные девушки: «Гавкни, гавкни, собаченька, где мой суженый!»

Многое множество примет связано с хорошо знакомым деревенскому человеку собачьим нравом. Если собака качается из стороны в сторону — к дороге хозяину; воет пес, опустив морду вниз, или копает под окном ямку — быть в доме покойнику; воет, подняв голову, — ждут пожара; траву ест собака — к дождю; жмется к хозяину, заглядывая ему в глаза, — к близящемуся несчастью; мало ест, много спит — к ненастной погоде; не ест ничего после больного — дни того сочтены на небесах.

Волк

Волк, хорт — одно из наиболее мифологизированных животных. Близок по своим мифологическим функциям другим хищникам (ворону, рыси и особенно медведю) и тесно связан с собакой.

Согласно легендам, черт слепил волка из глины или вытесал из дерева, но не смог его оживить. Оживленный Богом волк бросился на черта и схватил его за ногу.

Хтонические свойства волка (происхождение, связанное с землей, глиной, поверье о кладах, «выходящих» из земли в виде волка) сближают его с гадами, особенно со змеей. Гады появились на свет из стружек от выстроганного чертом волка.

Худ. Лукина Н. Н.

Волк объединяется с нечистыми животными, не употребляемыми в пищу, характерным признаком которых является слепота или слепорожденность. По некоторым украинским поверьям, волчица приносит волчат лишь раз в жизни, а принесшая потомство пять раз превращается в рысь. Волчата выводятся там, где волк завоет во время пасхальной Всенощной, и их бывает столько, сколько дней пришлось в этом году на мясоед от Рождества до Великого поста.

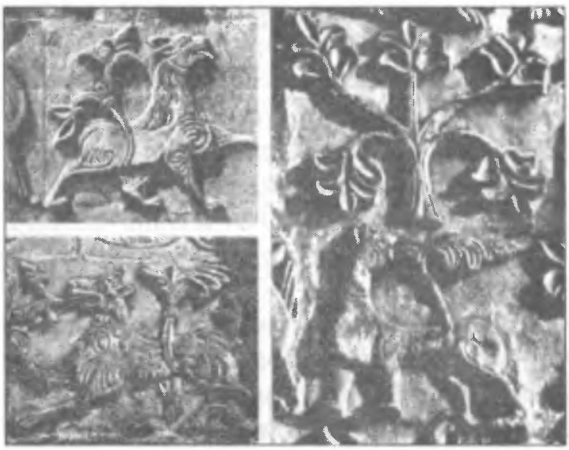
Определяющим в символике волка является признак — «чужой». Волк соотносится с «чужими», прежде всего с мертвыми, предками, «ходячими» покойниками и др. В некоторых заговорах от волка говорится, что он бывает у мертвых на «том свете», а при встрече с волком призывают на помощь умерших. К «чужим» относятся также колядники и участники других обходных обрядов; поэтому чтобы уберечься от волков, их называют колядниками. Маски волка встречаются в святочных или масленичных шествиях ряженых.

Волк противостоит человеку и как нечистая сила: его отгоняют крестом, он боится колокольного звона, ему нельзя давать ничего освященного. Он может осмысляться и как инородец: например, стаю волков называют «ордой».

С волком связывают различные инородные тела: волк — название нароста на дереве или черной

сердцевины в нем; наросты и опухоли на теле лечат волчьей костью или с помощью человека, съевшего волчатины. Волчьей символикой может наделяться каждая из участвующих в свадьбе сторон как чужая по отношению к противоположной: волком называют и дружину жениха, и всю невестину родню на свадьбе у жениха; в причитаниях «волками серыми» невеста называет братьев жениха, а в песнях родня жениха называет невесту «волчицей». С волком, ищущим себе добычи, символически может соотноситься и сам жених, добывающий себе невесту.

Волку присущи функции посредника между «этим» и «тем» светом, между людьми и нечистой силой, между людьми и силами иного мира. Задирая скотину, он действует не по своей, а по Божьей воле. Существовало поверие: «Что у волка в зубах, то Егорий (Перун) дал». Похищение волком скота воспринималось нередко как жертва и сулило хозяину удачу.



Изображение волков (так называемых «барсов с собаковидной головой») в белокаменной резьбе во Владимиро-Суздальской земле, XII—XIII вв.

Отношение волка к нечистой силе двойственно. С одной стороны, нечистая сила пожирает волков: пригоняет их к человеческому жилью, чтобы потом поживиться волчьей падалью; дьявол ежегодно таскает себе по одному волку. Волк «знается» с нечистой силой. Колдуны могут оборачиваться волками, могут насылать волков на людей и скотину. С другой стороны, по велению Бога волки истребляют, поедают чертей, чтобы они меньше плодились. Волк и сам может быть мифологическим персонажем — волком-оборотнем, или волколаком. Согласно поверьям, волки находятся в подчинении у лешего (леший кормит их, как своих собак, хлебом), которого иногда и самого представляют в виде белого волка. Чтобы задобрить лешего, пастух оставлял в лесу на съедение волкам одну овцу.

Обычно покровителем волков и одновременно охранителем стад считают св. Георгия (Юрия, Егория), у западных украинцев — св. Михаила, Луппа, Николая, Петра и Павла. Широко распространены былички о человеке, подслушавшем, как хозяин волков (св. Юрий, царь волков) распределяет среди волков их будущую добычу.

Для защиты скота от волка соблюдают определенные запреты на действия и работы, связанные прежде всего с продуктами скотоводства (овечьей шерстью и пряжей, мясом скота, навозом), с ткацкими работами и острыми предметами. Не выполняют никаких работ в день св. Георгия и др., не дают ничего взаймы во время первого выпаса скота и вывоза навоза на поле; не прядут на святки; не отдают за границы села ткацкие орудия, не ставят изгородей в период между днями св. Юрия и св. Николая; не едят мяса в день св. Николая; не допускают половых

сношений в последнюю ночь перед масленицей. Опасным считается и упоминать волка, чтобы тем самым не накликать его («Про волка речь, а он навстречь»), и поэтому используют другие названия для волка: рус. — «зверь», «серый», «кузьма», «бирюк», «лыкус», укр. — «скаменник», «малий» и др.

Чтобы волк не съел пасущийся скот, кладут в печь железо в день св. Николая, втыкают нож в стол, в порог или накрывают камень горшком со словами: «Моя коровка, моя кормилица надворная, сиди под горшком от волка, а ты, волк, гложи свои бока». При первом выгоне скота с той же целью замыкают замки, посыпают печным жаром порог конюшни.

Для защиты от волков используются заговоры, обращенные к лешему, к святым — повелителям волков, с тем чтобы они уняли «своих псов». Характерные мотивы заговоров: просьба замкнуть пасть или зубы волка замком, серебряными, райскими ключами, отсылание волка к морю за белым горючим камнем, ограждение от него каменной стеной, угроза сунуть волку в зубы горячий камень и др. Чтение заговоров сопровождается сжиманием кулаков, смыканием зубов, втыканием топора в стену и т. п. Чтобы не встретить волка, входя в лес, читают заговор «от злого зверя» или сорок раз говорят «Господи помилуй». При встрече с волком молчат, не дышат и прикидываются мертвыми или же, наоборот, показывают ему кукиш, отпугивают угрозами, стуком, криком, свистом. Иногда кланяются, встают перед волком на колени, приветствуют или просят: «Здравствуйте, молодцы», «Ваучица, матушка, памилуй меня». Крестятся, произносят заклинания: «Хрест на мене, вовк від мене», «Атвярни мене, Госпади, ат этага зверя», «Воук, воук, гдэ ты буу, як Суса Хрыста роспыналы?».

Глаз, сердце, зубы, когти, шерсть волка часто служат амулетами и лечебными средствами. Волчий зуб дают грызть ребенку, у которого прорезываются зубы. Волчий хвост носят при себе от болезней. Нередко оберегом служит само упоминание имени волка. Так, о появившемся на свет теленке (жеребенке, поросенке) говорят: «Это не теленок, а волчонок». Повсеместно волк, перебегающий дорогу путнику, пробегающий мимо деревни, встретившийся в пути, предвещает удачу, счастье и благополучие. Волк, забежавший в деревню, — примета неурожая. Множество волков сулит войну. Вой волка предвещает голод, вой их под жильем — войну или мороз, осенью — дожди, а зимой — метель.

Лиса

Народ зовет ее кумушкой, величает Патрикеевною. «Лисой пройти» в его устах равносильно слову «схитрить» («спроворить»); есть даже особое словцо — «лисить». Лиса — слабосильнее волка, но благодаря своей хитрой повадке она живет гораздо сытее.

Она «семерых волков проведет». Как ни стереги собака от нее двор, а все курятинки добудет. «Лиса и во сне кур у мужика в хлеве считает!», «У лисы и во сне ушки — на макушке!», «Где я

лисой пройдусь, там три года куры не несутся!», «Кто попал в чин лисой, будет в чине — волком!», «Когда ищешь лису впереди, она — позади!», «Лиса все хвостом покроет!» — перебивают одна другую старинные пословицы-поговорки. «У него лисий хвост!» — говорится о льстивых хитрецах.

Медведь

Медведь — один из главных персонажей в народных представлениях о животных. Медведь наиболее близок волку, с которым его объединяют сходные демонологические и другие поверья.

Происхождение медведя связывается в легендах с человеком. Человек был обращен Богом в медведя в наказание за убийство родителей; за отказ страннику или монаху переночевать, за честолюбивое желание, чтобы все люди его боялись; за то, что, будучи мельником, он обвешивал людей, используя фальшивую мерку, или за то, что в вывороченной шубе бросился Христу под ноги; накрывшись вывернутым кожухом, пугал его из-под моста; из жадности укрылся от него под овечьей шкурой; вышел к нему с руками, измазанными в тесте; за то, что месил хлеб ногами и т. д.

Медведями стали спрятанные от бога в лес дети Адама и Евы. Жених-мельник

обидел гостя на свадьбе и был заклят им в медведя. Сербские цыгане объясняют появление на свет медведя рождением его от девушки в результате непорочного зачатия. Считают, что если снять с медведя шкуру, то он выглядит как человек: самец как мужчина, а медведица с грудью, как у женщины. У него человечьи ступни и пальцы, он умывается, любит своих детей, радуется и горюет, как человек, понимает человеческую речь и сам иногда говорит, а также постится весь Рождественский пост, т. е. сосет лапу. Как и люди, он неравнодушен к меду и водке. Он «думец» и наделен разумом, но, как говорят, «в медведе думы много, да вон нейдет». Доказательство человеческого происхождения медведя охотники видят в том, что на медведя и на человека собака лает одинаково, не так, как на других зверей. По причине такого происхождения медведям нельзя есть человека, а человеку — медвежатину.

Как и волк, медведь может задрать корову лишь с Божьего позволения, а на человека нападает лишь по указанию Бога, в наказание за совершенный им грех. На женщин он нападает не затем, чтобы их съесть, а чтобы увести к себе и сожительствовать с ними. Верят, что от такого сожительства человека с медведем рождаются на свет люди, обладающие богатырской силой. Мотив этот представлен не только в поверьях, но и в сказках.

Считается, что медведь близко знается с нечистой силой, что лешему он родной брат или подвластен ему как своему хозяину. Его иногда и называют лешим или лесным чертом. Некоторые лесные духи имеют облик медведя. В то же время черт боится и убегает от медведя, медведь может одолеть и изгнать водяного; снять чары, если его провести через дом, на который напущена порча. Он чует ведьму в доме.

Ему присущи и функции охранителя скота. Например, медведь помогает обнаружить закопанную в хлеву конскую голову — причину порчи скота. Чтобы не допустить к скоту «лихого домового», в конюшне вешали медвежью голову, а когда домовой шалил, в хлев вводили медведя. Сам домовой тоже может принимать облик медведя. Подобно поверьям о волках-оборотнях, существуют рассказы об обращении колдунами участников свадеб в медведей. Известны рассказы о том, что под шкурой убитой медведицы охотники обнаруживали бабу в сарафане, что убитая медведица оказывалась невестой или свахой. Как и волк, медведь связан с подземными кладами; духи, охраняющие их, могут появляться в облике медведей.

Образу медведя присуща брачная символика, символика плодородия и плодовитости, представленная, в частности, в свадебном обряде, в любовной магии, в лечении бесплодия и т. п. Если введенный в дом ручной медведь заревет посреди хаты, значит, в этом доме скоро будут петь свадебные песни, т. е. будет свадьба. Поводыри на потеху зрителям заставляют медведя показывать, как невеста спит с женихом. Медведь, приснившийся девушке, сулит ей жениха. На свадьбе, чтобы заставить молодых целоваться, говорят: «Медведь в углу!». «Петра Ивановича люблю»,— должна ответить невеста и поцеловать жениха. Если девицу заставить посмотреть в глаза медведя, то по его реву можно определить, девственница ли она. Если невеста оказывалась не девственной, пели, что ее разодрал медведь. Мать невесты выходит встречать приехавших жениха с невестой в вывернутом шерстью наружу кожухе, изображая медведя. Чтобы муж перестал изменять

жене, она должна помазать влагалище медвежьим салом. Считалось, что женщина излечится от бесплодия, если через нее переступит ручной медведь. С идеей плодородия связан обычай ряжения медведем в свадебных, святочных и масленичных обрядах.

С медведем связаны календарные приметы. На Воздвижение Креста Животворящего (27 сентября) медведь ложится в берлогу. Среди зимы, на Ксению-полузимницу (6 февраля) или на Спиридона-солнцеворота (23 декабря), он поворачивается в берлоге на другой бок, а встает на Благовещение (7 апреля) или на Васильев день (25 апреля). По представлениям сербов, болгар, гуцулов и поляков медведь выходит из берлоги на Сретение (15 февраля, у поляков это день Громничной Божьей Матери, называемой также «Медвежьей») взглянуть на «рождающееся» . Если в этот день (или на Евдокию, 14 марта) он увидит свою тень, то возвращается в берлогу и спит еще шесть недель (до «теплого» Алексея, 30 марта), так как сорок дней еще будут стоять холода.

Медведь нападает на человека, если человек первым его заметит. При встрече с медведем, чтобы он не тронул, прикидываются мертвым, женщина показывает ему свою грудь. Для защиты от медведя используют различные обереги, соблюдают определенные запреты, стараются его умилостивить. Как и волка, медведя иногда приглашают на рождественский или новогодний ужин, чтобы он не трогал скота. Не выгоняют первый раз весной скот в день недели, на который пришлось в этом году Благовещение. В поминальную субботу перед Троицей несут в церковь священнику продукты из первого весеннего молока, чтобы медведь не причинил никакого ущерба.

У южных славян известны специальные «медвежьи дни», которые празднуют для защиты от медведя: на св. Андрея (13 декабря), Савву (27 января) и Прокопия (21 июля). Эти святые охраняют людей от медведя. Св. Андрей, по поверьям, ездил верхом на медведе. В эти дни варят кукурузу и оставляют ее на ночь на дворе для медведя, пекут хлеб и подбрасывают его в дымоход для медведя, а также не работают, не запрягают скот, не ходят в лес, не упоминают о медведе, не чинят старую обувь и не изготовляют новую. Медведя нередко опасаются упоминать вслух (в частности, рыбаки, считающие, что в противном случае поднимется буря и не будет удачи в улове) и называют его иначе: «он», «сам», «хозяин», «дедушка», «мельник», «черный зверь», «леший», «косматый черт», «куцый», «старый», «овсяник», «бортник», «костоправ», «бурмило», «сергачский барин» и т. д. Медведя называют и личными именами: у русских — Миша, Михайла Иваныч, Потапыч, Топтыгин, Матрена, Аксинья, у сербов — Мартин, у поляков — Бартош и т. п. Охотники, идущие на медведя, берут с собой летучую мышь, считая, что в этом случае медведь непременно придет на охотника. Встреча с медведем в пути служит добрым предзнаменованием.

Шерстью медведя окуривают больных: от испуга, от лихорадки и от демонической болезни, нападающей на рожениц, так как, по поверью, медведь отпугивает эти болезни. Сквозь медвежью челюсть протаскивают больного ребенка. Съевший сердце медведя исцелится от всех болезней разом. Отвар из медвежатины пьют от грудных болезней. Салом натираются от обморожений, ревматизма и других болезней, мажут лоб, чтобы иметь хорошую память.

Правый глаз медведя вешают ребенку на шею для храбрости. Когти и шерсть медведя используют как амулет для защиты от сглаза и порчи.

Крот

Крот находится между зверями и гадами, ближе к ласке и мыши. Хтоническая символика крота проявляется в мотивах слепоты и неприятия солнечного света, в приметах, предвещающих смерть, в символическом соотнесении кротовины (кучки вырытой земли) с могилой и др.

Крота иногда описывают как мышь в земле (у украинцев), с мышью его объединяют и некоторые названия (бел. — поух). Ряд названий крота связан с собакой: у украинцев — «щенюк», у сербов — «земляная собака», у болгар и македонцев — «слепая собака». Слепота крота отражена и в его русских названиях: слепец, слепух и т. п. По русскому поверью, Бог ослепил крота за то, что он копал землю на Благовещение. Согласно легендам, Бог обещал дать кроту глаза, когда он выроет столько бугров, сколько звезд на небе (у русских); Бог услал крота в нору в наказание за то, что тот первым из всех тварей стал портить райские насаждения, и определил, что глаза его будут уменьшаться, так что к моменту светопреставления кроты

станут совершенно без глаз (у белорусов). Крот избегает солнечного света и, по представлениям болгар, вылезает из норы лишь раз в неделю: в субботу до восхода солнца.

В болгарской легенде отец проклял сыновей за ссору из-за земли, которой отец наделил поровну каждого. Сыновья превратились в кротов, и теперь у каждого из кротов по 40 кротовин, а им все тесно (ср. болгарское поверье, что каждый крот выкапывает по 40 кротовин). Согласно сербско-хорватской легенде, крестьянин, желая хитростью присвоить себе чужое поле, закопал на нем своего сына и в присутствии судьи обратился к земле, чтобы она сама сказала, чья она. «Твоя, твоя», — послышался из земли голос сына. Когда отец принялся откапывать сына, оказалось, что он ушел глубоко в землю, превратившись в крота. Мотив превращения в крота присутствует в македонских, болгарских, западно-украинских вариантах этой легенды. Доказательство человеческого происхождения крота видят в сходстве передних лап крота с рукой человека.

Как и другие хтонические животные, главным образом гады, крот фигурирует в обрядах вызывания дождя. В Белоруссии считают, что если повесить на кол живого крота головой вниз, то пойдет дождь.

Функция домашнего покровителя, свойственная хтоническим животным, у крота проявляется прежде всего по отношению к скоту. Живого или убитого крота вешают в конюшне, чтобы у коней была лучше шерсть (у белорусов), чтобы они были сильными, тучными и лучше плодились (у поляков). Поляки верят, что и коровы тучнеют, если под хлевом гнездятся кроты. В Польше накануне дня св. Войцеха (23 апреля) впускают крота в хлев, чтобы скот

хорошо плодился в течение года. Словенцы, выгоняя на Юрьев день коров на пастбище, бросают им вслед землю из кротовин со словами: «Будьте тучными, как кроты!»

Магические способы изгнания и изведения кротов и обереги от них ставят крота в один ряд с мышами и другими вредителями полей и огородов. Болгары втыкают в норку крота веретено и шерсть, чтобы он занялся прядением и не рыл в огороде. Против кротов сербы сеют в огороде бобы, болгары устрашают их стрельбой, лужичане и болгары закапывают в огороде крота пальцами вверх, русские кладут на кротовину конский череп. В Страстной четверг хозяин объезжает на кочерге вокруг огорода, приговаривая: «Крот, крот, не ходи в мой огород, в день Чистого четверга тебе в зад кочерга». Часто используют освященные предметы (у болгар, мораван, украинцев), бросают в огород череп рождественского поросенка или втыкают в кротовины свиные кости (у болгар, сербов). В качестве оберега от крота соблюдают запреты: не прядут от Рождества до Крещения (у украинцев) и в день Обращения в веру св. Павла (у поляков), не едят хлеба в саду (у болгар), не трогают одежду в сундуках (у украинцев), не кладут на стол шапку (у чехов, поляков), не спят с женой в воскресенье (у поляков).

Крот и вырытая им земля обладают усмирительными, нейтрализующими свойствами. Кротовину бросают через рой пчел, чтобы он сел на землю; через горящий дом, чтобы усмирить пожар; перед первым выгоном скота посыпают рога животных землей из кротовины, чтобы скотина не была бодлива; девушка дает съесть парню вареное сердце крота, чтобы он полюбил ее (у поляков). Усмиряющие

свойства крота находят применение в народной медицине: с помощью крота заговаривают раны и опухоли, лечат нарывы, унимают желудочную боль.

Кошки

Кошка в славянских представлениях обладает двойственной символикой и различными демоническими функциями и часто выступает в паре с собакой.

Кошка оценивается неоднозначно: и как чистое животное, и как нечистое. Говорят: «У кошки шерсть погана, а рыло чисто; у собаки рыло погано, а шерсть чиста»; «Собаку можно целовать в морду, а не в шерсть, кошку — наоборот». По болгарским поверьям, кошка радуется смерти хозяина, а собака плачет; кошка добавляет хозяину мучений в аду, раздувая пламя под его котлом, а собака носит воду и заливает огонь. Поверья объясняют происхождение кошки как от дьявола, так и из рукавицы Божьей Матери. В легенде о всемирном потопе кошка спасает Ноев ковчег: затыкает хвостом дыру, которую прогрызла мышь, сотворенная дьяволом.

Убивать кошку запрещено, иначе ни в чем не будет удачи. Считается, что если человек будет спать

с кошкой, у него помутится рассудок. Опасно везти кошку лошадьми, потому что лошадь от этого сохнет. Кошку запрещено впускать в церковь. Кошке и собаке нельзя давать есть пищу, освященную в церкви. Однако у поляков на Пасху им иногда специально давали освященного хлеба с маслом. Этот обычай объясняется народным представлением, что люди имеют хлеб благодаря кошке и собаке: согласно распространенной легенде о хлебном колосе, за непочтительное отношение к хлебу люди ныне пользуются хлебом, который Бог оставил только на долю кошек и собак. Плохая примета, если кошка (любая, не только черная) перебежит дорогу или встретится в пути. Охотнику и рыбаку встреча с кошкой сулила неудачу в лове. В связи с этим старались не упоминать кошку во время охоты или называли ее иначе (например, запеченкой).

В облике черной кошки часто представляют нечистую силу. В то же время кошка, как полагают, способна видеть нечистую силу, невидимую для человека. В образе кошки может появляться черт. В кошачьем облике представляют души умерших, особенно тех, кто искупает после смерти свои грехи или умер не своей смертью. В виде кошки показывается смерть маленьким детям. В черной кошке видели также воплощение болезней: холеры и «коровьей смерти».

Русские верят, что черные кошка и собака оберегают дом от попадания молнии, однако считают и опасным присутствие их в доме во время грозы. Это объясняется поверьем, что во время грозы Бог старается поразить черта молнией, а черт прячется от Бога, обращаясь в кошку, собаку или другое животное. У украинцев известен рассказ о том, как лесник

во время грозы увидел черную кошку, которую не брал гром, и застрелил ее освященной оловянной пуговицей. После этого ему во сне явился св. Георгий и сказал, что он убил сатану, который семь лет дразнил святого.

Кошке присущи черты домашнего покровителя. Присутствие ее в доме благоприятно сказывается на хозяйстве и скоте.

Верят, что счастье в дом приносит краденая кошка. А в несчастливом доме кошки не водятся. При переезде в новый дом хозяева часто пускают в него сначала кошку, а лишь потом вселяются сами. Входя вслед за ней, хозяин идет в угол, который должен облюбовать себе домовой. Принесенную в новый дом кошку сажают на печь рядом с дымоходом, т. е. туда, где по распространенным поверьям, обитает домовой. Нередки рассказы и о домовом, который обращается в кошку.

Кошку используют в народной магии и медицине. Верят, например, что у черной кошки или кота имеется чудодейственная кость. Если добыть ее, она сможет сделать человека невидимым или наделит его способностью все знать. Тот, кто в полночь на перекрестке дорог наколет такой костью себе палец и подпишется кровью, получит себе в услужение черта-домового, который будет приносить в дом краденые деньги, зерно, молоко от чужих коров и т. д. В некоторых русских губерниях для предотвращения начавшегося падежа скота считалось необходимым зарывать павшую скотину в хлеву вместе с живой кошкой. Чтобы уберечься от холеры, проводили вокруг села борозду маленьким плугом, в который запрягали кошку, собаку и петуха, непременно черных. Опухшее вымя коровы лечили, царапая

по нему когтями домашней кошки. Ребенка, больного чахоткой, купали в купели вместе с черной кошкой, чтобы болезнь перешла на кошку. От насморка следовало нюхать дым обжигаемого кошачьего хвоста. Белую кошачью шерсть использовали как средство от ожога.

По народным представлениям, кот способен благотворно влиять на сон. Поэтому образ кота, как и зайца, часто встречается в колыбельных песнях. Перед тем как впервые положить ребенка в колыбель, туда кладут кота, чтобы ребенок крепко спал. Представление о родстве кошки и зайца отмечено у сербов, считающих, что заяц произошел от кошки.

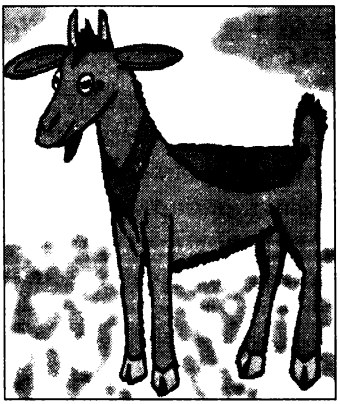
В народной культуре кошка выступает символическим аналогом медведя, а собака — волка. В восточнославянских сказках, в русских и лужицких быличках нечистая сила, напуганная медведем (черт, кикимора, водяной и т. п.), называет его «кошкой». У русских крестьян известен способ вызывать с помощью кошки лесного духа — «боровика», имеющего медвежий облик

Коза

Коза считается животным, имеющим демоническую природу; выступает как ипостась нечистой силы и одновременно как оберег от нее.

В календарных обрядах, связанных с аграрной магией, присутствует ряженая коза или маска козы. Святочные и масленичные обходы с ряженой козой наиболее распространены у украинцев и белорусов, в меньшей степени у русских. Атрибуты ряженой

козы: вывернутый шерстью наружу кожух, деревянная голова с рогами и бородой из соломы или лозы и движущейся нижней челюстью.



Худ. А. Бабушкин

Ядром восточно-славянского рождественско-новогоднего обряда «вождения козы» является песня с припевом «О-го-го, коза», где в гиперболизированных образах рисуется картина будущего урожая («где коза ходит, там жито родит», «где коза рогом — там жито стогом», «где коза хвостом — там жито кустом» и т. п.). Песня сопровождалась танцем-пантомимой, центральным моментом которого было «умирание» и «воскрешение» козы, символизировавшее круговорот времени и возрождение природы. В Польше деревянная рогатая фигура козы участвовала в процессии ряженых в последний вторник карнавала. На Украине маска козы фигурировала также в свадебном и погребальном обрядах (в «играх при покойнике»).

С плодовитостью козы связана ее эротическая символика: в белорусских и польских песнях присутствуют мотивы любовных ухаживаний Волка за Козой и брака Козы с Волком в песнях, а съеденная Волком Коза символизирует доставшуюся жениху невесту.

Коза как жертвенное животное фигурирует в своеобразном действе, совершавшемся в разных районах Чехии в день св. Якуба (25 июля), когда с колокольни

или другого возвышенного места сбрасывали козла с позолоченными рогами, убранного лентами и цветами. Его кровь собирали и хранили как лечебное средство от испуга. Фракийские болгары закалывали козу на свадьбе, после брачной ночи. Запреты использовать козу в качестве жертвы (болгары не закалывают козу на поминальную трапезу; македонцы не используют козу как жертвенное животное) мотивированы тем, что коза — нечистое, демоническое животное.

В этиологических легендах коза — создание дьявола (укр. — «чертово семя», пол. — «дьявольское создание», чеш. — «чертова порода») и потому внешне похожа на него. Украинцы считают, что домашняя коза сотворена чертом и если ее покропить освященной водой, то она сейчас же сдохнет. У козы короткий хвост, так как дьявол, загоняя коз на пастбище, оторвал им хвосты (пол., укр.-карпат.). Согласно польскому поверью, коза имеет всю силу в хвосте; чтобы козы не объедали деревьев, им в хвост надо воткнуть иголку. В Закарпатье говорят, что козы все время норовят залезть на деревья, потому что у них «чертовы» ноги; козы когда-то имели на ногах когти и лазали по деревьям; черт проспорил Богу своих коз, и Бог лишил их когтей; на коленях у козы желтая шерсть, так как черт, выгоняя их со двора Господа, бил их по ногам, отчего текла кровь и окрасила шерсть. В легендах коза как нечистое животное противопоставляется корове и овце — чистым и «Божьим» созданиям.

По общеславянскому поверью, в виде козла появляется дьявол. Козлиные ноги (рога, уши, борода) присутствуют в облике черта, лешего, домового, водяного. Поляки считают, что в глазах у ведьмы можно

видеть отражение козы. В Костромской области бытует поверье, что на «том свете» удавленники превращаются в коз. В Киевской губернии верили, что накануне Пасхи в виде козы может показаться клад. У козы, как дьявольского создания, ведьма не может отобрать молока. Верхом на козе ездит дьявол.

Коза (само животное, части его тела, мясо, молоко) используется как оберег. По македонскому поверью, козу нельзя сглазить. Русские и украинцы держали в хлеву козла, которого якобы любит домовой (или черт) и потому не вредит лошадям. Овчары держали козу на выгоне для овец, полагая, что коза не дает колдунам приблизиться к отаре (польские Бескиды). В Костромской губернии от падежа скота прибивали на дворе козлиную голову. В Польше, если корову сглазили, следовало смешивать коровье молоко с козьим — это отвращало сглаз; козьим молоком заливали пожар, возникший от молнии; изгоняя беса из одержимого, клали ему в рот кусочек козлятины.

Ящерица

Относится в древнеславянских поверьях к разряду гадов. Ящериц иногда различают по полу: женской считают зеленую ящерицу, а мужской — серую. Согласно некоторым поверьям, ящерица появляется на свет из яиц черта и может сглазить и околдовать человека. Есть ящерица, которая не горит в огне,— саламандра. Ящерица наиболее близка змее. Как и змею, ящерицу называют гадиной и считают ее ядовитой. Полагают, что укус ее настолько ядовит, что может быть смертелен.

Ящерица может прогрызть кожу человека и добраться до самого сердца.

Как и в случае укуса змеи, человек, укушенный ящерицей, должен как можно быстрее бежать к воде и напиться, чтобы спасти себе жизнь. Если он сделает это быстрее ящерицы, то она погибнет, в противном случае умрет человек. У южных славян бытуют поверья, что человек не излечится от укуса ящерицы, пока не услышит рева ишака, пока не пересчитает по зернышку целой меры проса, пока не найдет девять белых кобыл и девять сестер или не напьется молока от девяти сестер.

Известны рассказы о том, как крестьянин в поле убил детенышей ящерицы. Ящерица отомстила ему тем, что напустила яду ему в еду или питье, отчего он умер. Затем она опрокинула кувшин с водой, чтобы никто другой не отравился. Аналогичные рассказы существуют также об уже и о ласке. В то же время ящерица спасает человека от укуса змеи: если вблизи спящего человека окажется змея, ящерица влезает ему за пазуху и щекочет, пока он не проснется.

Ящерицу бьют, чтобы она сбросила свой гадючий хвост, так как, по поверью, ящерица берет себе хвост от гадюки. Или же оторванный хвост ее превращается в ужа или гадюку. По другому поверью, сама ящерица превратится в змею, если у нее не оторвется хвост. Кроме того, подобно мифической гидре, куски разрубленной на части ящерицы срастаются вновь — сами или под влиянием жабьей мочи. Аналогичное представление бывает связано и со змеей. Если бить ящерицу кнутом или иссечь им ее на куски, а потом хлестать им скотину, то скотина будет худеть и иссохнет.

Ящерицу используют в магических целях, часто для насылания порчи. Так, если подмешать в еду куски ящерицы, то из них выведутся маленькие ящерки, которые задушат человека, когда клубками будут выходить через горло. Ведьмы сушат ящериц, стирают их в порошок, подмешивают его кому-нибудь в водку, и человек умирает. Отвар из сушеных и истолченных ящериц девушки дают выпить парню, которого хотят приворожить. Но если отвар постоит хотя бы сутки, он превратится в отраву, от которой человек сходит с ума, а потом умирает.

Запрет убивать ящериц связан с представлениями о душе. Как и во многих других животных, в ящерицах видят души умерших, поэтому при виде ящерицы желают душе вечного упокоения. Убивать ящериц считается грехом. Верят, что если убить ящерицу-самца, умрет отец убившего, а если самку — мать или что в наказание на том свете будешь с ящерицей во рту. Говорят, что солнце плачет, когда увидит убитую ящерицу. Поэтому убитую ящерицу следует зарывать в землю. Ритуальное убиение ящерицы, так же как и других животных, связанных с землей (ужа, жабы, медведки, ласки и др.), совершают в некоторых местах во время засухи, чтобы вызвать дождь. Существует поверье, что если разогнать палочкой двух борющихся ящериц, то такой палочкой можно впоследствии разгонять тучи.

Для изгнания из избы клопов и тараканов живую ящерицу сажают в мешочек и подвешивают к матице. Ящерицы не живут около человеческого жилья. Верят, что ящерица погибнет, если заглянет в окно дома. Ящерица, лежащая вверх брюхом возле дома, предвещает в нем пожар. Увидев весной первую ящерицу, нужно разостлать пояс и перегнать ящерицу

через него, а затем опоясываться им — тогда не будет болеть поясница. У македонцев девушки ловят первую ящерицу и трижды пропускают ее через рукав, чтобы не потели руки.

Для избавления от головной боли сажают ящерицу за пазуху или в шапку, которую затем вместе с ящерицей надевают на голову. Больного лихорадкой окуривают кожей ящериц или вешают ему на шею убитую ящерицу, которую больной затем срывает и выбрасывает, и когда ящерица высохнет, тогда и болезнь пройдет. Больным и рахитичным детям дают пить воду с золой от сожженной ящерицы. Живых ящериц и змей поджаривают в горшке на медленном огне и полученным жиром смазывают ульи для приманивания чужих или диких пчел.

Змея

Змея в простонародном воображении является живым олицетворением всего нечистого, возбуждающего смешанное с ужасом отвращение, всего злого, лукавого, вредоносного.

«Змея умирает, а все зелье хватает!» — отзывается народ наш о злых, жадных до неправедной наживы людях; «Сколько змею ни держать, а беды от нее ждать!» — о лукавых; «Выкормил змейку на свою шейку!», «Отогрел змею за пазухой!» — о черной неблагодарности.

Видит наблюдательный русский краснослов рядом

с собой льстеца-притворщика — и про того готова у него живая речь: «Льстец под словами — змей под цветами!»; «Глядит, что змея из-за пазухи!» — говорили на Руси про смотрящего исподлобья, не в меру подозрительного человека.

Нет для открытого другу-недругу глубокого сердца народного ничего хуже лихой клеветы на белом свете: «Клевета-змея из-под куста укусит!», «У клеветы жало змеиное!» и т. д. Но, по народному же слову, клеветнический навет больней жала змеиного: «Змею завидишь — обойдешь, клевету заслышишь — не уйдешь!» Сродни этому выражению мудрости и такие меткие изречения: «Лучше жить со змеей, чем со злою женой!», «Сваха лукавая — змея семиглавая!», «Недобрый сват — змее родной брат!».

В стародавние годы, гласит предание, было по всей округе всякого гада ползучего многое множество, кишмя кишели змеи-гадюки: ни проходу, ни проезду по дорогам от их змеиной лихости не было. Давно это было — не запомнят и деды наших прадедов. Лютовал змеиный род, нагонял страхи и на Русь, и на Нерусь — Чудь белоглазую; да послал Бог доброго человека знающего: заклял он их единым словом на веки вечные.

«Змея Медяница! — гласит один такой заговор. — Зачем ты, всем змеям старшая и большая, делаешь такие изъяны, кусаешь добрых людей? Собери ты своих теток и дядей, сестер и братьев, всех родных и чужих, вынь свое жало из греховного тела у раба Божьего (имярек). А если ты не вынешь своего жала, то нашлю на тебя грозную тучу, каменьем тебя побьет, молнией пожжет. От грозной тучи нигде ты не укроешься: ни под землею, ни под межою, ни в поле, ни под колодою, ни в траве, ни в сырых борах, ни

в темных лесах, ни в оврагах, ни в ямах, ни в дубах, ни в норах. Сниму я с тебя двенадцать шкур с разными шкурами, сожгу самое тебя, развею по чистому полю. Слово мое крепкое-лепкое, не пройдет ни в век, ни вовек!..»

Суеверные люди приписывали змеям силу чар в различных случаях жизни, но более всего верили в любовный приворот с помощью этих чар.

Змеевик

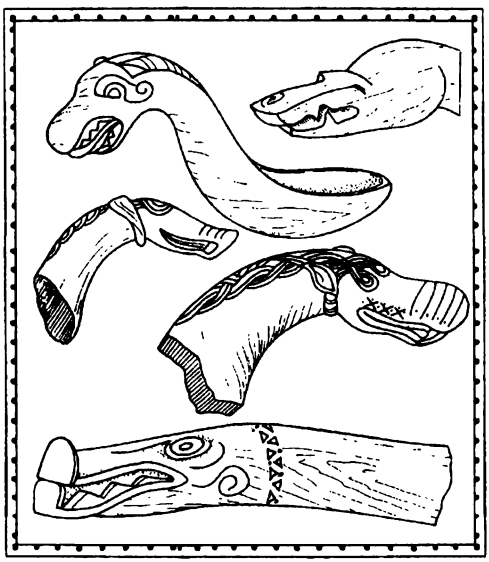
Так, по совету знахарей, хаживали они в лес, разыскивали там гадюку. Найдя, они заранее заговоренною палкой-рогулькою должны были прижать змею к земле и продеть через змеиные глаза иголку с ниткою.

При этом обязательно должно было произносить слова: «Змея, змея! Как тебе жалко своих глаз, так чтобы (имярек) любила меня и жалела». По возвращении домой надо было поскорее продеть платье приглянувшейся красной девицы этой иголкою, но тайно от всех, а от нее — особенно. Если удастся проделать все это — любовь приворожена навеки.

Другие знахари подавали совет: убить змею, вытопить из нее сало, сделать из сала свечку и зажигать ее всякий раз, когда замечаешь остуду у любимого человека. «Сгорит змеиная свеча, и любовь погаснет — ищи другую!» — приговаривали ведуны.

В мифологии южных славян змей и змея — вредоносные духи, обретающие плоть только для тех людей, в которых они влюбляются. Обитают в глухих

пещерах и ущельях, остерегаются воды. Палаты их сверкают златом-серебром, бесценными каменьями. Подобно людям, они едят, пьют, женятся, воюют друг с другом и умирают.



Головы ящеров на конструкциях домов и на ручках ковшей

Змеи — владыки ветров, которые, будучи заперты в пещерах, вырываются на волю только по воле своих повелителей. Если задул ураганный ветер, жди прилета Змея или Змеи, змеевидных чудовищ с четырьмя ногами и крыльями, как у летучей мыши.

К старости некоторые Змеи становятся настолько громадными и сильными, что уже и сама земля их не держит. Такие алы (халы) улетают на небеса, странствуя между звездами. Увидишь падающую звезду или комету, знай — это ала.

И Змей, и Змея не прочь влюбиться в человека, при этом они выбирают самых красивых девушек и парней в округе. Особенно страдают молоденькие красавицы: уж коли приглянулась Змею, забудет обо всем на свете, станет чуждаться людей, заживо себя похоронит. Змей запрещает своей жертве умываться, расчесывать волосы, переменять белье, ходить на посиделки. Наведывает он свою любовницу по ночам. Для всех домочадцев невидим, а ей представляется статным молодцом, да настолько красивым, что глаз не отведешь. Случалось многажды, что этот молодец утаскивал свою жертву далеко в горы, где в роскошных покоях доживал с ней в прелюбодейной связи до глубокой старости, и только тогда она возвращалась в родное село, будучи уже старухой. По рассказам таких несчастных, от любовной связи со Змеем рождаются тоже Змеи.

Ёж

По верованьям болгар, еж дал совет Богу, как покрыть землю небом. В южно-славянских легендах мудрый ёж спас мир от испепеления солнцем. Встав на дороге, он остановил ослицу, верхом на которой Солнце ехало искать себе невесту. Солнце не женилось и не породило много других солнц (у македонцев). Солнце

Миниатюра из лицевого списка «Физиолога» (конец XV—начало XVI в.). Российская государственная библиотека, Рогожское собр., № 676, л. 329

отправилось искать Ежа, не явившегося на его свадьбу с Луной, и нашло его грызущим камень. Ёж объяснил, что от его брака родится много солнц, все сгорит и придется есть камни. Услышав это, Солнце раздумало жениться, а Луна со стыда скрылась от Солнца (у болгар). По болгарским поверьям, ёж — самое мудрое животное, так как дольше всех живет на свете. Он знает все, что было раньше и о чем люди давно забыли. Он знает также особую омолаживающую траву и никогда не стареет.

По южно-славянским и полесским представлениям, всеведущий ёж знает, как добыть и «разрыв-траву», способную открывать без ключа любые замки и запоры. Для этого нужно загородить гнездо с детенышами ежа камнями. Ежиха принесет волшебную траву и разрушит преграду. Тогда можно подобрать траву и использовать ее для воровства. Македонцы верят, что ёж держит эту траву под языком. Поверье о «разрыв-траве» бывает связано и с другими животными: черепахой, змеей, желной, удодом и др.

В боснийской легенде происхождение ежа связывается с чертом: черт бросил вычесанные волосы под колоду для рубки дров — волосы тут же превратились в ежа.

В славянских диалектах сближаются иногда названия ежа и барсука. По украинскому и польскому поверьям, существует два вида ежей: один со свиной мордой, другой с собачьей. Первых можно употреблять в пищу, а вторые несъедобны. Такое же поверье известно и о барсуке. Иногда считают, что свиную и собачью морду может иметь и ёж, и барсук.

У украинцев иногда различаются две разновидности ежей: «песий» и «свинский». С представлениями о разных видах ежей связано также польское

поверье, что еж может обратиться в свинью. Связь ежа и барсука с свиньей отражена и в лексике (ср. рус. «пороситься» — рожать детенышей (о еже и барсуке), «барсук» — боров, самец свиньи).

Благодаря колючкам ёж обладает отвращающей силой и используется как оберег. Так, у поляков для защиты от богинок кладут себе на грудь шкурку ежа; у сербов человек, у которого умирают дети, должен смазать кровью убитого ежа палку, прикрепить к ней шкурку ежа и выставить у входа в дом. Функцию оберега имеет и палка с прикрепленной на конце шкуркой ежа, с которой ходят в Словении «куренты» — ряженые участники масленичного шествия. Сербы носят при себе сердце ежа как оберег от болезней, а македонцы пришивают морду ежа к шапке или к одежде для защиты от сглаза. У русских оберегом для новобрачных во время первой брачной ночи служит особый калач «ёж», утыканный окрашенными и позолоченными хворостинками; в Польше хлеб в форме ежа пекут у невесты в канун свадьбы.

Ёж и его атрибуты используются и в лечебных целях. Салом ежа мажут скотину от укусов мух, смазывают подпарины (сбитые места) на шее у быков, натирают больного лихорадкой или ревматизмом, смазывают нарывы; мочу ежа подмешивают пьяницам в еду, в питье или в водку, чтобы отучить их пить.

Заяц

Связан с эротической символикой и наделен демоническими свойствами. Любовно-брачная мужская символика зайца проявляется

в свадебном обряде и песнях. На свадьбе белорусы изображают скачущего зайца, а украинцы танцуют танец «заець» со стеблями соломы в зубах наподобие заячьих усов. Как к зайцу обращаются к жениху в русских свадебных величаниях. В русских хороводах заяц — жених, выбирающий себе невесту. Мотив женитьбы зайца на кунице или сове встречается в белорусских и украинских шуточных песнях и сказках; образ зайца фигурирует в белорусских и польских песнях с любовно-брачной тематикой.

Эротическая и фаллическая символика зайца представлена в сербских анекдотах. В русском песенном фольклоре встречается мотив совокупления зайца с девушкой. У восточных славян известны сказки о зайце, обесчестившем лису или волчицу. Ср. также загадку о снеге на озимом хлебе: «Заюшка беленький! Полежи на мне; хоть тебе трудно, да мне хорошо». На Украине к молодым после брачной ночи приходят с чучелом зайца и «доят» его, как корову, что сопровождается эротическими шутками. Символику коитуса передают фольклорные мотивы заламывания зайцем капусты (у восточных славян), заячьего укуса и охоты на зайца (у поляков), шуточное моравское выражение «выгонять зайцев из норы» и др.

Заяц олицетворяет плодоносящее начало: детям говорят, что их приносит заяц (у украинцев, кашубов);

кровь зайца используют от бесплодия, а жиром зайца роженице смазывают женские органы при трудных родах (у сербов), пометом зайца кормят кур, чтобы они лучше неслись (у белорусов, болгар). В белорусской сказке пан, чтобы обсеменить поле, покупает у мужика «севчика», которым оказывается заяц. В Белоруссии и Македонии сон о пойманном зайце предвещает беременность и рождение сына.

Фаллическая символика зайца представлена в сюжете о заячьем пастухе, в украинском названии песта для выжимания постного масла «заяць».

У южных славян та же символика реализуется в способе лечения сифилиса заячьим пометом (в Боснии и Герцеговине).

Заяц связан с нечистой силой. По русским поверьям, леший может нагнать или угнать зайцев, проиграть их в карты соседнему лешему. Восточно-славянский запрет упоминать зайца на воде во время рыбного промысла объясняется тем, что заяц находится в подчинении лешего и неподвластен водяному. Украинцы считают, что заяц создан чертом и служит ему. В болгарской сказке дьявол скачет верхом на зайце. Черт принимает образ зайца: перебегает дорогу, заманивает в чащу (в быличках восточных славян), преследует охотника, предлагает поцеловать себя в зад, его не берут пули (у западных славян) и т. д. У сербов для оберега от зайца-оборотня охотник должен иметь черную собаку без единого светлого пятна. С заячьим хвостом поляки представляют себе черта, русские — ведьму. На Украине и в Белоруссии верят, что в облике зайца появляются ведьмы и колдуны. В зайца обращается домовой (у белорусов) и дух, приносящий хозяину деньги (у хорватов). Встреча с зайцем повсюду считается несчастливой приметой.

Связь с огнем обусловлена прыткостью зайца (ср. в загадке: «Он и бегат, как огонь»). Словами «заенька», «зай», «зайко» русские называют огонь в разговоре с детьми. Появление зайца возле жилья является предвестием пожара.

Некоторые признаки зайца используются в народной метеорологии. Признаки «белый» и «пушистый» актуализируются в рус. «зайцы» — хлопья снега, изморозь, иней в избе; «заяц» — клуб белого пара, выходящего зимой из теплого помещения. Рус. «заинька», «зайка», «зайчик», «зайцы» обозначают белую пену на гребне волн. У южных славян сходные названия обозначают волны, поднимаемые ветром.

Заяц упоминается в связи с луной в восточно-славянских детских игровых песнях, заклинках и считалках. Обычно эти образы соотносятся друг с другом метафорически: «Заяц-мисяць, де ты був? — В лиси» (у украинцев); «Заяц-месяц/ Сорвал травку, / Положил под лавку» (у русских) и т. п. Связь образов зайца и месяца подтверждается и некоторыми южно-славянскими параллелями. Общей для зайца и месяца (особенно молодого) является их мужская и брачно-эротическая символика. Ср. пример сочетания обоих символов на полесском свадебном каравае: верх его украшен фигурками зайца, месяца и шишек из теста.

По распространенному поверью, заяц спит с открытыми глазами. Выражения «спать, как заяц», «заячий сон» у всех славян используются для обозначения чуткого сна. Поэтому беременной нельзя есть и видеть зайца, чтобы будущий ребенок не спал с открытыми глазами. Заяц может вызывать как сон, так и бессонницу. Кожу зайца сербы используют

против сонливости, украинцы при бессоннице избегают есть зайчатину и вообще не упоминают зайца, чтобы не потерять сон и чтобы не нападала сонливость. С влиянием зайца на сон связан и образ зайца в колыбельных песнях.

Мышь

Мышей и крыс народная традиция относит к гадам: мышь называют «гадом», «гадиной», «поганью» и т. п.

Говорят, что на всякую тварь Бог дает хлебушка, лишь на такую нечистую, как мышь, не дает. Согласно легенде, во время всемирного потопа мышь прогрызла дыру в ковчеге, которую заткнула кошка своим хвостом. Если мышь оказалась в выкопанной могиле, то это означает, что покойник был колдуном и злой дух в облике мыши вышел навстречу умершему колдуну, чтобы забрать его душу. В образе мышей представляют души умерших. По поверью, если оставить на ночь недоеденный хлеб, ночью в виде мышей придут есть его души умерших. Если кошка поймает такую мышь, то это грозит неисчислимыми бедствиями всем домашним за гибель предка. Сербы считают, что если будешь играть ночью на музыкальном инструменте, приманишь мышей в дом. В сказке польского Поморья герой получает от мыши волшебную дудочку, исполняющую все его желания.

С мышью связаны различные приметы. Если мыши покидают дом, быть пожару. Мышь, попавшая за пазуху,— предвестье большой беды. Тот, кому мыши погрызут одежду или обувь, вскоре умрет. Если мышь прогрызет верхнюю корку у каравая, будет высокая цена на хлеб, если нижнюю — хлеб будет дешевым. Мыши одолевают — к голоду. Мышиные гнезда на поле близко к колосу предвещают сырую осень. Считается, что мышей больше в сырой год, а зайцев — в сухой. Если приобретенный купцом товар будет попорчен мышами, то продать его можно будет скорее и выгоднее. Женщинам нельзя брать мышь в руки или убивать ее, иначе хлеб не будет удаваться. Беременной женщине нельзя отказывать в том, что она попросит, иначе у того, кто откажет, мыши погрызут одежду. Невеста должна ехать к венчанию натощак, чтобы мыши ничего не погрызли у нее в доме.

Известны различные способы изгнания и изведения мышей и обереги от них. Для избавления от мышей обходили вокруг дома с освященной пасхальной едой, разбрасывали скорлупки пасхальных яиц по углам дома. Чтобы мыши не наносили ущерба в хозяйстве, на Рождество запрещалось вынимать одежду из сундуков. В течение всего святочного периода называли мышей не иначе как «панночками», а в некоторых местах вообще никогда не упоминали о них за едой.

Чтобы мыши не поели зерна, снопы с поля начинали свозить в овин в тот день недели, на который пришелся в этом году праздник Благовещения. Считали, что везти снопы надо поздно вечером или ночью, когда все спят, причем так, чтобы не встретиться по пути с женщиной. По дороге сквозь спицы колес

телеги бросали камни. Снопы с первого воза ставил в овине раздевшийся донага мужчина. Для мышей опрокидывали набок первый сгруженный с воза сноп или оставляли им зерна на дне телеги. От мышей помещали в овине палку, с помощью которой до этого удалось разнять ужа и гадюку. В некоторых местах под снопы стелили ольховые ветки, а на дно сусеков клали ветки бузины. У южных славян оберегам от мышей посвящены специальные «мышьи дни».

Судя по поверьям и народным приметам, существует определенная связь между мышами и зубами человека. Считается, например, что если мыши поедят неубранные остатки ужина, то у хозяина будут болеть зубы. От зубной боли едят хлеб или сыр, объеденный мышами. Первый выпавший у ребенка молочный зуб бросали за печь со словами: «Мышка, мышка, на тебе репный зубок, а дай мне костяной», «Мышка, мышка поиграй и отдай». Распространены способы лечения грыжи с помощью мыши: пускают мышь «на грыжу», чтобы укусила, или прокалывают мышь, продевают сквозь нее нитку или шнурок и подпоясывают им больного.

Ласка

Ласка в древнеславянской мифологии ассоциируется с эротической символикой и хтоническим началом. В славянских диалектах существуют общие названия для ласки, куницы, горностая, белки, барсука. Ласка, куница, лисица и белка представлены в качестве одного и того же персонажа в различных вариантах сказочного сюжета

об ожившей шкурке животного. Всех этих зверей роднит целый ряд общих мифологических характеристик. Хтоническая природа в той или иной степени обнаруживается у большинства этих животных. Например, у горностая в фольклорных текстах: «Как водою он ходил да рыбой-щукою, / По поднебесью летал да ясным соколом, / По подземелью ходил белым горностаем». Клады «выходят» из земли в виде белых зайцев, горностаев, кошек и т. п. Указать местонахождение клада может ласка, если ласково к ней обратиться. В белорусских и украинских песнях известен архаический мотив Мирового Древа: горностай, бобры или соболи обитают у корней райского дерева; в русских песнях этому соответствует стоящее на горе дерево (кипарис), которое «кунами обросло, соболями расцвело».

В народных поверьях обнаруживается глубокое родство ласки с гадами, что проявляется, в частности, в общих названиях для ласки и змеи, червя, мыши. Подобно змее, ласка считается ядовитой. В разных вариантах былички в одной и той же роли выступают ласка, ящерица или уж: они отравляют питье людям, унесшим их детенышей, но когда находят их на прежнем месте, опрокидывают сосуд с питьем. Как уж, лягушка (и ведьма), ласка способна отбирать молоко у коров, а пробегая под коровой, портить его, отчего в нем появляется кровь. У ласки и родственных ей животных обнаруживается родство с птицей,

что определяется глубоким мифологическим родством хтонических животных и птиц. Так, ласка может называться «ласточкой», отождествляться с ней или представляться в виде зверька с крыльями. Названия ласки и ласточки родственны по происхождению. Им обеим свойственна женская символика, и обе они покровительствуют скоту, но могут явиться причиной появления молока с кровью и т. д. Известны сходные песенные тексты о летящем и роняющем перья горностае или бобре.

Ласке присущи также и функции домового (реже представленные у кошки, белки, лягушки, червя). У южных славян считается, что убийство ласки (как и домовой змеи) повлечет за собой смерть кого-либо из домашних или любимой скотины. По словацкому поверью, в ласке воплощена душа хозяйки дома, подобно тому, как в облике змеи предстает душа хозяина дома. Распространено представление о ласке как охранительнице дома (и скота). В некоторых местах ее называют «домовиком», считают, что она живет в каждом доме, в земле под домом, в подполье, под порогом конюшни, в хлеву (т. е. в местах обитания домовых духов). Как и домового, ласку можно увидеть, войдя в хлев со свечой в Страстной четверг, и по окраске ее шерсти определить, какой масти следует держать скотину. Присутствие ласки в хлеву способствует размножению скота, причем той же масти, что и ласка. Каждая корова имеет свою ласку-покровительницу той же масти. Считается, что вслед за убитой лаской умрет и корова одной с ней масти. Сходства между лаской и домовым проявляется и в том, что они по ночам мучают скотину, заезжают коней (так, что утром кони оказываются в пене), заплетают им гриву в косу. Домовой по ночам

может также заплетать косы женщинам и бороды косичкой старикам, а ласка ночью погрызть женщинам волосы, а мужчинам усы.

У южных славян образ ласки связан с прядением и ткачеством: в легендах в ласку обращена невестка, проклятая свекровью за то, что ленилась прясть или, наоборот, кроме прядения, ничем не хотела заниматься; в качестве оберега от ласки выносят во двор и кладут у ее норы прялку с веретеном. В белорусской детской песенке ласка говорит, что она занималась тканьем у Бога. У гуцулов ей посвящается день св. Екатерины (7 декабря), покровительницы прях и браков. У русских же роль пряхи и ткачихи особенно ярко представлена у «горностайки» — персонажа сказов об ивановских ткачах. Горностайка шьет лапками в снегу серебряную стежку. Мальчик-ткач помогает ей распутать серебряную снежную пряжу, спутанную метелью, за что получает от нее волшебную пряжу, благодаря которой ткацкий станок работает сам собой. Сдирая с себя серебряный пух, она прядет из него нервущуюся нитку и, бегая взад-вперед как челнок, прядет серебряную пряжу. Мотки и копны пряжи, которые в лесу во время метели горностайка сматывает из своего серебряного волоса, оказываются потом сугробами снега. С мотивами ткачества в различных традициях связаны также куница, выдра, белка и др. Так, известны свадебные песни о кунице, скачущей по ткацкому стану или играющей с соболями на ткущемся полотне. В загадках челнок загадывается как летающий барсук, за которым тянется кишка, или как скачущая в воде выдра, за которой свертывается озеро.

У этой группы животных отчетливо выявляется любовно-брачная и эротическая символика. Одни

из них выступают как женские, другие — как мужские персонажи. У южных славян распространены наименования ласки, связанные с названиями невесты или молодухи. Чтобы умилостивить ласку, к ней обращаются как к девушке с обещанием выдать ее замуж. У западных украинцев невесту в свадебных песнях тоже иногда называют «ласицей».

У южных славян ласка используется в любовной магии: чтобы муж любил жену, она рассекает пополам пойманную ласку и заставляет мужа пройти между частями ее тушки. Любовно-эротическая символика горностая и куницы отчетливо видна в различных вариантах сказочного сюжета «Ночные видения»: по спящим мужу и жене «бегаить гарнастайка, да прамежда их ласкаитца», «гарнастай бегаить, да пализываить яго и жонку»; кунка «перескакивает с мужа на жену, с жены на мужа». Показательны в этом отношении и диалектные названия женских гениталий: «куна», «куница», «соболетка», «горностай», «ласица». В фольклорных текстах с ними отождествляется и выдра. Белка, увиденная во сне, предвещает мужчине знакомство с кокеткой или женитьбу, преследование белки — разорение из-за увлечения женщиной сомнительного поведения, а видеть во сне белок, грызущих орехи на деревьях, значит «попасться в дамское общество, преисправно колорированное характеристикою камелийною».

Общим элементом, связывающим два автономных комплекса представлений — женскую брачно-эротическую символику и роль покровителя дома и скота, — является функция плетения, которая в качестве женского занятия (прядения и тканья) объединяет ласку — невесту с рядом женских прядущих

существ, в том числе с домашними духами и русалкой, а как плетение конских грив — роднит домовую ласку и с образом домового, и с женскими духами (русалками и т. п.). В последней своей функции образ полесской ласки-домовика можно рассматривать как связующее звено между западно- и южнославянскими женскими демонологическими персонажами (зморой, богинками и вилами) и восточнославянским мужским образом домового. Кроме того, в обоих комплексах представлений присутствуют любовно-брачные мотивы, которые, с одной стороны, свойственны южнославянскому образу Ласки-невесты и аналогичным образам других пушных зверей (особенно куницы) в восточнославянском фольклоре, а с другой — характеризуют также отношение ласки к скоту («любовь» к скотине одной с ней масти) в восточнославянской традиции. Эротическая символика проявляется и в некоторых ткаческих представлениях, связанных с пушными зверями.

НАСЕКОМЫЕ

Насекомые — хтонические существа, воспринимаемые как нечисть (кроме пчелы и божьей коровки) и поэтому подвергаемые ритуальному изгнанию. Для насекомых характерна символическая соотнесенность со скотом. В символике муравьев, блох, вшей, клопов, мух, пчел существенную роль играет признак множественности.

С гадами насекомых роднит дьявольская природа (дьявол сотворил мух, ос, шершней, шмелей), ядовитость (бабочки, пауки, медведки и др.), использование в обрядах вызывания дождя (вши, блохи, пауки, медведки, муравьи). По украинскому поверью, мошки, комары, мухи завелись из пепла; согласно южно-славянским легендам, блохи, мухи и комары произошли из искр от змеиного удара хвостом по углям, блохи — из горсти земли, из праха или пепла змеи, вши — из пыли, пепла, из крови змеи.

У всех славян распространены представления о насекомых как образе души: в виде мухи, бабочки, муравья, жучка душа покидает тело человека во время

сна; особенно ведьмы, в виде мухи или бабочки она вылетает из умирающего и посещает родной дом после смерти; светлячков воспринимают как души людей, с душами живых членов семьи отождествляют зимующих в доме мух.

Разнообразны ритуально-магические способы изведения насекомых у восточных славян. Часто пойманного таракана хоронили, считая, что остальные пойдут за ним следом. Сажали его в лапоть или клали в «гробик» из репы или ореховой скорлупы и везли на ниточке на кладбище, там закапывали и ставили крестик. Иногда привязывали таракана ниткой за лапку и тащили на кладбище, когда туда везли покойника. По пути голосили: «Забери, голубчик, всех своих братиков, сестричек да мою хату мне очисть». Таракана бросали в могилу, когда в нее опускали покойника. Клопов спроваживали на «тот свет», подкладывая в гроб покойнику и приговаривая: «Куды гроб, туды клоп». Разыгрывали похороны блохи с мухой, посаженных в огурец: наряжались попом, кадили смолой, голосили, стучали в косы, изображая колокольный звон, всей деревней провожая «мертвецов» на кладбище. Закапывая блоху, причитали: «Попрыгунья-блошка, подогни ножки, перестань скакать, пора ложиться помирать».

В некоторых местах таракана всей семьей волокли из дома на нитке через плечо и погоняли хворостиной: «Нейдет, пойдет... Ухнем!» Тянули за ниточку через дорогу под пение свадебной песни о том, как везут невесту с богатым приданым в новый дом. В день св. Тимофея Прусского (10 июня) выволакивали на двор в лапте пару прусаков и секли лапоть с угрозой: «Убирайтесь, прусаки, не то побьют вас мужики!» Выносили на коромысле двух тараканов

к реке, приговаривая: «Пошли, поехали, живые покойники», а затем бросали в воду. Иногда тараканов бросали вслед выгоняемому стаду, веря, что все тараканы уйдут за стадом в поле.

От насекомых избавлялись также путем передачи или подбрасывания кому-либо. Незаметно приносили тараканов соседям, в сенях читали заговор: «Сорок тараканов, сорок первый таракан — вся стая их, идите к соседу такому-то, а в нашей избе чтобы не слышно, не видно — духу не было. Аминь, аминь, аминь». Клопов бросали священнику в спину со словами: «Куда поп, туда и клоп», тайком клали ему в шапку или под седло лошади, говоря: «Попы, попы, возьмите наши клопы».

В заговенье Рождественского поста одна женщина обегала вокруг дома верхом на кочерге и стучала в дверь, а другая выходила к ней верхом на помеле. Первая спрашивала: «Чем заговелись?» — «Хлебом-солью». — «А клопы чем заговелись?» — «Клоп клопа съел». На Новый год открывали настежь дверь и выгоняли из хаты тараканов старым веником: просили их идти поколядовать к соседям. Сверчков отсылали «к Месяцу на свадьбу», разъезжая по хате верхом на клюке с распущенными волосами. Мух изгоняли по окончании жатвы, высылая на небеса за снегом: «Черные мухи из хаты, белые в хату».

От тараканов избавлялись лишь «бескровным» способом. Бить и давить их, особенно черных, считалось грехом, поскольку черные тараканы в доме предвещают богатство и счастье. Их даже приносили с собой при переезде в новый дом и прикармливали по большим праздникам, так как верили, что благодаря черным тараканам лучше будет «вестись» скот. Когда тараканы покидали дом сами, считали

это предвестьем пожара или смерти кого-нибудь из домашних. Роль домашнего покровителя приписывалась и другим насекомым. В Полесье верят, что паук приносит в дом богатство и благополучие, называют его «хозяином». У поляков запрещалось убивать пауков в хлеву, иначе скот будет сохнуть. По поверьям чехов, поляков, украинцев, присутствие в доме стрекочущего сверчка сулит счастье и деньги. Хорошей приметой считали также появление в доме муравьев.

Бабочка

Воплощение души. В разных районах России при виде бабочки или мотылька говорят: «Вот чья-то душка летает». Иногда их и называют душами или душечками. По поверью поляков, душа умирающего покидает тело в виде бабочки. Родопские болгары верят, что душа умершего в виде бабочки или мухи посещает родной дом на сороковой день после смерти. Представление о бабочке как о душе умершего порождает поверье о ней как предвестнице смерти, а иногда и образе смерти. У белорусов рассказывают, как однажды старая женщина сидела вечером у раскрытого окна и ей на рукав села влетевшая в окно ночная бабочка «Смерцічка ты мая», — ласково сказала женщина. В ту же ночь она скончалась.

Эшер. Бабочки

По поверью болгар, сербов и хорватов, душа ведьмы во время сна покидает ее тело в облике бабочки. Такая бабочка может по ночам душить спящих людей и сосать их кровь, как вампир.

В ряде случаев поверье о душе ведьмы в виде бабочки трансформируется в поверье о самой ведьме, принимающей облик бабочки, или в поверье о бабочке как слуге или помощнице ведьмы, выполняющей ее волю. У южных славян ночную бабочку

часто называют «ведьмой». Сербы иногда специально мучат и увечат ночную бабочку, в которой видят обращенную ведьму, с тем чтобы на утро опознать в ком-нибудь ведьму по ожогам и ранам на теле. Ночной бабочке, залетевшей в дом, подпаливают крылья и отпускают со словами: «Приди завтра, дам тебе соли». И если на следующий день кто-нибудь придет попросить соли, то его отождествляют с той злой душой, которая в виде бабочка прилетала в дом. Болгары верят, что ведьма напускает на скотину больших пестрых бабочек, которые садятся на коров или на овец, ползают по ним и отбирают у них молоко. На Юрьев день большая бабочка ведьмы-магесницы, летая по полям, способна отобрать и урожай жита (то же может сделать и сама ведьма), поэтому рано утром в этот день на ниве выжинают крест. Согласно поверью, большую черную бабочку, посылаемую ведьмой красть молоко у овец, ведьма выводит магическим способом из большого яйца. Ср. образы зооморфных домовых духов, приносящих своему хозяину-колдуну богатство, которых производят на свет из петушиного или другого необычного яйца.

У западных славян ночную бабочку соотносят с другим демоном — «морой» или «зморой», мучающей людей по ночам. По поверью поляков, облик ночной бабочки принимает «змора» — соседка в виде бабочки или комара в полночь проникает в дом сквозь оконные щели и, садясь на спящих, налегает на грудь, давит, душит их. Способность душить спящих часто приписывается и некоторым другим животным и демонам, особенно лягушке и домовому.

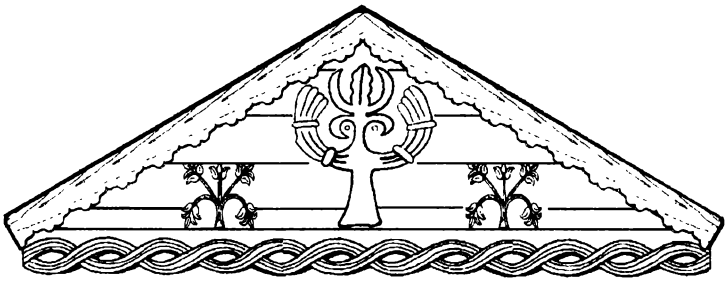
Некоторые приметы связаны с первыми весенними бабочками. В Полесье считают, что если весной

появится много красных или желтых бабочек, то будет сухое лето и много меда, а если белых — мокрое лето и обилие молока. В Моравии символика цвета бабочек иная: если увидишь весной первую бабочку белую, то умрешь в предстоящем году, а если красную — будешь жить (по другим поверьям, будут болеть глаза). В Болгарии верят, что у человека будет белое или красное лицо в зависимости от того, какого цвета будет первая увиденная им весной бабочка — белой или красной. Белорусы Витебской губернии гадали по полету первых весенних бабочек: чем выше они летают, тем выше вырастет лен.

Муравьи

Муравьи почитались у славян символом домовитости. Заберутся ночью под оставленный на земле деревянный кружок — значит, место счастливое, можно на нем строить дом.

РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР



ДЕРЕВЬЯ

В древнерусских памятниках XI—XVII вв. сообщается о поклонении язычников «рощениям» и «древесам», о молениях под ними («рощением... жряху»). О существовании у славян в древности священных рощ упоминает в «Чешской хронике» Козьма Пражский (XII в.); о священных рощах полабских славян сообщает немецкий священник и миссионер из Гольштейна Гельмольд (XII в.), написавший «Славянскую хронику». Судя по подробным описаниям подобных мест, выбранных для свершения культовых обрядов и сохранившихся кое-где на Русском Севере («кусты»), в белорусском Полесье («прощи») и у болгар, в начале XX в. это были, как правило, обнесенные оградой участки леса. В этих местах почитание деревьев соединилось с элементами христианского культа.

Знак «лес»

Внутри рощи находилась какая-нибудь святыня — дерево, часовня, крест и др. Рощи считались заповедными: там не рубили деревьев, не собирали хворост. В дни престольных праздников там совершались крестные ходы.

К категории почитаемых и священных относились и отдельные деревья, особенно старые, одиноко растущие в поле или вблизи целебных источников, а также такие, с которыми связано явление чудотворных икон. К этим деревьям приходили люди, чтобы избавиться от болезней, сглаза, бесплодия и др. Они приносили дары и жертвы (вывешивали на деревьях полотенца, одежду, лоскуты), молились, прикасались к деревьям. Через дупла и расщелины таких деревьев пролезали больные, как бы оставляя за пределами этого отверстия свои болезни.

Для мифопоэтического сознания славян характерно последовательное сближение дерева и храма как священных мест, где совершались обряды. Об этом свидетельствуют многочисленные предания, легенды и апокрифические рассказы о постройке церквей вблизи почитаемых деревьев, а также о деревьях, посаженных на месте прежней церкви: в Житии Адриана Пошехонского рассказывается, например, о чудесных целительных свойствах рябины, посаженной на могиле святого, на месте, где раньше стояла церковь.

В одном сербском предании повествуется о священной сосне: когда эту сосну сломала буря, ее как местную святыню поместили за иконостас в церкви.

Поляки вешали на старые почитаемые деревья кресты, образки и др.

Вблизи священных деревьев совершались различные обряды. У южных славян практиковался

обычай венчать молодых вокруг дерева (или предварять этим действием церковный обряд венчания). У сербов, болгар и македонцев многие обряды и торжества проходили у «записа» — священного дерева (обычно — дуба или плодового дерева), на коре которого был вырезан крест. В праздник, во время обхода полей с крестным ходом, священник с прихожанами совершал здесь молебен от града и засухи; здесь же устраивали праздничные трапезы, закалывали жертвенных животных, жгли костры на масленицу; вблизи «записа» освящали воду, крестили детей, давали клятвы, устраивали суды и т. п. Каждый год «запис» освящали и причащали, обновляя на нем крест и закладывая под кору ладан.

При отсутствии священника старому дереву лесного орешника можно было даже «исповедаться»: став на колени и обхватив его руками, человек каялся в грехах, просил у дерева прощения.

Дубы, вязы и другие крупные деревья относились к заповедным. Запрещалось рубить их и вообще наносить дереву какой-либо ущерб: нарушение этих запретов приводило к смерти человека, мору скота, неурожаю. Такие деревья, согласно поверьям, оберегали людей от бед, а также считались покровителями окрестностей: сел, домов, колодцев, озер, охраняли от града, пожаров, стихийных бедствий.

В славянской мифологии и фольклоре известен образ дерева, являющий собой центр мироздания: «На море, на Океане, на острове Кургане стоит дуб, под тем дубом кровать, на кровати лежит девица, змеина сестрица, я к ней прихожу, жалобу приношу на казюлей, на ужей». Такое дерево соотнесено со всеми тремя мирами (подземным, земным и верхним — небесным) и соединяет их (ср. Мировое

Древо). В корнях дерева обитают змеи и нечистые духи (Бузина), а вершина связывается с Богом, небом, солнцем и птицами (верба). Известен, в частности, сказочный сюжет о дереве, по которому человек попадает на небо. В восточнославянском фольклоре он представлен сказками — небылицами о дураке, забирающемся на небо по дубу и удивляющемся чудесам, которые он там увидел (коровы дешевы, а комары дороги и т. п.). Согласно поверьям, дерево — это тот путь, по которому осенью змеи уходят в вырей. Дерево, связующее земной и подземный миры, фигурирует и в западнославянских мифологических рассказах о подмененных демонами детях: чтобы вернуть себе сына, женщина относит подменыша под какое-нибудь дерево, а позже забирает оттуда своего ребенка. На дерево забрасывали (или относили к нему) вещи, от которых нужно было избавиться — отправить на «тот свет» (предметы, бывшие в соприкосновении с покойником, старые свадебные атрибуты и т. п.): (ср. обычаи сжигать, закапывать, пускать по воде эти предметы).

Дерево воспринималось как метафора дороги, как путь, по которому можно достичь загробного мира. Это общий мотив славянских поверий и обрядов, связанных со смертью: «уйти в кокорье», «глядець у дуба», «дубеть», «дуба дать» и др. в значении «умереть, умирать». Существовали поминальные игры, имитирующие лазание по стволу, поверья о русалках (умерших девушках или детях), спускающихся с деревьев на землю на Троицкой неделе и по окончании ее тем же способом возвращающихся на «тот свет» (береза).

Характерны представления о посмертном переходе души человека в дерево. Так, белорусы полагали, что в каждом скрипучем дереве томится душа умершего, которая просит прохожих помолиться за нее; если после такой молитвы человек заснет под деревом, ему приснится душа, которая расскажет, как давно и за какие грехи она заточена в это дерево. Сербы считали, что душа человека находит успокоение в дереве, растущем на его могиле; человек, сорвавший с кладбищенского дерева ветку или плод, причиняет душе невыразимые страдания, и она преследует такого человека по ночам, мучает его бессонницей и т. п. С кругом этих поверий связаны славянские баллады о заклятых людях, превращенных в дерево: «Ты стань, сноха, там рябиною... Отростками — малы детушки», о деревьях, выросших на могилах невинно гонимых влюбленных (баллада «Василий и Софья»: «На Василье вырастало кипарисно дерево. На Софее вырастала золота верба. Они вместе вершечками свивалися и вместе листочками слипалися»), а также сказки о чудесной дудочке, которую сделали из дерева, выросшего на могиле убитого, и которая рассказала о преступлении. Эти фольклорные сюжеты относятся, как правило, к людям, умершим или погибшим молодыми, раньше отведенного им срока; их прерванная жизнь как бы стремится к продолжению в иных формах.

В основе многих поверий и обрядов лежат представления о тесной связи между человеком и деревом, о соотнесенности их судеб и жизненных этапов. В частности, существовали запреты рубить определенные породы деревьев, обусловленные верой в то, что дерево, как и человек, должно умереть само: «Топором рябину нельзя сечь — пока не засохнет

сама своею смертью». Дерево (как и растение вообще) соотносится с человеком по внешним признакам: ствол соответствует туловищу, ветки — рукам или «детям», сок — крови и т. п. Есть «мужские» и «женские» деревья (ср. «береза» — «березун», «дубица» — «дуб») и по форме (у «березы» ветки распускаются в сторону, у «березуна» — вверх). При рождении ребенка для него сажают дерево, веря, что ребенок будет расти так же, как развивается дерево. Соответственно высохшие или вывороченные с корнем деревья предвещают человеку смерть. Вместе с тем в некоторых поверьях рост дерева вызывает истощение человека и приводит к его гибели. У восточных славян не разрешалось сажать у домов крупные деревья (дуб, каштан, ель), так как считалось, что если дерево перерастет посадившего его человека, то он умрет, а если перерастет дом — то умрет хозяин или погибнет вся семья. У южных славян запрещалось сажать орешник, так как верили, что как только его ствол сравняется по толщине с шеей человека, его посадившего, или орех даст первые плоды, человек умрет.

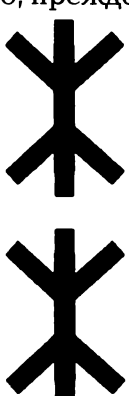
Дерево тесно связано с областью демонологии. Дерево — это место обитания различных мифологических персонажей: русалки, например, живут на березах; черт сидит в корнях бузины или в дуплистой вербе; вилы и самодивы — на больших раскидистых деревьях, ветвями которых играют. Часто демоны живут в колючих кустарниках (боярышник — это дерево вилы) и в проклятых деревьях (ср. черт в осине). В быличках, повествующих о сборищах ведьм, устраиваемых в купальскую ночь, шабаш обычно происходит на горе или на дереве. Под такими деревьями нельзя спать, ломать их ветки и т. п.,

иначе демоны накажут человека, нашлют на него болезни и несчастья. Наиболее же известен запрет стоять под деревом во время грозы, поскольку громовержец (Перун, Бог, Илья), преследуя прячущегося под деревом змея, черта и другую нечистую силу, может поразить и само дерево, и стоящего под ним человека.

Деревьям отводится заметное место в славянской календарной и семейной обрядности (ср. ряженые в зелень, троицкие обряды с березой, свадебное деревце и др.), ритуальной практике и народной медицине славян (ср. обычай «переносить» на дерево различные болезни, см. Бузина, Осина, Рябина).

Мировое Древо Жизни

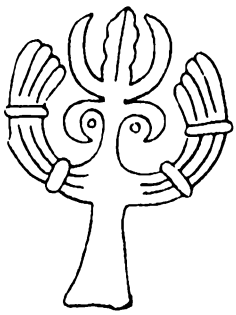
Символы природы очень многочисленны и многогранны. Нет такого символа, который бы означал саму природу. Зато ей посвящено довольно много магических знаков. Это, прежде всего, природа волшебная. Поэтому начнем с символов Мирового Древа (Древа). Мировое Древо (у скандинавов — ясень Игтдасиль) — «ось мира», оно держит на себе все миры. В кроне расположился мир Прави. У ствола — Явь, в корнях, там, где ютится Мировой Змей Юша, — Навь. Шаман, будучи в трансе, может совершить путешествие по этим мирам. Отголосок древнего мифа о Мировом Древе мы видим в сказке про волшебный боб, там старик выращивает волшебную бобовую лозу до самого неба и забирается по ней на облака.



Знак «Мировое Древо»

Образ дерева — одно из величайших изобретений человечества. Возник он давно и определил структуру всех мифологических систем. Благодаря Мировому Древу человек увидел мир как единое целое и себя в этом мире как его частицу... Дерево вошло в нашу генетическую память, в сферу бессознательного. Как доказывают психологи, на определенном этапе развития детской психики оно дает знать о себе как вошедший в плоть и кровь первичный образ: если ребенок много рисует, то в его рисунках преобладает дерево. Некоторые психологи полагают, что это и есть Мировое Древо, Дерево Жизни — место встречи человека со Вселенной, их общий символ — символ всякого целого, составленного из частей, основа любого языка с его ветвящимися фразами, идея, пронизывающая поэзию, живопись, архитектуру, любые игры, хореографию, социальные, экономические и даже психические структуры.

На него, как на ось, стали нанизываться все элементы мира: от конкретных богов и животных до отвлеченных понятий вроде временных категорий. Вертикальная структура Мирового Древа складывалась из трех частей, или уровней: нижнего (корни), среднего (ствол) и верхнего (ветви). Так сформировались в воображении древних основные космические зоны, а с ними и сдвоенные противоположности: земля — небо, земля — преисподняя, огонь (сухое) — влага (мокрое), прошлое — настоящее, настоящее — будущее, день — ночь. Эти пары



Мировое Древо

перемешались в структуре древа с троичными единствами: прошлое — настоящее — будущее; предки — современники — потомки; три части тела: голова — туловище — ноги; три стихии: огонь — вода — земля. Пары и тройки охватывали самые разнообразные формы жизни. Люди постигали взаимосвязь противоположностей, суть всякого развития.

Мировое Древо — основа для упорядочения мышления, памяти, восприятия. Образы внешнего и внутреннего мира нанизываются на этот ствол, и теперь их можно выразить в знаковых системах — в словах, числах, формулах, изображениях. Дерево с его тремя уровнями схематизируется в сознании, и вот уже возникают абстракции и символы. Рядом с лошадьми и пчелами появляется солнечное колесо, вписанный в круг восьмиконечный крест. Этот символ мы встречаем и в православных церквях, и в тибетских храмах.

К каждой из трех частей Дерева относились определенные существа. Вверху, на ветвях, изображали птиц, посередине, у ствола — копытных (оленей, лосей, коров, лошадей), иногда человека и пчел, а у корней — змей, лягушек, рыб и бобров. Бог восседал на самой верхушке древа. Иногда он вступал в битву со змеем или драконом и освобождал похищенный ими скот. Дерево, символизировавшее зачатие и плодородие, изображали на женских одеждах.

Вертикальная структура Дерева больше связана с космологией, а горизонтальная — с магическими ритуалами. Чаще всего Дерево изображалось с восемью ветвями, по четыре с каждой стороны. Имело оно и четыре главных цвета: красный, черный, белый, синий.

Хорошо известно, что для древних славян деревья были не просто строительным материалом. Наши языческие пращуры видели в них таких же, как и они сами, детей земли и неба, притом обладающих ничуть не меньшим правом на жизнь. Из дерева, согласно некоторым легендам, были сотворены самые первые люди — значит, деревья древнее и мудрее людей. Срубить дерево — все равно что убить человека. Но ведь и избу надо строить!

Русские крестьяне предпочитали рубить избы из сосны, ели, лиственницы. Эти деревья с длинными ровными стволами хорошо ложились в сруб, плотно примыкая друг к другу, хорошо удерживали внутреннее тепло, долго не гнили. Однако выбор деревьев в лесу регламентировался множеством правил, нарушение которых могло привести к превращению построенного дома из дома для людей в дом против людей, приносящий несчастья.

Конечно, даже и речи не могло быть о том, чтобы поднять руку на дерево, пользовавшееся почитанием, «священное». Существовали целые священные рощи, в которых все деревья считались божественными, и грех было срывать с них даже ветку.

Священными могли считаться и отдельные деревья, привлекавшие внимание необычайными размерами, возрастом или особенностями развития. Как правило, с такими деревьями были связаны местные легенды. До нас дошли сказания о праведных стариках, на закате дней превращенных богами в деревья.

Никогда не решился бы древний человек срубить дерево, выросшее на могиле. Еще в конце XIX в. крестьяне показывали ученым-этнографам большую сосну, выросшую якобы из косы загубленной девушки; а что, если в дереве поселилась человеческая

душа? Верным признаком этого в Белоруссии считали издаваемый деревом скрип: в скрипучих деревьях, согласно поверьям, плакали души замученных людей. Тот, кто лишит их пристанища, наверняка будет наказан: поплатится здоровьем, а то и жизнью.

В некоторых местах России очень долго держался строгий запрет на рубку вообще всех старых деревьев. По мнению крестьян, грешно было отнимать у лесных патриархов право на естественную, «стихийную» смерть от ветровала или просто от старости. Покусившийся на подобное дерево неминуемо должен был сойти с ума, покалечиться или умереть. Грехом почиталась и рубка «молодика» — молодого, недозрелого леса. В этом случае мифологическое воззрение основывалось на вполне естественном стремлении сберечь молодые деревья, не достигшие наилучших кондиций. По отношению же к «лесным старцам» действовал закон мифологического мышления: старший — значит главный, почитаемый, священный.

Деревья с аномалиями развития — большим дуплом, вросшим в ствол камнем или другим каким-либо предметом, с необычной формой ствола, с удивительным переплетением корней — также рубке не подлежали: «не такие, как все» — мало ли какая сила могла в них затаиться!

В разных областях существовали и запреты на рубку некоторых пород. В первую очередь, конечно, это относилось к «проклятым» деревьям, таким как осина и ель. Эти породы энергетически неблагоприятны для человека, «выкачивают» из него жизненную энергию, и это свойство сохраняют даже предметы, сделанные из их древесины. Так что нежелание наших предков жить в еловом или осиновом доме было

опять-таки не лишено оснований. С другой стороны, человек, срубивший вполне «доброжелательную» липу, должен был непременно заблудиться в лесу. По всей видимости, боги сурово вступались за дерево, веками обувавшее, а то и одевавшее народ...

Не годились для строительства мертвые, сухие деревья. Оно и понятно: такие деревья не имеют в себе жизненных сил, на них печать смерти — чего доброго, занесут ее в дом. И даже если в доме никто не умрет, «сухотка» привяжется обязательно. В ряде мест по этой причине избегали рубить деревья зимой, когда они лишены соков и «временно мертвы».

С представлениями о смерти, загробном мире связан и запрет, налагавшийся на деревья, упавшие при рубке макушками в северную сторону, «на полночь»: эту сторону света наши предки ассоциировали с вечным мраком, зимой, безжизненным холодом — словом, потусторонним миром. Вставь такое дерево в сруб, и люди в доме долго не проживут!

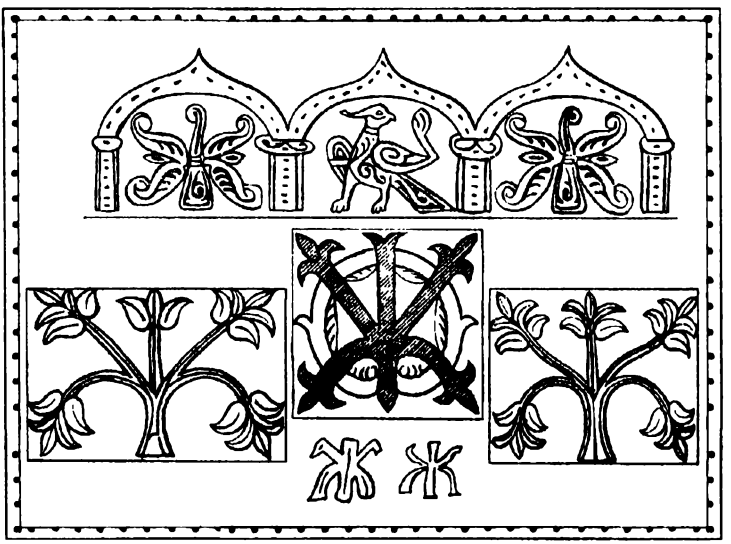
Особая и очень опасная разновидность запретных деревьев — это «буйные», «злые», «прокудливые». Такое дерево как будто стремится отомстить человеку за свою гибель: может придавить лесоруба, а вытешут из него бревно для избы — того и гляди, обрушит весь дом на голову жильцам. Даже щепка от подобного дерева, нарочно подложенная злым плотником, способна была, по мнению русских крестьян, разрушить новый дом или мельницу. Если же «буйную» лесину рубили на дрова — следовало опасаться пожара!

Белорусы называли «буйные» деревья «стояросовыми». Вот откуда наше выражение «дубина стоеросовая», означающее глупого и недоброго человека.

«Буйные» деревья, согласно поверьям, чаще всего вырастали на заброшенных лесных дорогах, в особенности — на перекрестках таких дорог. Дело в том, что славяне приписывали дороге большой мифологический смысл, притом отрицательный. Дорога, уходящая вдаль, по мнению наших предков, уводила в конечном итоге на тот свет — ибо за пределами племенной территории, как известно, начиналось царство неведомых сил, и была близка граница между мирами умерших и живых. А кроме того, дорога мыслилась язычниками как своего рода «горизонтальная проекция» Мирового Древа, соединявшего миры. Не случайно сохранились загадки о дороге, типа: «Когда свет зародился, тогда дуб повалился, и теперь лежит», а ученые-этимологи утверждают, что слова «дерево» и «дорога» в русском языке восходят к одному ко́рню. Витой ствол, закрученный против солнца, также не внушал доверия язычникам.

Существовал и запрет на использование в строительстве деревьев, посаженных человеком. В первую очередь — садовых деревьев, притом находящихся внутри ограды усадьбы. Ученые считают, что дело тут в мифологическом осмыслении таких противоположностей, как «свой» — «чужой», «природный» — «культурный», «дикий» — «домашний». Дерево, взятое в лесу и используемое для строительства человеческого жилья, непременно должно было претерпеть «смену качества»: из «чужого» сделаться «своим». С садовым деревом такого превращения заведомо произойти не могло, а кроме того, садовые яблони и вишни были для наших языческих предков едва ли не членами семьи...

Если первые три дерева, намеченные к рубке, по какой-либо причине оказались непригодными, то в этот день лучше вовсе не браться за дело — не будет добра.



Растительные символы на браслетах и белокаменной резьбе (внизу по бокам), воспроизводящие букву «Ж», называвшуюся в славянской азбуке «живите!». Внизу буквы из надписей XII в. и 1161 г.

* * *

Но вот дерево выбрано. Как же поступали с ним дальше наши прапрадеды? В отличие от большинства современных людей, древние славяне твердо знали: когда дерево рубят, оно плачет от боли. Кстати, современные научные исследования подтвердили языческое убеждение. Цветок в горшочке буквально «сходит с ума» от ужаса, когда к нему приближается

человек, только что погубивший другое растение: это показали электронные приборы, подключенные к его листьям. Значит, следует объяснить дереву, что рубят его не просто так, ради развлечения. Надо снять перед ним шапку, поклониться земным поклоном и рассказать о том, что нужно построить дом. А еще лучше — положить рядом с деревом угощение (например, кусочек хлеба с маслом), чтобы древесная душа выбежала из ствола полакомиться и не испытала лишних страданий.

Так поступали на глазах исследователей африканские дровосеки; отголоски подобных же верований сохранились и в украинском обычае оставлять на земле хлеб-соль и денежку при начале сбора лекарственных трав.

Когда же дерево срублено, следует посмотреть, не легло ли оно макушкой на север (северная сторона, «полночь», ассоциировалась у наших предков с зимой, холодом, вечным мраком) и не повисло ли на ветвях соседей: это знак — ищи другое место в лесу и начинай дело заново.

И уж конечно, вернувшись из леса, непременно следует попоститься и тщательно вымыться: лучше всего — очистить себя банным потением, чтобы души деревьев «потеряли след» и не разыскали обидчика.

Мало, однако, было свалить дерево и перетащить ствол к месту строительства. Древние правила предписывали тщательно осмотреть приготовленное бревно: нет ли в нем какого опасного изъяна, к примеру «пасынка» — сучка, идущего из глубины, при выпадении которого остается скошенное отверстие? Еще в XIX в. у славян от Польши до Алтая бытовало убеждение, что подобное бревно в срубе вызовет

скорую смерть хозяина дома. Недаром в Польше такое бревно называли «волком», а также «свечой».

Не волшебная природа тоже нашла отражение в символах. Например, лес изображался как несколько схематически нарисованных деревьев.

Дуб

Символизирует мужское начало, мощь, силу, твердость. Связан с образом громовержца Перуна, служил местом и объектом жертвоприношений.

У балтийских славян дуб или священная роща, в которой преобладали дубы, считались местом пребывания божества. По сообщению немецкого автора Герборда, в г. Штетине, в земле поморян (начало XII в.), был «огромный густолиственный дуб, под которым протекал приятный источник; простой народ почитал дерево священным и оказывал ему большое чествование, полагая, что здесь обитает какое-то божество». Немецкий хронист Гельмольд рассказывает о священной роще в земле вагров, одного из племен полабских славян: здесь среди очень старых деревьев росли «священные дубы, посвященные богу этой земли Прове... Здесь был и жрец, и свои празднества, и разные обряды жертвоприношений. Сюда каждый второй день недели имел обыкновение собираться весь народ с князем и жрецом на суд».

Почитание дубов у восточных славян до XVIII—XIX вв. сохраняло кое-где религиозный характер:

возле них служили молебны, совершали бракосочетание, обращались к ним в заговорах, приписывая им целительную силу. Духовный регламент (1721 г.) констатировал, что некие «попы с народом молебствуют перед дубом, и ветви оного дуба поп народу раздает на благословение». В конце XIX в. белорусы Минской губернии рассказывали легенду о том, что давным-давно «рос на одной полянке стародавний дуб очень больших размеров. Если кто, бывало, ударит его топором, то непременно с тем случалось несчастье. А когда по приказанию владельца срубили этот дуб, то, падая, он раздавил всех рубивших его, и, кроме того, целую неделю свирепствовала страшная буря, с громом и молнией, причинившая много бед». В Сербии каждая сельская община имела по нескольку священных деревьев (обычно — дубов), так называемых «записов» (см. Мировое Древо). В Болгарии недалеко от Софии было три чтимых дуба, которые охраняли окрестные поля от града бурь и других бедствий. Ежегодно на Троицу их обмазывали священным маслом или даже сверлили ствол и вливали туда масло.

Кое-где у старообрядцев-беспоповцев еще в середине XIX в. брачный союз заключался таким образом: парень, сговорясь с девицей, отправлялся вместе с ней к заветному дубу и объезжал его три раза кругом. В Воронежской губернии пользовался уважением древний дуб; выйдя из церкви после венчания, молодые направлялись к нему и трижды объезжали вокруг.

Наиболее раннее свидетельство о языческом жертвоприношении у дуба относится к X в. Константин Багрянородный в трактате «Об управлении государством» сообщает о том, что на острове св. Григория

(Хортица) росы (русь) «совершают свои жертвоприношения, так как там растет огромный дуб. Они приносят в жертву живых петухов, кругом втыкают стрелы, а иные приносят куски хлеба, мясо и что имеет каждый, как требует их обычай». На культовую роль дуба указывают и археологические находки: в 1975 г. со дна Днепра подняли древний дуб, в ствол которого было вставлено 9 кабаньих челюстей; в 1910 г. подобный дуб извлекли со дна Десны (по-видимому, эти деревья использовали при совершении жертвоприношений).

Священный дуб на о. Хортица

У ряда европейских народов дуб посвящался богу-громовержцу. На связь дуба с культом Перуна у славян указывает, и частности, местность «Перунов Дуб», упоминаемая в древнерусской грамоте 1302 г.

Отражение архаической связи громовержца с дубом можно видеть в русских и, главным образом, белорусских заговорах и сказках, в которых Гром, царь Гром, Перун, Илья-пророк, архангел Михаил или Бог поражают Дуб или змею на Дубе своим орудием — «Перуном», огненной или каменной стрелой, камнем, каменным или железным молотом.

В средневековых апокрифах («Беседа трех святителей», «От скольких частей создан был Адам»)

дуб или железный дуб изображается как Мировое Древо: он был посажен в начале сотворения мира, стоит «на силе Божией» и держит на своих ветвях остальной мир. В колядке карпатских русинов сотворение мира описано следующим образом: вначале не было ни неба, ни земли, а только одно синее море, а посреди него два дубочка, на их ветвях сидели два голубя; они достали песок и камень со дна моря и создали из них остальной мир. Как дерево вселенских масштабов изображается дуб в загадках, например: «Стоит дуб-вертодуб, на том дубе-стародубе сидит птица-веретеница; никто ее не поймает: ни царь, ни царица, ни красная девица» (мир, небеса и солнце). В украинских закличках дождя с дуба или вербы падает горшок с борщом, поставленный для птиц, после чего и начинается дождь.

В заговорах и песнях дуб отождествляется с мужчиной, а береза — с женщиной. На Украине мать ребенка, страдающего бессонницей, обращалась к дубу с заговором: «Дубе, Дубе! Ты черный: у тебе, Дубе, белая Береза, у тебе Дубочки сыночки, а у Березочки дочки. Тебе, Дуб и Береза, шуметь та густи, а рожденному (имярек) спать та рости!»

Если же ночной плач («криксы») донимал девочку, то заговор начинался так: «Береза, Береза! Ты бела: у тебе, Береза, черный Дуб» и т. д.

В Житомирской области в заговоре от детской бессонницы обращались к дубу, каждая ветка которого имеет собственное имя: ветка с желудями — мужское, а без желудей — женское. Если бессонницей страдала девочка, то в заговоре упоминается имя ветки-мальчика, и наоборот. Знахарка или мать ребенка предлагали дубу «покумиться» и не трогать детей друг у друга.

В народной медицине к дубу прибегали при зубной боли, грыже, грудной жабе и других заболеваниях. В конце XVIII в. в Пронском уезде пользовался большим уважением толстый старый дуб со сквозным отверстием, через которое протаскивали по три раза детей, больных грыжей, после чего дерево перевязывали поясом или кушаком. В Воронежской и Саратовской губерниях больных детей носили в лес, раскалывали там надвое молодой дубок, трижды протаскивали через него ребенка, а затем связывали дерево ниткой.

Рябина

Дерево, используемое в магии и народной медицине, главным образом в качестве оберега.

В Новгородской губернии, вернувшись с кладбища, вешали над дверью рябиновые прутья, чтобы покойник не возвратился домой. В Воронежской губернии сваха сыпала жениху за голенище рябиновые коренья, чтобы на него не навели порчу на свадьбе. В 1630 г. некий сын боярский, обвинявшийся в колдовстве, рассказал на следствии, что, идя на свадьбу к своему брату, он сломил по дороге ветку гнилой рябины и сказал: «Как хто пойдет на свадьбу или куды-нибудь и сломит... ветку ребины, и того де человека притка (болезнь) никакая не возьмет».

При различных болезнях человек трижды пролезал сквозь рябину, расколотую надвое и связанную по краям, или сквозь рябиновый куст. В Житии Адриана Пошехонского рассказывается, что после мученической смерти святого (1550 г.) его тело

закопали на пустоши, где росла рябина; на это место один раз в году, в Ильинскую пятницу, съезжались из разных городов люди и устраивали ярмарку; сюда же приходили больные — взрослые и дети, которые пролезали сквозь ветки рябины, ища исцеления. На Русском Севере пастух отправлялся в лес и вырывал с корнями три деревца — рябину, ель и сосну, расщеплял их до вершины, клал в воротах и по ним первый раз выгонял скот на пастбище весной.

В сборнике заговоров второй четверти XVII в. из Олонецкого края сохранилось несколько текстов, обращенных к рябине. «Заговор от портежа, насылки, переполоха» произносили весной возле рябины, стоящей на муравейнике; можно было также сделать посох из рябины, погрызть его и оставить щепочку во рту за щекой, чтобы не бояться никаких «кудес» (колдовства) во время пути. Заговор от лихорадки произносили у корня рябины, а потом, вырыв его из земли, клали на постель возле больного человека. В начале заговора «от грыжи младенцу» описаны «две рябины, две кудрявые», растут они на белом камне посреди моря-океана, и между ними висит золотая колыбель с младенцем.

В России и Белоруссии существовал запрет рубить, ломать кусты рябины, использовать рябину на дрова, обрывать цветы и даже ягоды рябины. Белорусы Гродненской губернии считали рябину мстительным деревом: кто ее поломает или срубит, тот вскоре умрет сам или же умрет кто-нибудь из его дома. Рябину нельзя было рубить и потому, что знахари «переносили» болезнь с человека на рябину: кто срубит такое дерево, сам заболеет и умрет.

По русским и белорусским поверьям, у того, кто причинит рябине вред, будут болеть зубы. При зубной

боли тайно на утренней заре вставали перед рябиной на колени, обнимали и целовали ее и произносили заговор: «Рябина, рябина, возьми мою болезнь, отныне и до веку тебя не буду есть», а потом возвращались домой, не оглядываясь и стараясь ни с кем не встречаться.

Согласно сборнику заговоров XVII в., следовало вынуть сердцевину из рябины, растущей на муравейнике, и сказать: «Болят ли у тебя, рябина, коренья или телеса? Так бы у раба Божия (имярек) зубы не болели вовеки».

В народных песнях, преимущественно лирических, рябина символически сопоставляется с тоскующей женщиной, а горечь ее ягод ассоциируется с безрадостной жизнью.

Символические функции рябины у русских и белорусов во многом объясняются красным цветом ее ягод. Украинцы и западные славяне приписывали аналогичные функции бузине.

Лещина, лесной орешек

Кустарник, плоды, ветки и древесина которого широко используются в продуцирующих целях. Венки из лещины клали на сосуд, в который первый раз доили овец в Юрьев день (у южных славян); из ее веток плели корзину, в которую снимали вылетевший из улья рой пчел, чтобы было больше меда; подкладывали

ветки лещины под насест, чтобы курица вывела больше цыплят; втыкали кусочки лещины в одежду новобрачных и плели из ее веток венки для них же, изготовляли из древесины лещины первое веретено для начинающей прясть девочки, чтобы работа у нее спорилась.

Лещина широко известна в магии и в качестве оберега. Южные славяне употребляли ее для облегчения родов, для лечения лихорадки, бородавок и многих других болезней. У болгар, поляков, хорватов и словенцев в магии было весьма популярно разжигание огня из веток лещины: это предшествовало магическому ритуалу «гашения горячих углей в воде», проводимому в лечебных целях, а также служило способом распознавания ведьмы, отбирающей у коров молоко: при разжигании такого огня ведьма начинала испытывать мучения.

Словенцы во время рождественских гаданий, вызывая на перекрестке нечистую силу, очерчивали себя магическим кругом с помощью ветки лещины.

Ветки лещины нашли разнообразное применение в календарных обрядах: словенцы и хорваты использовали их для ритуального стегания людей и скота; поляки, чехи и словаки освящали ветки лещины в Вербное воскресенье, украшали ими жилье на Троицу.

У южных славян лещина часто выступала в роли дерева. В Боснии известны рассказы о том, что лещине можно было исповедаться, а ее плоды или почки употреблялись вместо просфоры на Рождество и Пасху. Жители Боснии в том случае, если в доме случалась беда, обходили трижды вокруг лещины и просили Бога помочь им. Лещина обнаруживает приметы дерева познания: сербы считали, что если

положить в рот мясо змеи, жившей под лещиной, то начнешь понимать язык животных, а если съесть сердце такой змеи, поймешь язык трав.

Во всех славянских традициях лещина относится к тем благословенным деревьям, в которые, как полагали, не бьет гром. Ветки лещины, кол, крестики и большие кресты, сделанные из нее, втыкали в поля и виноградники, ставили в углах домов, хлевов и амбаров, жгли лещину при грозе; человек мог чувствовать себя в безопасности, спрятавшись во время грозы под лещиной, заткнув за пояс ветки лещины или прикрепив их к шапке, поскольку, как считалось, в этом случае дьявол не сможет спрятаться под шляпу от преследующего его грома. Ореховую палку, с помощью которой человеку случалось отогнать змею от жабы, сербы держали в доме, поскольку она отводила любое зло, в том числе разгоняла градовые тучи.

Связь между лещиной и громом можно усмотреть и в представлении о том, что наряду с папоротником, цветущим в купальскую ночь, чудотворными свойствами обладает и ветка лещины, цветущая также один раз в году: на Благовещение, в Страстной четверг или на Ивана Купалу. Если оторвать такую ветку и идти туда, куда она ведет, можно найти клад, раскрыть водный источник.

Вместе с тем известны поверья о том, что гроза (гром) в одну из летних ночей портит орехи. Они чернеют, червивеют, а чаще сгорают изнутри. Это случается обычно в ночь накануне Ильи, на Купалу, в ночь накануне дня св. Петра и Павла, а у восточных славян — обычно в так называемую рябиновую ночь (летнюю ночь с сильной грозой), часто приходящуюся либо на Купалу, либо на канун Успения Богородицы.

По поверьям, лещина прогоняет змей и иных хтонических существ, противостоящих «высшим силам». Прутьями из лещины изгоняли змей 1 марта и на Благовещение и изготовляли из древесины лещины посох для овчара или пастуха. Жители Сербии считали, что прутом лещины легче всего убить змею, поэтому дети, расхаживая босиком по траве, носили с собой палку из лещины, полагая, что она защитит их от укуса. У чехов прутом из лещины хозяева били по стенам дома и хозяйственных построек, изгоняя оттуда мышей.

Лещина имеет отношение к области смерти и «тому свету»: плоды лещины были своего рода «хтонической едой»: на святки, т. е. в период, когда среди живых незримо присутствовали души предков, хозяева обязательно рассыпали орехи по полу и кидали в углы (где обитали души), тем самым прикармливая их.

Причастность лещины к области потустороннего, к смерти прослеживается в специфическом ритуале, известном болгарам и сербам. При рождении в хозяйстве ягненка (жеребенка и т. д.) все домашние стремились как можно быстрее поднять его с земли, и первый, взявший его на руки, произносил: «Пусти ореховое, возьми кизиловое». Тем самым только что родившееся животное физически отрывали от хтонической сферы и желали как можно быстрее оставить ее («пусти ореховое») и начать расти и крепнуть («возьми кизиловое»); ср. представления о кизиле как дереве здоровья и крепости.

В фольклорной символике лещина присутствует и эротическая тема. У русских запрещалось ломать лещину потому, что от этого якобы «парней девки не будут любить, а бабы мужиков». В украинских

песнях часто фигурирует «ореховая корчма» с красавицей-хозяйкой: такая корчма воспринимается как место веселья, гуляний и внебрачной любви. Плоды и ветки лещины нашли широкое применение в любовной магии. К примеру, у южных славян, если девушка хотела покорить парня, она должна была сорвать молодую ветку лещины и трижды ударить ею парня по спине, после чего он уже не мог бы смотреть ни на кого другого.

Клен

У славян дерево, в которое превращен («заклят») человек. По этой причине кленовое дерево не используют на дрова («явор от человека пошел»), не подкладывают листья клена под хлеб в печи (в листе клена видят ладонь с пятью пальцами), не делают из него гроб — «грешно гноить в земле живого человека») и т. д.

Превращение человека в явор — один из популярных мотивов славянских баллад: мать «закляла» в явор непослушного сына или дочь; музыканты, идущие через рощу, где растет это дерево, срубают явор и делают из него скрипку, которая голосом сына (дочери) рассказывает о вине матери. В балладах о матери (или жене)-отравительнице явор вырастает на могиле убитого сына (мужа) или его сажают на этой могиле. Есть также типичное для восточно-славянских причитаний обращение к умершему сыну: «Ай мой сыночек, мой же ты яворочек».

В южно-славянской традиции, где подобные баллады неизвестны, клен тем не менее также мыслится причастным к человеческой судьбе. Согласно сербским поверьям, если сухой клен обнимет несправедливо осужденный человек, клен зазеленеет; если же к зеленеющему весной клену прикоснется несчастливый или обиженный человек, дерево высохнет.

Клен широко используется в календарной обрядности славян — на Троицу, в день Святого Духа и в другие праздники ветками клена украшали дома, хозяйственные постройки, ворота и др.

Верба

Верба — кустарник или дерево, в народной культуре символизирующее быстрый рост, здоровье, жизненную силу, плодородие. Молодая, особенно освященная в Вербное воскресенье, верба защищает от стихийных бедствий, нечистой силы, болезней и т. п., в то время как старая верба считается прибежищем чертей, водяных и других «нечистиков» и местом, куда можно отсылать болезни.

Как символ роста верба выступает в заклинаниях, благопожеланиях и других ритуалах. Сербы заплетали венки из вербы в Юрьев день, «чтобы прибыль в доме росла, как верба весной». Ср. восточнославянские магические формулы типа «Расти, как верба», произносимые в Вербное воскресенье при битье вербой.

В день Сорока мучеников у сербов в Алексинацком

Поморавье пастух стегал скот ветками вербы и кизила, говоря: «Будь здоров, как кизил, и расти, как верба!», а девушки и парни ходили вместе к зарослям вербы, хлестали друг друга вербными ветками и произносили такое же заклинание.

Хлестание вербовой веткой, освященной в Вербное воскресенье, производилось у восточных славян в Юрьев день. Затем эту ветку втыкали в поле, бросали в пруд, затыкали за иконы и т. п. В Боснии в Юрьев день сербские девушки опоясывались вербой, чтобы на будущий год быть с «пузом», т. е. выйти замуж и забеременеть. Опоясывали вербным прутиком подойник, «чтобы прибывало молоко».

В пасхальный понедельник в Чехии, Моравии, Силезии и Польше парни били девушек сплетенными вербовыми прутиками «помлазками», а во вторник девушки били парней. В Моравском Загорье в Духов день проходили конные состязания за обладание венком из вербы; победитель назывался «королем».

На Волыни и в Подолье девушки украшали цветами деревце или ветку вербы на Ивана Купалу и водили вокруг них хоровод, а затем парни врывались в девичий круг, захватывали вербу и разрывали ее на части.

В Словении и Хорватии в день Невинных младенцев (28 декабря), называемый иногда «днем битья», мальчики ходили с вербовыми прутьями, били взрослых и требовали от них выкуп.

Сербские додолы нередко рядились почти исключительно в ветки вербы и ходили с вербой или с вербовыми палками в руках.

Ветки вербы, освященные в Вербное воскресенье, использовались для защиты от грома, грозы и

бури. Русские верили, что верба, брошенная против ветра, прогоняет бурю, брошенная в огонь — усмиряет его, а посаженная в поле — оберегает посевы (Тамбовщина), что выброшенные во двор ветки останавливают град. Белорусы ставили при граде пучок освященной вербы на подоконник (Витебщина); в Карпатах при грозе ломали освященную вербу и жгли в печке, «чтобы дым отвел грозу и дьявол при этом не прятался в трубе».

Поляки при буре и граде кропили тучу освященной вербой и святой водой и жгли ветки вербы, клали их на подоконник. Болгары также жгли освященную вербу от грозы и града, хорваты сжигали мелкие ветки вербы, а большой горящей вербовой веткой хозяйка дома крестила грозовую тучу, «чтобы она рассеялась». Во многих местах (у сербов, поляков) из освященной вербы делались кресты; их втыкали в пахотную землю для защиты урожая от града.

Первый выгон скота и первая пахота обычно не обходились без освященной вербы. Ею били скот в Юрьев день и у русских при первом выгоне лошадей в ночное (чаще всего на Николу вешнего), тогда весь день лошадей стегали не кнутом, а вербой. В Белоруссии с освященной вербой выходили и на первую пахоту ярового поля, и на распахивание целины.

Целительным средством освященная верба считалась у всех славян. Сербы и македонцы опоясывались ею при жатве, «чтобы не болела спина», витебские белорусы окуривали ею больной скот, растирали ее в порошок и засыпали им раны, делали из нее и можжевельника отвар и пили при больном горле, желудке, лихорадке, употребляли для примочек от опухолей и ушибов.

У поляков больной передавал свою болезнь вербе: сначала он опоясывался соломенным перевяслом, а потом скрытно от всех шел к молодой вербе и опоясывал ее тем же перевяслом; верба засыхала, лихорадка проходила. У сербов исцеление от болезни осмыслялось как венчание болезни с вербой: «Я обвенчал свою болезенку с вербочкой». При этом на вербу ставили зажженную свечу длиной, равной окружности головы больного.

Сербы вновь выученный заговор сначала произносили «на вербу», а потом уже заговаривали людей и скот. Так поступали, «чтобы заговор так же легко принялся, как принимается верба».

Старую вербу считали проклятым деревом в некоторых районах Сербии, Боснии, Македонии и Польши. В районе Скопля (Македония) вербу называли проклятой, потому что она не давала плодов, тени.

Сербы-боснийцы говорили, что верба была проклята и потому она обыкновенно гнилая изнутри. В нее стрелял из лука, и ее проклял св. Сысой; он метил в сатану, который в ней прятался. Поляки в Вармии и на Мазурах полагали, что верба — злое дерево: по этиологической легенде, из вербы были сделаны гвозди для креста, на котором был распят Христос. В наказание за это верба стала бесплодной, трухлявой и с кривым стволом.

По представлениям белорусов, на вербе с Крещения до Вербного воскресенья сидит черт (до этого он обитает в воде, в лозе, а после Вербного воскресенья на клене и в жите). Словаки полагали, что водяной часто сидит на самой высокой вербе и высматривает свою жертву, а болгары думали, что самодивы (вилы) живут на вербах и других деревьях.

По белорусским верованиям, черти весной «отогреваются» на вербе, а после того как вербу освятят в Вербное воскресенье, они падают в воду, поэтому от Вербного воскресенья до Пасхи нельзя пить воду, зачерпнутую под вербой. При этом черти, по белорусским и польским поверьям, предпочитают сухую, дуплистую вербу, ср. польскую и белорусскую поговорку: «Влюбился, как черт в сухую (старую) вербу» (Н. И. Толстой, В. В. Усачева).

Известны украинские фольклорные тексты, прямо или косвенно связывающие вербу с небом и солнцем: объясняя детям в начале Великого поста, куда девалась скоромная пища, им говорили: «Були на масниці вареники, так в піст на вербу повтікали» или же «Узяла Бозя (Бог) на вербу та там і поставила». Верба упоминается в детских заклинаниях, обращенных к дождю: на вербу (а также на дуб или вообще «наверх») помещают горшок с борщом, который падает вместе с деревом или его уносят с собой птицы: «Не иди, не иди, дощику, / Наварю я борщику, поставлю на вербі, / Щоб випили горобі...»

В украинских весенних песенках (отмечающих окончание дневного времени, отведенного для пения) решето (символ солнца) также оказывается помещенным на вербе, ср. такую веснянку:

Спивалы дивочки, спивалы,
В решето песеньки складалы,
Поставылы на верби,
Як налынулы лыбыди.
И звалылы решыто до долу.
Час вам, дивочки, до дому.

со свадебной песней: «Склонилось сонечко до долу. Час нам, панове, до дому».

В украинских загадках верба — это солнце: «Стоит верба на серед села, розпустила голье на все Подолье». В северно-русских свадебных песнях «золотая верба» напрямую соотносится с храмом: «На горе высокой... Выросла верба золотая... Посередке золотой вербы списана Спаса Пречистая Божья Матерь Богородица». В заговорах верба, наряду с дубом и некоторыми другими деревьями, — Мировое Древо, представляющее собой центр мироздания: «На моры, на лукаморі стащь вярба, на той вярбе семсот галля, а у том галле звіта лапухова гняздо, у тым гняздзе ляжыць Ева-царыца...»

В славянском фольклоре и верованиях верба оказывается причастной к сфере чудесного, ср., например, мотивы «золотой вербы» («де не повернешся, золоті верби ростуть») и «груши на вербе» («...у нас девки в злате ходят, у нас вербы грушки родят»), известные в западно-украинском фольклоре. В восточно-славянской сказке-небылице на лошади вырастает верба до неба. На юге Польши и в Галиции известны рассказы о чудесной дудочке, которую можно сделать из вербы, растущей в самой глубине леса, там, где ее не касался солнечный луч и где она никогда не слышала ни петушиного крика, ни шума бегущей воды. С помощью такой дудочки можно развеселить загрустившего человека, заставить танцевать того, кто никогда этого не делал, можно привлечь себе в ульи чужих пчел, разоблачить злодея и убийцу и т. п.

Ель

Дерево, используемое в похоронных и поминальных ритуалах, а также известное в качестве обрядового деревца. Относящиеся

к ели мифологические представления и обряды получили развитие преимущественно у восточных и западных славян.

Для культурной семантики и символики ели существенны ее природные свойства как вечнозеленого, пахучего, колючего, «женского» и бесплодного дерева. Согласно этиологическим легендам, ель укрыла Богородицу во время ее бегства с Христом в Египет или Христа, прятавшегося от чумы, за что получила благословение и была вознаграждена, оставшись навечно зеленой.

Колючесть ели, а также сильный смолистый запах обусловливают ее применение в качестве апотропея (амулета). На Украине еловые ветки (вместе с ветками шиповника и крапивой) втыкали в канун купальской ночи перед воротами, хлевом, в стреху крыши и другие места, чтобы уберечь скот от ведьм, свиней — от болезней. Поляки при первом удое процеживали молоко через положенные крест-накрест еловые веточки, чтобы оно не испортилось. Еловые ветки широко использовались для защиты строений и культурного пространства от непогоды. Мораване украшали ими кресты, которые на Пасху втыкали в посевы от града. Однако более действенным средством считались еловые ветки, освященные на Рождество, Крещение, Сретение, Пасху или в день рождества Иоанна Крестителя. По сообщению с Витебщины, освященные еловые ветки вместе с ладаном подкладывали при закладке дома под четыре угла, чтобы предохранить его от грома. Ветки, которые были воткнуты в лед по бокам проруби на Крещение, приносили

домой, клали за образа и втыкали в крышу — от ветра и грома; привязывали к яблоням в саду, чтобы предохранить деревья от бури; втыкали в стену, клали под дом, в подпол — «чтобы буря не тронула».

Ель — по грамматическому роду названий в славянских языках — по преимуществу дерево женское. Вероятно, именно с «женской» символикой ели связан запрет сажать и вообще иметь около дома ель, которая якобы «выживает» из дома мужчин. По верованиям сербов, если ель растет вблизи дома, в нем не будут рождаться мальчики. На Русском Севере не сажали ель у дома, опасаясь, что в противном случае «мужики не будут жить, умирать будут, одни вдовицы будут».

Запрет сажать ель у дома может объясняться принадлежностью ели к неплодовым деревьям (согласно болгарской легенде, ель «бесплодна», поскольку ее прокляла Богородица). В Белоруссии ель не сажали из опасения, что «в доме ничего не будет вестись», «ничего не будет родить ни в хлеву, ни дома». Особенно избегали держать ель у домов молодоженов, чтобы те не остались бездетными.

В России ель могла быть священным деревом (ср. также священные сосны). Известны легенды о явлении на елях чудотворных икон и о постройке часовен и церквей в местах, где росли такие ели.

В верованиях восточных славян ель имеет отношение также и к области народной демонологии. Согласно владимирской быличке, домовой живет в большой сосновой или еловой ветке, подвешенной где-нибудь во дворе. Дети лесовых духов лежат в люльках, висящих на елях и соснах, а дети русалок — под елью. По елям черти водят проклятых и утащенных ими в лес детей, под ель леший укладывает спать заблудившихся детей.

Один из популярных мотивов русской демонологии, связанных с елью, — счет хвоинок. Согласно быличкам, этим занимаются по поручению колдунов заброшенные к ним проклятые дети, а также черти, требующие себе работы у колдунов. Тот же мотив встречается и в заговорах от детской бессонницы (ср.: «Поди, заря, в лес, сядь на елку, считай себе иголки. Там тебе дело, там тебе работка. Моего дитятка сердечного знай не задевай»).

Ель — дерево, которое нашло широкое применение в похоронной и поминальной обрядности. У старообрядцев принято было прямо в лесу подкапывать корни большой ели, немного выворачивать ее из земли и в образовавшуюся яму класть тело умершего без гроба, а затем сажать ель на прежнее место, «яко будто век тут ничего не бывало». С этим согласуется олонецкое свидетельство о похоронах висельников между двумя елями, а также мотив похорон под елью в сербских эпических песнях.

У западных, в меньшей степени у восточных славян ветви ели как вечно зеленого растения, гирлянды из нее и еловые венки — одно из самых распространенных украшений могилы. Срубленную ель (а также кипарис, сосну, можжевельник), часто украшенную цветами или лентами, могли устанавливать или реже — сажать на могиле парня или девушки, умерших до брака.

Береза

Береза — одно из наиболее почитаемых у славян деревьев. В народной традиции береза может выступать как «счастливое» дерево, оберегающее от зла, и как вредоносное, связанное с женскими демонами и душами умерших.

Поверья о полезных и вредоносных свойствах березы сосуществуют у восточных и западных славян в одних и тех же регионах. На Мазурах и в Вармии (Польша) березу считали вместилищем духов — поэтому в нее так часто бьет молния; в других селах она оценивалась как «счастливое» дерево, приносящее здоровье и добро.

В ряде случаев в Полесье запрещалось сажать березу рядом с домом, чтобы на хозяев не напали болезни, чтобы не вымерла семья (или по другим причинам — береза часто «плачет»; в нее часто «бьет» гром). Согласно карпатским поверьям, если женатый мужчина посадит березу во дворе, то кто-нибудь из семьи умрет. На Русском Севере место, где когда-то росли березы, признавалось несчастливым, на нем не ставили новый дом. В районе Сольвычегодска избегали пользоваться березовыми дровами и не жгли бересту, считая, что от этого заводятся клопы.

Вместе с тем во многих местах березу специально сажали рядом с домом для благополучия семьи, по случаю рождения ребенка, для защиты от молнии, для отпугивания зла и т. п. В Люблинском воеводстве береза считалась деревом, приносящим удачу; по ее веткам, поставленным в воду, девушки гадали о замужестве. Установленная в переднем углу при строительстве дома ветка березы была символом здоровья хозяина и семьи. Березовые ветки втыкали в поле, чтобы получить богатый урожай злаков, льна. Березовое полено закапывали под порогом новой конюшни, чтобы «велись» кони. После выпечки хлебов

в печь бросали березовые поленья, чтобы «ягнята были белыми».

В народных легендах береза — благословенное дерево, укрывшее Богородицу и Христа от непогоды (польское поверье) или св. Пятницу от преследований черта (русское), или, напротив, проклятое Богом дерево, прутьями которого якобы хлестали Христа (сербское).

Женская символика березы проявляется в обрядах лечения детских болезней: например, веря в магическое исцеление, носили девочек к березе, а мальчиков — к дубу (укр.). В обрядовых приговорах при сватовстве береза и дуб выступали как символы невесты и жениха («у вас есть Береза, а у нас Дуб...»). Чтобы иметь в браке больше мальчиков, чем девочек, молодая при выходе из церкви должна была взглянуть в сторону леса и сказать: «Все в лесу дубы, лишь одна береза» (гуцулы Закарпатья). В Полесье верили, что посаженная близко к дому береза вызывает женские болезни у его обитательниц; что наросты на березовых стволах образуются от женских проклятий («бабских прокленов»). В некоторых полесских селах при похоронах покрывали тело умершей женщины березовыми ветками, а тело мужчины — ветками тополя. В белорусских причитаниях умерших братьев называли «зялеными кусточками», а умерших сестер — «белыми бярезами». В свадебных и лирических песнях береза — самый популярный символ девушки.

Связь березы с нечистой силой и душами умерших тоже указывает на женскую символику: о русалках в Полесье говорили, что они «с березы спускаются» или «на березах качаются»; в русальных песнях они сидят «на белой березе», «на кривой березе».

Принадлежащими русалкам считались такие березы, ветки которых свисали до земли; на Троицкой неделе к ним боялись приблизиться, опасаясь русалок. В Польше такие плакучие березы, одиноко растущие в поле, назывались деревьями духов. В них якобы вселялись души умерших девушек, которые по ночам выходили из берез и «затанцовывали» насмерть случайных прохожих. Согласно польским поверьям, под одиноко растущей березой покоится душа умершего насильственной смертью и вместо сока в ней струится кровь. Некоторые признаки необычного вида березы (искривленная или сросшаяся с другим деревом) были для белорусов свидетельством того, что под ней погребена невинно загубленная душа. Во многих восточно-славянских балладах, легендах, сказках погибшая девушка превращается в березу. Характерно, что в Костромском крае об умирающем говорили: «В березки собирается».

Береза часто упоминалась как атрибут нечистой силы в демонологических поверьях и быличках: рассказывали, например, что ведьма могла надоить молоко с ветвей березы; она же летала по ночам не только на помеле или хлебной лопате, но и на березовой палке; белые кони, подаренные человеку чертом, превращались в кривые березы, а поданный чертом хлеб — в березовую кору; женщину, в которую вселился бес, во время приступа «бросало» на березу.

Широко известны у восточных славян троицкие обряды с растущей или срубленной березой, совершаемые, как правило, девушками и женщинами. У русских в четверг перед Троицей совершался обряд «завивания березки»: девушки шли в лес, выбирали там молодую березу и под пение обрядовых

песен закручивали на дереве ветки в форме колец, связывая их своими лентами, поясами или нитками; рядом с «завитой» березкой водили хороводы, гадали о будущем замужестве, устраивали совместное угощение. Девушки «кумились» с березой, просили у нее доли, умывались березовым соком для красоты и здоровья. В Костромском крае верили, что девушка, первой севшая в тени «завитой» березы (на которой «завили» венок), выйдет замуж в текущем году.

В день Троицы вновь ходили к этому дереву, чтобы «развить», «распустить», «освободить» березу. Наряду с этим совершались обряды и со срубленной «троицкой березкой» (которую называли в разных местах по-разному: «кума», «гостейка», «семик», «куст», «баба», «красота»): деревце украшали лентами, бусами, цветами, ходили с ним по селу, а затем выносили за его пределы и там сжигали или топили (т. е. «провожали березку» или «хоронили» ее).

Крестьяне Дмитровского края (под Москвой) верили, что в березовые ветки на Троицу вселялись души умерших родственников.

Ветки березы, особенно те, что были использованы в троицких или других календарных обрядах, расценивались в народной магии как надежный оберег. У всех славян считали, что заткнутые под крышей дома, оставленные на чердаке березовые ветки защищают от молнии, грома, града; воткнутые посреди посевов в поле, они отгоняют грызунов и птиц; брошенные на огородных грядках, предохраняют капусту от гусениц. С помощью веток березы и березовых веников пытались уберечься от нечистой силы, болезней, «ходячих» покойников. Накануне дня Ивана Купалы березовые ветки втыкали над дверями хлевов, чтобы не дать ведьмам проникнуть

к коровам и навредить им; на рога коровам надевали березовые венки для защиты от ведьм. У западных славян надежным средством защиты от злых сил считалась березовая метла, прислоненная к постели роженицы или к колыбели новорожденного. Во многих местах верили, что при битье березовым прутом заболевшего ребенка болезнь тут же отступит.

В знахарской практике действенным приемом лечебной магии считалось хождение к растущей березе для «передачи» ей болезни: под березу выливали воду, оставшуюся после купания больного ребенка. (ср. мотив угрозы по отношению к болезни в тексте русского заговора от грудной жабы: «Брошу жабу под березов куст, чтоб не болело, чтоб не щемило»). Русские крестьяне обращались к березе с просьбой об исцелении и при этом скручивали над больным березовые ветки, угрожая не отпускать их до тех пор, пока болезнь не отступится от человека. В Мазовии страдающий малярией должен был потрясти березу с приговором: «Тряси меня, как я тебя, а потом перестань».

Осина

Осина в народных представлениях — проклятое дерево; вместе с тем широко используемое в качестве оберега.

Рассказывают, что осина виновна в том, что позволила мучителям Иисуса Христа сделать из своей древесины крест, на котором его распяли, гвозди, которыми он был прибит к кресту; Богородица либо сам Христос прокляли осину и наказали ее вечным страхом, от которого та трясется по сей день. Согласно другим источникам, осина не проявила почтения:

в момент рождения Христа и при его кончине не затихла и не склонилась, а продолжала шелестеть листвой и трепетать. Потому она дрожит без причины, не дает плодов и не может укрыть человека своей тенью. Наконец, говорят, что мучимый страхом и раскаянием Иуда долго не мог найти дерево, которое согласилось бы «принять» его, и лишь осина сжалилась и позволила ему повеситься на ней, за что тут же и была проклята Богом.

Осину запрещалось сажать около домов (во избежание несчастья, в том числе — болезней); осину не использовали при строительстве, не топили ею печь, избегали сидеть в тени дерева, не вносили в дом осиновых веток и т. п.

Кое-где у восточных славян осину считали также «чертовым» деревом (ср. характерное гуцульское название черта «осинавец»). В местах, где растет осина, по поверьям, «вьются» черти. Ходить там небезопасно: черти могут так запутать человека, что он заблудится и не найдет дороги назад. Черти, заводящие человека в заросли осины, принимают облик его родственников и знакомых, а затем внезапно исчезают; изображают свадьбу, на которой человек веселится, а наутро он обнаруживает себя спящим не в избе, а под осиной; колдун, мстящий ребенку, угощает его сладостями, которые оказываются на деле осиновыми листьями, и т. п. О пребывании черта на осине (или вблизи нее) свидетельствует запрет прятаться под осиной во время грозы, потому

что «осину гром ищет» (гром «бьет» черта в славянских поверьях).

Связью осины с нечистой силой можно объяснить широкое использование ее в магических целях. Согласно белорусским поверьям, на огне из осиновых веток ведьмы готовили вредоносное зелье; чтобы превратиться в волка или стать невидимым, колдун должен был перекувырнуться через пять осиновых колышков, вбитых в землю, или через осиновый пень; бросив ветку осины перед путником, колдун сбивал его с дороги. Желая завести дружбу с лешим, человек призывал его, стоя в лесу на поваленных осинках.

Вместе с тем в некоторых ситуациях осину использовали в магических целях и при гаданиях. Чтобы обнаружить вора, поляки вкладывали в расщепленную осину вещь, до которой дотрагивался вор; считалось, от этого его начнет трясти лихорадка и злодей поспешит вернуть украденное. Белорусы, чтобы вернуть себе подменыша, били его, положив на осиновые ветки. Осину использовали и в магических способах распознавания ведьмы: ее можно было увидеть, если в ночь накануне Ивана Купалы спрятаться в хлеву под бороной, специально изготовленной из осины. Чтобы узнать, кто из женщин в селе ведьма, белорусы вбивали в землю осиновый кол, соструганивали с него щепки, поджигали их и на огне кипятили цедилку (тряпочку, через которую процеживают молоко): считалось, что ведьма непременно придет просить не жечь ее огнем.

Известным магическим приемом было и «заламывание» осины. Человек, поссорившийся с соседом, работник, стремящийся расстаться с хозяином, юноша, желающий навсегда покинуть родные

места,— заламывали вблизи дороги ветку осины со словами «Пойду и осиною заломлю дорогу», полагая, что никогда уже не вернутся в опостылевшие им места. Мотив заламывания осины как оберега от русалок встречается в песнях, исполнявшихся в Полесье весной при «проводах русалки», ср.: «Проведу русалку, проведу, / Да и осинкою заломлю, / Штоб русалочка не ходила, / Мого житечка не ломила».

В фольклоре, поверьях и обрядах осина выступает действенным средством в борьбе с нечистой силой, ведьмами, колдунами и хтоническими существами. На огне из осиновых дров сжигали после смерти колдунов, чтобы они не вредили людям, а также утопленников, похороненных на общем кладбище, что вызывало сильную засуху (ср. в проклятиях: «Чтоб ты сгорел на осиновом дереве»). В русской сказке богатыри побеждают Бабу-Ягу, придавливая ее корнями осины; Добрыня Никитич вешает побежденного им Змея-Горыныча на «осину кляплую» (былина «Добрыня и Змей»).

По русским и белорусским поверьям, убитую змею надо повесить на осину, иначе она оживет и укусит человека. Заговоры от укуса змей обычно читают над осиновой корой, а затем трут ею укушенное место.

У восточных славян, а также в Польше осиновый кол втыкали в могилу «ходячего» покойника или вампира. Нередко это делали еще при похоронах, чтобы умерший не превратился в «ходячего» покойника. Это обыкновенно касалось, прежде всего, заложных покойников, т. е. тех, кто умер неестественной или преждевременной смертью. Более эффективным считалось вбивание осинового кола прямо

в труп умершего (ср. соответствующие проклятия («Кол осиновый тебе на том свете») и пожелания-угрозы, адресуемые хозяевам, если они плохо одаривали колядников («На Новый год осиновый гроб, / Кол и могилу, / Ободрану кобылу»). Облегченная форма этого обычая — установление на могиле осинового креста или помещение в гроб на грудь покойного маленьких осиновых крестиков.

В обрядах восточных славян осина использовалась в качестве оберега. В Юрьевскую (см. Юрьев день) и купальскую ночь с помощью осиновых веток, воткнутых в стены хлева, в ворота, сараи, оберегали скот от ведьм, отбирающих у коров молоко. С той же целью при отеле коров на рог ей укрепляли кусочек осины; первое молозиво процеживали через осиновую дудочку и отдавали корове. Если у коровы кисло молоко, ее прогоняли через положенные вдоль порога осиновые ветки; через осиновое полено, помещенное в воротах двора, заставляли перешагнуть только что купленную лошадь и т. п.

Оберегая поля от ведьм, могущих отобрать «спор», в посевы втыкали ветки осины (чаще всего в купальскую ночь); тем же способом охраняли огороды от кротов, гусениц и др. Знахарь, уничтожающий на поле залом (скрученные в узел колосья, вид порчи), вырывал его из земли осиновыми палками и сжигал на осиновом огне. При строительстве дома в углу фундамента втыкали осиновые колышки, оберегая дом от всякой беды. Защищаясь от лешего, человек, застигнутый ночью в лесу, ложился спать в круге, очерченном на земле осиновой палкой.

В народной медицине на осину «переносили» различные болезни: при лихорадке срезанные волосы и ногти больного вкладывали в дыру, просверленную

в осиновом дереве, и забивали дыру осиновым колышком, полагая, что от этого лихорадка не сможет выйти наружу. Иногда вещи больного закапывали в яме под осину или сажали больного на свежий осиновый пень, полагая, что болезнь уйдет из человека в него. «Передавая» болезнь дереву, просили осину: «Осина, осина, возьми мою трясину, дай мне леготу!»

В некоторых случаях в обмен на здоровье человек давал обещание не наносить осине вреда — не ломать ее ветвей, не рубить, не жечь (ср. сходные поверья о бузине). При детской эпилепсии срезанные волосы и ногти забивали в косяк двери осиновым колышком на высоте роста ребенка: считалось, что когда ребенок перерастет это место, он выздоровеет. При детской бессоннице из осины делали купель для ребенка или клали осину ему в колыбель. С помощью осины лечили также зубную боль, грыжу, детский испуг и другие болезни. При приближении эпидемии холеры в четырех концах села втыкали в землю срубленные деревца осины, ограждая тем самым село от проникновения болезни.

Применялась осина и в народной ветеринарии. При эпидемии чумы (так называемой «коровьей немочи») размахивали в воздухе осиновыми палками; на осиновом огне готовили лекарственные травы для скота и др.

Бузина

Воплощение и вместилище черта и т. п. (преимущественно в западно-славянском, отчасти западно-украинском ареале). Характерно отношение к бузине как к проклятому, нечистому и опасному растению; отсюда ограниченное использование бузины в семейных и календарных обрядах

и широкое ее применение в магии, оберегах, гаданиях, народной медицине. У южных славян «негативный» комплекс поверий о бузине несколько ослаблен. У русских и белорусов соответствующие представления и обрядовые функции связаны с осиной, вербой и некоторыми другими деревьями.

Бузина наделяется функцией медиатора: она, по поверьям, существует от начала мира и потому причастна к мифическим протособытиям (грехопадение Адама и Евы, убийство Авеля) и христианской истории (предательство Иуды).

Считалось, что под бузиной и в ее корнях живет дух, демоническое существо (черт, бес и др.). В польском предании говорится о том, что первый бес поселился в огромной яме и посадил сверху бузину, чтобы она охраняла его. На Украине верили, что бузину «насадил черт» и теперь постоянно живет под ней, поэтому ее нельзя выкапывать с корнем, чтобы не раздражать его. На Западной Украине известны мифологические рассказы о лесных духах, обитающих в зарослях бузины, о превращении упыря в куст бузины. Сербы считали куст бузины местом обитания вил. Вместе с тем бузина — обиталище домашних духов, приносящих хозяевам добро, опекунов хозяйства (спонсоров) и др. В польских и украинских заговорах бузина отождествляется с Адамом; к ней обращаются со словами: «Бузыновый Адаме», «Человек Божий, святой Адам», поясняя это тем,

что и бузина, и Адам существуют со времени основания света.

Отношение к бузине как к неприкасаемому и опасному растению отразилось в запрете выкапывать (выкорчевывать) бузину, нарушение которого могло привести к смерти человека, несчастьям и различным болезням, а также к падежу скота. В случае необходимости для выкорчевывания бузины специально нанимали (в Польше, например) калек или душевнобольных. Считалось, что там, где был выкопан куст бузины, никогда ничего не вырастет. На Украине из бузины запрещали делать детские игрушки, иначе у детей болела бы голова; у украинцев и поляков — сжигать бузину во избежание зубной боли; у поляков, гуцулов, лужицких сербов — спать под бузиной, мочиться под нее, влезать на бузину. Бузину не использовали в качестве топлива, чтобы не навлечь в дома клопов и блох.

На Украине и в Польше бузину считали проклятым деревом. Здесь известна легенда о том, что на бузине якобы повесили Иуду (или дьявола), отчего ее листья и ягоды издают трупный запах, ее нельзя использовать в бытовых целях и т. п. Бузина упоминается в проклятиях (ср. сербское: «Пусть у тебя на очаге вырастет бузина»). Известны мифологические рассказы о том, как человек не мог найти дорогу, блуждая вокруг куста бузины. Аналогичные легенды и поверья часто относятся у славян к осине.

На Украине широко известны обращенные к бузине заговоры, содержащие мотивы «чуда» и произносимые под бузиной с определенной магической целью: «от напасти», «чтобы суд не засудил», «для приобретения силы и отваги», «для избавления от всякой беды» и др. (ср.: «Добры вечір тобі, бузю, ты

мій вірний друзю! Скажи мени, бузю, як тому було, як сын батька вбыв, а з Матір'ю гріх творыв? — Там так було: терлось та м'ялось, та більш того, що и так мыналось»). Сюжет заговора как бы воспроизводит некое мифическое протособытие, свидетелем которого была в свое время бузина. Это событие резко нарушало нравственные нормы, но тем не менее, имело благоприятный исход («терлось, та мялось, ни на ком не сыскалось»).

В народной медицине западных славян и украинцев при лечении чахотки, лихорадки, зубной боли и других болезней символически «переносили» эти болезни на бузину. Под бузиной закапывали колтун, выливали под нее воду, в которой купали больного ребенка, — в надежде на то, что болезнь заберет дух, живущий под бузиной, обвязывали бузину нитками из одежды больного и т. д. Чтобы уберечь ребенка от головной боли, словенцы закапывали под бузиной его остриженные волосы, а словаки купали маленьких детей в отваре цветов бузины, чтобы обеспечить им здоровье.

К бузине были обращены заговоры, которые читали под бузиной при лечении зубной боли (у украинцев и поляков) и лихорадки (у чехов и моравян). Эти заговоры содержат мотивы «отсылки» болезни на бузину или договора человека с бузиной, ср. польский заговор: «Святая бузина, я тебя храню от сожжения огнем, а ты меня храни от зубной боли».

У южных славян бузина широко применялась при укусах змей, скорпионов и ос, а также использовалась в народной ветеринарии.

У чехов и словенцев девушки обращались к бузине во время гаданий о замужестве. На святки девушка шла к кусту бузины, трясла его и говорила:

«Трясу, трясу бузину, отзовись, пес, с той стороны, где живет мой милый», и слушала, где залают собаки. Считалось, что во время гадания можно увидеть суженого в кусте бузины.

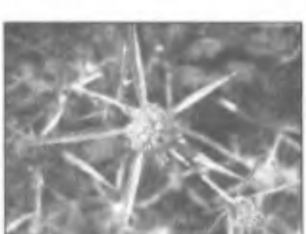
Ветки бузины использовались в качестве универсального оберега. Ими украшали дома, хозяйственные постройки, заборы, ворота и другие объекты для защиты людей и хозяйства от ведьм в канун Юрьева дня и дня Ивана Купалы.

На Балканах ветки бузины (наряду с другими растениями) применялись в обрядах вызывания дождя. Ими украшали с ног до головы додолу, пеперуду, куклу Германа, а по завершении обряда сбрасывали ветки в воду.

РАСТЕНИЯ

Колючие растения

Колючие растения чаще использовались в защитной, лечебной, отгонной магии, реже — в любовной. Колючий является синонимом острого: в народной культуре предметы и растения с такими признаками имеют общую семантику и сходным образом используются в магической практике. Сюда: относятся: боярышник, терновник, шиповник, крыжовник, ежевика, можжевельник, репейник, реже — хвойные деревья, а также другие растения, обладающие шипами и колючими листьями. Из предметов — гребень, грабли, вилы, вертел, игла, нож и т. п. Использование колючих и острых предметов и растений определяется их способностью ранить, калечить, впиваться в тело, причинять боль,



вред. С другой стороны, охранительная функция колючих растений основана на их способности цепляться за одежду, удерживать, не отпускать кого-либо, ср. сербское название терновника «вукодржица» (волкодержица). С этим свойством связано их использование в приворотной магии.

Чаще всего колючие предметы и растения применяются в качестве оберегов людей и скота от нечистой силы и болезней. Чтобы защитить дом от нечистой силы, ворота, двери, окна дома и хлева обвязывали ветками колючих растений; у южных славян — преимущественно боярышником и терновником, у западных — шиповником и диким крыжовником, у восточных — репейником и можжевельником. У южных славян дверь запирали колышком из боярышника, а в замочную скважину втыкали шипы колючих растений, чтобы нечистая сила не проникла в дом. Вампиру в гроб клали ветки колючих кустарников, чтобы они цеплялись за его одежду и не выпускали его из могилы. Чтобы уберечь скотину от ведьм, на Украине, у южных и западных славян в четверг перед Троицей и в Юрьев день затыкали колючие растения в хлеву. Сербы при первом доении над воротами хлева вешали венок из шиповника, а чехи перед началом мая, накануне дня св. Филиппа и св. Якуба в порог хлева и в навоз втыкали ветки крыжовника или шиповника.

Наряду с колючими растениями в этой же роли использовались острые предметы, которые затыкали в порог, крышу, двери и окна дома или хлева, обносили их вокруг охраняемого пространства, а иглы и булавки втыкали в одежду, чтобы обезопасить человека от порчи.

Охранительные свойства имел также костер из веток колючих растений: в Сербии и на Западной Украине вампиров и ведьм сжигали на огне из терновника или боярышника. В Чехии в костры, разводимые в Юрьев день, клали ветки крыжовника и терновника, чтобы к дому не приближалась нечистая сила. Русские после выноса покойника топили печь можжевельником, чтобы покойник не мог вернуться. Оберегом служили не только сами колючие и острые предметы и растения, но и упоминание о них в магических формулах. В Сербии в день св. Иеремии девушки, чтобы отогнать змей, обходили село с песней, в которой сообщалось, что все змеи убежали, а единственная оставшаяся «оба глаза выколола о две колючки терновника, о четыре шиповника».

В ряде случаев применялось символическое укалывание, закалывание, прокалывание возможной опасности. В день св. Димитрия деревянными копьями колют во все дыры в доме, амбаре, других хозяйственных постройках или затыкают эти копья в землю, что должно уничтожить всех мышей в доме. В Сербии в Тодорову субботу женщины колют иглой камень, чтобы проколоть глаза змее.

Колючие растения и острые предметы использовались для лечения болезней: на Русском Севере считают, что все болезни боятся чертополоха. Белорусы отваром колючих трав лечили колющие боли, в частности колики и колотье в боку. У западных славян колючие растения использовались для лечения коров, испорченных ведьмой, и для возвращения отобранного молока. Для этих целей в Словакии хозяйки делали венок из шиповника и сквозь него процеживали молоко, кипятили его на огне из веток шиповника, выливали в навоз молоко от испорченной

коровы и били по этому месту прутом шиповника, надеясь тем самым исколоть ведьме лицо.

В приворотной магии использовалась способность колючих растений задерживать кого-либо, цепляться за одежду, чтобы «зацепить» суженого.

В календарных обрядах, направленных на увеличение плодородия, укалывание символизирует коитус. В Словакии в день св. Андрея и во время адвента ряженые парни натягивали на лицо или на руку кожу ежа и старались уколоть девушек. На Русском Севере во время святок ряженые парни, так называемые веретельники, вставляли себе между ног веретена и кололи ими девушек.

Колючие растения, в частности терновник и шиповник, считались «дьявольским» творением. Например, на Украине полагали, что репейник и вообще колючие растения посадил дьявол, чтобы люди, цепляясь за них, ругались и таким образом грешили.

Крапива

Иначе — колоть (ср. названия: рус. — «жигучка», укр. — «жалива», бел.— «жигливка» и т. п.) (собственно, слово «крапива» и означает «то, что оставляет мелкие пятна, крап»). В народной культуре играет роль оберега и отгонного средства; причисляется к «дьявольским» растениям, соотносимым с «чужим» миром; вместе с тем наделяется символикой плодородия.

Согласно легендам, крапива произошла из проклятых или грешных людей либо выросла на месте их гибели. О крапиве в народе говорили, что ее посеял дьявол и она проклята Богом (украинцы).

У южных славян первую крапиву ели для сохранения здоровья на весь год. В Боснии на Пасху причащались вином и хлебом (по-христиански), а потом крапивой. У болгар и сербов, когда в Юрьев день первый раз ели крапиву, произносили формулы отгона болезней и пожелания здоровья. В Страстную субботу болгары варили крапиву и мазали крапивой крупный рогатый скот, чтобы он не бесновался.

Апотропейные свойства крапивы широко использовались для защиты от болезней, порчи, нечистой силы, стихийных бедствий, несчастий. У южных славян в Юрьев день крапиву клали на ночь под голову, украшали ею голову, опоясывались ею, хлестали себя и друг друга крапивой; затыкали крапиву в цепь очага, чтобы никогда не угас огонь и не опустел дом и т. п. В день Ивана долгого (1/14 июня) у русских водили хороводы, участники которых жгли друг друга крапивой, желая избавиться от болезней.

Накануне Иванова или Духова дня в качестве оберега от ведьм, колдунов и другой нечистой силы раскладывали крапиву на окнах, на порогах, вешали крапиву на дверях домов; перед купанием в реке в воду бросали крапиву для защиты от русалок (восточные славяне), держали в руках крапиву как оберег от водяного (чехи); на Русальной неделе для охраны от русалок крапиву зашивали в пояс (болгары); в окна домов бросали крапиву с приговором: «Крапива в дом, а клоп вон» (Русский Север).

При первом выгоне стада на пастбище в день св. Георгия южные славяне перед ритуальным доением украшали зеленью и крапивой загоны для овец, всю молочную посуду; белорусы процеживали молоко через пучок крапивы, доили скот через венок из крапивы; украинцы Закарпатья бросали

крапиву в подойник, «чтобы овцы не болели», «чтобы скотине, как и крапиве, ничто не вредило». Для обилия молока, сметаны, масла крапивой кормили скот, натирали вымя коровам и овцам (сербы); горшки для молока, маслобойку мыли мочалкой, сделанной из крапивы, после чего ее сжигали, чтобы злой человек не похитил «спор» (удачу) (чехи, словаки). Для защиты скота от ведьм накануне дня Ивана Купалы крапиву затыкали в щели скотных дворов; вешали коровам на лоб венки из крапивы (поляки); переводили скот через кучу крапивы (восточные славяне).

Охранные и продуцирующие свойства крапивы использовались в аграрных обрядах: в посевное зерно клали корень крапивы, который после сева закапывали посреди поля (сербы). На гряды капусты сажали выкопанную с корнем крапиву, приговаривая: «Крапива червям, а капуста нам» (Забайкалье). Чтобы никто не мог отобрать плодородие, чехи Моравии клали крапиву в первую телегу навоза, вывозимого в поле. Крапивой украшали дежу, в которой замешивали обрядовые хлебы (Болгария).

Крапиву использовали в колдовстве и магии: ее сжигали для отгона градовых туч; втыкали в одежду, в цепь очага, чтобы молния не ударила в дом. У сербов старая ведьма «посвящала» новую, ударяя ее веником из крапивы. На Юрьев день во время качания на качелях девочки ударяли взрослых девушек по ногам крапивой, чтобы их «распалить» и чтобы они вышли замуж (македонцы). В целом видно, что крапива — растительный эквивалент огня.

Негативная символика крапивы отражена в поверьях: обильно разросшаяся крапива осмыслялась как предвестие смерти, запустения, разрухи. В народных песнях запустелые дворы поросли крапивой,

вдова сравнивается с сухой крапивой. Представления о крапиве как о растении «чужого», «дикого», «аномального» мира отразились в выражениях: «найти в крапиве» — родить внебрачного ребенка; «крапивница» — мать внебрачного ребенка; крапива, «крапивник» — внебрачный ребенок, подкидыш; «прыгать в крапиву», «скакать в крапиву» — о прелюбодеянии, внебрачных связях.

Папоротник

Особо известен такой символ, как цветок папоротника, с которым связана легенда: папоротник в ночь на Купалу выпускает красивейший цветок-огнецвет. И цветет он только одну ночь, а потом бесследно пропадает. Тот, кто найдет этот цветок, станет мудрым и сильным. И найдет клад.

Знак «цветок папоротника» (огнецвет)

ДОМАШНЯЯ ВСЕЛЕННАЯ

НАРУЖНЫЕ ОХРАННЫЕ УЗОРЫ

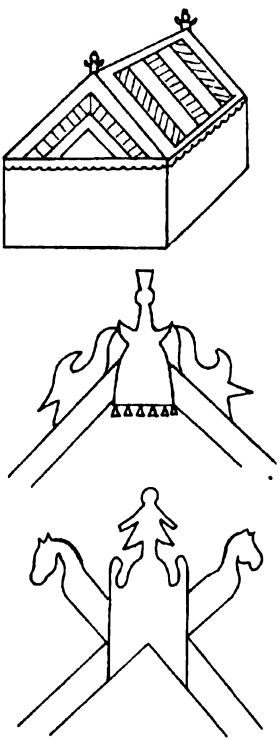
Наши языческие предки вовсе не были «темными» людьми, какими они часто предстают в литературе, — они задумывались не только о своем маленьком окружающем мирке, строение мира уже тогда занимало их. И древние славяне имели четко разработанную концепцию такого строения, причем она была достоянием не только отдельных людей, скажем, жрецов племени, но и активно использовалась каждым человеком в повседневной жизни.

Деревянная резьба создавала на фасаде и на крыше дома сложную, глубоко продуманную, создававшуюся тысячелетиями систему защиты от вездесущих и всепроникающих упырей-навий. Это были не просто беспорядочно нанесенные охранные знаки — основная идея древней славянской охранной магии заключалась в защите микрокосма семьи при помощи макрокосма — Вселенной, строение которой тщательно воспроизводилось во всех своих основных элементах на фасаде жилища и становилось микрокосмом семьи.

Это создание человеческих рук отражало картину мира, возникшую в представлениях предков древних славян еще в глубинах бронзового века (IV — I тыс. до н. э.).

Внизу располагалась священная земля предков. Наземный ярус мира, в котором жили люди, был в большом количестве снабжен магическими охранительными знаками. Выше этого человеческого, жилого яруса, воспроизводились два неба: среднее небо — небо светил и воздуха — облекает землю и отделяется куполом «тверди» от верхнего неба, обиталища Рода, верховного повелителя Вселенной, распорядителя «хлябей небесных» и создателя непрерывного жизненного начала.

Тщательной резьбой изображались и «хляби небесные» верхнего неба, и солнце, восходящее над землей, и знаки земного плодородия, и символ Рода — солнечное колесо с шестью спицами. Но самым главным охранительным элементом для славян было противопоставление темным силам хода



Древние оберегающие украшения кровель домов. (Наверху — энеолит, внизу — XIX в.)

солнца от восхода до заката; верхнюю точку дома с ее широким обзором окружающего пространства обороняло сияющее полуденное солнце и символ движения светила — солнечный конь, венчающий кровлю.

В грозу и бурю, когда навьи летают «на злых ветрах», а небесные боги гневаются, «громовые знаки» спасали от удара молнии, от пожара, так как выражали идею ясного, безоблачного неба.

Ночью, когда «солнце спускается под землю» и враждебные силы имеют больше власти, наших предков защищало заклинательное изображение на всем фасаде дома спасительного светоносного начала — возврата света, каждое утро постоянно торжествующего над тьмой. В этом, возможно, и есть причина такой долговечности древних форм орнамента, в которых их первичное предназначение (забота о безопасности и благе) постепенно перешло в чисто эстетическую категорию.

Языческие моления в древности часто проводились у священных деревьев, увешанных убрусами — полотенцами («набожниками»), а именно на полотенцах и встречается чаще всего изображение женских божеств: Макоши, Лады, Лели.

Фасад славянской избы

На фасаде славянского жилища изображались небеса и ход солнца. Небо представлялось двуслойным, состоявшим из «тверди» и «хлябей», т. е. неиссякаемых запасов воды. Хляби изображались волнистыми линиями. На тверди, располагавшейся ниже хлябей, было показано положение

солнца в трех позициях — утром, в полдень и вечером; чтобы подчеркнуть, что оно движется ниже хлябей, изображение светила помещали ниже хлябей, изображения светила помещали на деревянных «полотенцах», спускавшихся с крыши. Особенно богато украшалось узором центральное «полотенце», символизировавшее полдень, — там ярко светящее солнце иногда изображалось несколько раз, либо знак солнца (круг, разделенный на восемь секторов) дублировался коньком крыши, означавшим Солнцеконя. Также славяне приписывали особую силу оберегам-талисманам в виде уточки с головой коня (потому что, по поверьям, бог солнечного света Дажьбог дважды в сутки — утром и вечером — пересекает океан-море на ладье, которую тянут гуси, утки и лебеди). На центральном «полотенце» часто помещали и громовой знак (круг, разделенный на секторы) — символ Рода или Перуна, оберегавший дом от попадания в него молнии.

Изба

Изба уподоблялась коню. Собственно дом представлялся «телом», четыре угла — четырьмя «ногами». Ученые пишут, что вместо деревянного «конька» на крыше некогда укрепляли настоящий лошадиный череп — отсюда же, кстати, и обычай укреплять на «фронтоне» дома оленьи рога (как нередко делали древние скандинавы). Закопанные же черепа находят и под избами X в., и под выстроенными через пять столетий после крещения Руси — в XIV — XV вв. За полтысячелетия их разве что стали класть в менее глубокую ямку. Как правило,

эта ямка располагалась под святым (красным) углом — как раз под иконами — либо под порогом, чтобы зло не сумело проникнуть в дом. Такая «строительная жертва» обычно носила характер чисто символический — так как кони стоили очень дорого. При обычном строительстве нового дома использовали череп давно умершего коня, конские черепа вешали и на забор — считалось, что они отгонят от деревни «скотьи хворобы».

Вместе с черепом в основание будущего дома укладывали ковшик меда, а также воск; мед (медовый напиток) и воск издревле считались любимой пищей богов. Кроме того, клали шерсть, зерно, куски хлеба. Смысл этих приношений понятен; они должны обеспечить новому дому богатую и сытную жизнь, умножение рода. В христианские времена с той же целью стали добавлять ладан и деньги.

Красный угол (большой, передний, сутки)

Представление о том, что красный угол — это дальний угол по правую руку от входа, не всегда верно. В различных типах русских изб его расположение варьировалось. Достоверно известно, что красный угол располагался всегда по диагонали от печи.

Мы уже видели, что в глазах наших предков изба была самой настоящей Вселенной — с небом, землей, «нижним миром» и сторонами света. При этом со сторонами света связывались вполне определенные понятия. Восток и юг для наших предков символизировали солнечный восход, «красную» весну, полдень, «красное» лето, жизнь, тепло. На юге располагалось

Мировое Древо, близ вершины которого помещался ирий — обитель богов, света и добра. Напротив, запад и север прочно ассоциировались с «гибелью» солнца, холодом, мраком, зимой.

Понятно, всякий разумный человек стремился расположить и обустроить свое жилище таким образом, чтобы силам зла, смерти и холоду было как можно труднее проникнуть вовнутрь. И наоборот, чтобы двери были настежь распахнуты навстречу добру, жизни, свету. Причем в буквальном смысле этого слова. До появления окон единственным отверстием, посредством которого древнее славянское жилище сообщалось с окружающим миром, была дверь. А мы уже говорили о том, что древнейшие (VI—IX вв.) избы и полуземлянки славян, изученные археологами, были непременно обращены дверью на юг. Понятно теперь, что причина за этим крылась более глубокая, нежели простое желание осветить жилище.

Начиная с X в., после появления окон, южная ориентировка двери перестала быть обязательной. Впрочем, окна еще в XIX в., как правило, выходили на юг или восток, но никак не на север и не на запад.

Красный угол, известный нам по этнографическим данным, располагался в южной или юго-восточной части помещения. Это было непреложное правило.

На большей территории Европейской России, на Урале, в Сибири красный угол представлял собой пространство между боковой и фасадной стеной в глубине избы, ограниченное углом, что расположен по диагонали от печи. В южнорусских районах Европейской России красный угол — пространство, заключенное между стеной с дверью в сени и боковой

стеной. Печь находилась в глубине избы, по диагонали от красного угла. В традиционном жилище почти на всей территории России, за исключением южнорусских губерний, красный угол хорошо освещен, поскольку обе составляющие его стены имели окна. Как правило, повсеместно в России в красном углу кроме божницы находится стол. В красном углу подле стола соединяются две лавки, а сверху, над божницей, — две полки-полавочника; отсюда западно-южнорусское название угла «сутки» (место, где соединяются элементы убранства жилища).

Некоторые авторы связывают религиозное осмысление красного угла исключительно с христианством. По их мнению, единственным священным центром дома в языческие времена была печь. Божий угол и печь даже трактуются ими как христианский и языческий центры. Эти ученые видят в их взаимном расположении своеобразную иллюстрацию к русскому двоеверию первых веков после официального принятия христианства и чуть ли не оппозицию «свет — тьма», где в роли «тьмы» выступает не север с его мифологическим злом, а языческая вера. Вряд ли можно с этим согласиться! Мистическое осмысление сторон света, как мы видели, было выработано нашими предками задолго до крещения Руси в конце X века. Кроме того, множество примеров свидетельствует, что смена официальной религии очень мало что изменила в традиционной культуре народа. Так что, скорее всего, христианские священные изображения просто сменили в Божьем углу более древние — языческие, а на первых порах несомненно соседствовали там с ними.

В каждом доме был священный «красный угол», где впоследствии ставили иконы. Киот (божница)

«красного угла» украшался ритуальными полотенцами — «набожниками». Православные иконы соседствовали с «набожниками», на которых нередко вышивали богов древних славян Ладу, Леля, Макошь и других, и все это несмотря на новый культ христианских богов, истреблявший языческую архаику, в частности культ солнца и «белого света». Киот украшали резьбой, в которой тоже присутствовали солнце, пиктограмма вспаханной земли (перекрещенные прямоугольники), волнистый орнамент, присущий «хлябям небесным».

Все значимые события семейной жизни отмечались в красном углу. Здесь за столом проходили как будничные трапезы, так и праздничные застолья, происходило действие многих календарных обрядов. В свадебном обряде сватание невесты, выкуп ее у подружек и брата совершались в красном углу; из красного угла отчего дома ее увозили на венчание в церковь, привозили в дом жениха и вели тоже в красный угол.

Во время уборки урожая первый и последний сжатый сноп торжественно несли с поля в дом и устанавливали в красном углу. Сохранение первых и последних колосьев урожая, наделенных, по народным представлениям, магической силой, сулило благополучие семье, дому, всему хозяйству.

В красном углу совершались ежедневные моления, с которых начиналось любое важное дело. Красный угол — самое почетное место в доме. Согласно традиционному этикету, человек, пришедший в избу, мог пройти туда только по особому приглашению хозяев. Красный угол старались держать в чистоте и нарядно украшали. Его убирали вышитыми полотенцами, лубочными картинками, открытками.

Со времени появления обоев (середина XIX в.) красный угол нередко оклеивали или выделяли из остального пространства избы. Украшение обоями лишь одного угла практиковалось по причине их дороговизны. На полки возле красного угла ставили самую красивую домашнюю утварь, хранили наиболее ценные бумаги, предметы.

Повсеместно у русских был распространен обычай при закладке дома класть деньги под нижний венец во все углы, причем под красный угол клали более крупную монету. Под красным углом закладывали ладан, в жерновом углу, что напротив печного устья, — деньги, в заднем углу у входа — шерсть (символ богатства и плодородия), а там, где ставилась печь, не клали ничего, поскольку этот угол, по народным представлениям, предназначался для домового.

Ворота

Ворота — символ границы между своим, освоенным пространством и чужим, внешним миром. Как элемент материальной культуры и обрядности ворота особенно значимы в традиции восточных и западных славян (ср. архитектуру, резьбу и другие украшения ворот у русских).

Открывание-закрывание ворот символизирует акт контакта с внешним миром. Ворота — опасное место, где обитает нечистая сила. На воротах могут сидеть духи халы, поджидающие младенцев, которых несут из церкви после крещения. Чтобы их обмануть, ребенка передавали, минуя ворота, через окно или через забор. Участники свадьбы также остерегались проходить через ворота, а перелезали через забор или проламывали новый проход в ограде.

Ворота — объект почитания и защиты. Владимирские крестьяне вывешивали на воротах (как и на амбарах, на колодце) образа; утром, выйдя из дома, они молились сначала на церковь, потом на солнышко, а затем на ворота и на все четыре стороны. К воротам прикрепляли сретенскую или венчальную свечу, втыкали в них зубья бороны или вешали косу, затыкали в щели ворот колючие растения — от ведьм. На Богоявление на воротах чертили кресты для защиты от нечистой силы. Особенно оберегали ворота и тем самым дом в дни, когда активизировалась нечистая сила. В Полесье накануне Ивана Купалы в щели ворот затыкали крапиву, чтобы ведьма не пролезла во двор; в Сербии на ворота вешали венок, сплетенный на Петров день, а при появлении градовой тучи снимали его и размахивали им, отгоняя град.

В воротах совершались различные магические действия. В обряде первого выгона скота хозяйка обходила скотину во дворе с иконой св. Георгия, а затем оставляла ее на воротах на целый день. В ворота клали пояс, освященные яйца, топор, сковородник, ухват, замок и через эти предметы перегоняли скот. Сербы прогоняли скот через ворота, на которые ставили две зажженные свечи, клали два рождественских калача, два ткацких гребня (после прогона скота их соединяли зубец в зубец, чтобы «сомкнуть волчью пасть»). В Карпатах пастухи клали в ворота овечьего загона цепь, которой на Рождество были обвязаны ножки стола, и прогоняли через нее стадо. В Полесье на ворота ставили девочку-подростка, которая широко расставляла ноги, и под ними прогоняли скотину.

В воротах также рубили колядный веник (обряд, совершаемый для того, чтобы избежать наказания

за нарушение запретов на работу во время святок); по разостланной в воротах скатерти ввозили во двор первый воз сжатого хлеба: в воротах разжигали костры в Чистый четверг, на Пасху, в Юрьев день, на свадьбу и в другие праздники.

В свадебном обряде ворота — преграда на пути участников свадьбы: перед сватами или молодыми запирали ворота и требовали выкупа. В погребальном обряде у болгар сразу после выноса тела в воротах разжигали огонь, чтобы душа не могла вернуться обратно. Чтобы не выносить покойника через ворота (как и через двери дома), обмануть смерть и воспрепятствовать возвращению души, у сербов часто разбирали забор; украинцы после выноса тела обвязывали ворота красным поясом или рушником, чтобы вслед за умершим «не ушла з двора худоба». Неотъемлемой частью представлений о загробном мире у славян является образ «врат ада», охраняемых змеем, архангелом Михаилом, Николой и др., и «врат рая», возле которых стоят святые Петр и Павел. Особые поверья и ритуалы были связаны с кладбищенскими воротами. Часто считалось, что душа последнего умершего жителя села сидит на воротах кладбища в ожидании следующего покойника.

Ворота служили местом гаданий. На Украине на святки девушки выбегали ночью из дома, влезали на ворота и «окликали долю», пытаясь по отзвукам угадать свою судьбу. Через ворота перекидывали обувь, и когда она падала, по направлению носка определяли, откуда ждать сватов; стоя в воротах загадывали, кто пройдет мимо: появление мужчины сулило скорое замужество.

На некоторые праздники в ворота кидали палками и камнями, разбивали о ворота горшки, колотили

по воротам, чтобы шумом отпугнуть злые силы. В ворота били, приглашая в Сочельник на кутью мороз и др. стихии. Во врем обрядовых бесчинств молодежи ворота снимали с петель, забрасывали на крышу, дерево, кидали в реку и т. п. Иногда ворота похищали у соседей и бросали в реку, чтобы вызвать дождь.

На Троицу было принято строить ворота из веток и зелени. Под такими воротами «кумились» девушки. На свадьбе под зелеными арками-воротами проходили молодые и все участники свадебного поезда, чтобы защититься от порчи. У русских ворота из досок и бревен строили за селом при падеже скота. Их обвешивали полотенцами, рыли под ними ров и прогоняли по нему животных.

Дверь

Символ входа и выхода. В отличие от ворот, дверь обозначает границу жилого пространства, обеспечивая его связь с внешним миром (открытая дверь) и защиту от него (закрытая дверь); по ряду признаков дверь противопоставлена окну, что проявляется в обычае выносить «нечистого» покойника не через дверь, а через окно (или специально проделанный проем в стене). В христианстве значение двери трактуется как вход в царство небесное или дверь спасения, царские врата в храме.

В народных верованиях дверь (как и дом в целом) получает метафорическое осмысление в анатомическом коде, уподобляясь либо рту (например, при лечении верхнего зуба использовали щепку с верхней балки дверного косяка, а при лечении нижнего — щепку, срезанную с порога), либо женскому

детородному органу: ср., например, болгарский приговор при родах: «Как открывается дверь, так же пусть откроется и эта женщина» или русскую загадку о новорожденном: «Какой зверь из двери выходит, а в дверь не входит?».

В обрядовой практике дверь служит чаще всего объектом охранительных магических действий, относящихся к важнейшим моментам семейной жизни (роды, свадьба, смерть). Нормальным, по народным поверьям, считалось положение закрытых дверей; сон об открывающейся двери был предвестием беды.

Дверь дома с изображением апотропейных знаков — меловых крестов (с. Осовая Малоритского р-на Брестской обл.), 1977 г. Фото О. А. Терновской

Вставляя дверную раму при строительстве дома, украинцы Харьковщины закрещивали ее топором и говорили: «Двери, двери, будьте вы на заперти злому духови и ворови». Открытой держали дверь в особых случаях: если в доме был умирающий, дверь отворяли, чтобы помочь душе покинуть тело, и оставляли незакрытой до тех пор, пока родные не возвратятся с похорон. В ряде районов Сербии и Черногории

при выносе покойника было принято снимать с петель дверь и переворачивать ее. В южно-сербской области Косово при выносе умершего дверь снимали и ставили на место только после того, как гроб выносили со двора. Во многих местах у славян в поминальные дни и накануне Рождества дверь открывали или хотя бы оставляли незапертой, чтобы души умерших могли прийти на совместный семейный ужин. В родинном обряде открывание дверей, окон и шкафов использовалось как магическое средство для облегчения родов.

Объектом охранительной магии могла выступать как сама дверь, так и ее части: порог, притолока, дверные косяки и петли, замочная скважина и ручка. Особое внимание уделялось внешней стороне двери; для защиты от нечистой силы в дверь втыкали предметы-обереги (нож, вилы, обломки серпов и кос) либо рисовали на ней охранительные знаки. В обычаях было украшать снаружи дверь растительным орнаментом или рисунками растений и цветов. Изнутри дома дверь защищали тем, что закрещивали ее; ставили рядом с дверью ухват, топор, нож и другие металлические предметы, перевернутую вверх прутьями метлу и т. п.

Нередко дверь выступала и объектом очистительных ритуалов: по прошествии некоторых праздников, опасных периодов календаря или в случае массовых болезней ее обмывали святой водой, окуривали травами. В Болгарии в завершение свадьбы молодая обмывала свежей водой столбы ворот, дверь и углы дома.

Почтительное отношение к двери проявляется в запретах сжигать и вообще уничтожать старую непригодную дверь (болг.), а также в свадебных

обычаях, когда при входе в дом жениха новобрачная должна была поцеловать правый дверной косяк (серб.) или помазать медом дверь и порог дома (болг.). У южных славян дверь обливали также кровью жертвенных животных.

В обычаях ритуальных бесчинств дверь, как и ворота, является типичным объектом шуточных деструктивных действий: ее подпирали поленом, привязывали к ней трещотку, мазали дверь грязью, дегтем и т. п. К подобным действиям примыкает и обрядовое битье посуды о дверь, бросание в нее камней.

Место в проеме двери часто использовалось в лечебной магии: лежащего на этом месте больного «обметала» веником или обливала наговорной водой знахарка, перешагивала через него, заговаривая болезнь. Через открытую дверь вели магический диалог двое заговаривающих.

В гаданиях и приметах символика двери связана прежде всего с идеей «выхода» из дома, осмысляемого либо как замужество, либо как смерть. По русским поверьям, если незакрытые глаза покойника обращены к входной двери, то в доме будет еще один умерший. Если дым от погасшей свечи тянулся к двери, то это сулило девушкам замужество в новом году.

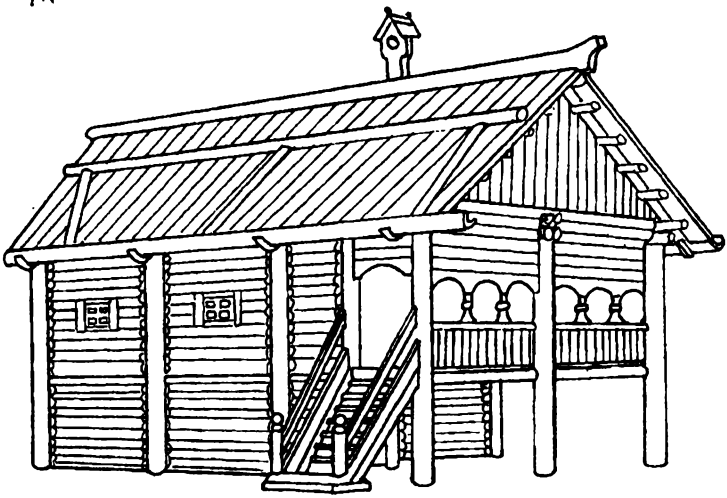
Порог

В повседневной жизни с порогом, как с пограничным и потому опасным местом, связывалось множество запретов: не разрешалось садиться или наступать на порог, здороваться или разговаривать через него, передавать друг другу

что-либо через порог, особенно детей. По украинским приметам, нельзя есть на пороге, иначе люди будут сплетничать; нельзя переливать через порог воду после стирки или помои, иначе нападет куриная слепота; запрещалось мести хату от порога, иначе заметешь в хату «злыдней» и ее станут обходить стороной сваты; нельзя выметать мусор через порог, особенно беременной, иначе у нее будут трудные роды, а у ребенка — частые рвоты. Если рубить что-нибудь на пороге или бить по нему, то тем самым пустишь в дом ведьму и жаб, а также отдашь себя во власть лихорадок, которые живут у порога. Нахождение на пороге связывалось со смертью, ср. в подблюдной песне: «На пороге сижу, за порог гляжу».

Порог как границу дома защищали с помощью оберегов. На Русском Севере в порог нового дома еще на этапе строительства закладывали капельку ртути или высушенную змеиную шкурку, а также прибивали к порогу подкову или обломок косы-горбуши. Гуцулы закапывали под порог в Юрьев день кусок железа, чтобы у тех, кто его переступит, были здоровые ноги. Русские, построив после пожара новую баню, закапывали в землю под ее порогом задушенную черную курицу.

Отправляясь в церковь крестить ребенка, украинцы и западные славяне для защиты от сглаза клали на порог или около него горячие уголья, нож, топор либо серп. На Полтавщине младенца передавали крестной матери через лежащий на пороге дома топор. В Житомирском районе крестные родители переступали через нож, положенный кверху острием на пороге. В Курской губернии новорожденного мальчика передавали крестной через порог, чтобы он стал «хранителем дома».



Реконструкция вида древнерусской избы. Вход, крыльцо, порог

С порогом были связаны многочисленные эпизоды семейных обрядов. На свадьбе молодая, входя после венчания в дом мужа, не должна касаться порога, почему ее подчас и вносили на руках. Впрочем, кое-где в России невеста, наоборот, становилась на порог или прыгала с него со словами «Кышьте, овечки, волчок идет!». На Украине молодая наступала на порог, утверждая этим свои права в новом доме.

До XIX в. на Украине сохранялся обычай закапывать под порогом умерших некрещеными младенцев; это соответствовало осмыслению порога как места, где обитают души умерших, и как границы между миром живых и миром мертвых. В Полтавской губернии мертворожденных детей закапывали под порогом, веря, что священник окрестит его, когда переступит через порог с крестом в руках.

При выносе гроба из дома у всех славянских народов было принято трижды ударять им по порогу, что символизировало прощание умершего с жилищем. Так поступали, чтобы покойник больше не возвращался домой (восточные и западные славяне) или чтобы в семье больше никто не умер (южные славяне). Впрочем, в некоторых местах, наоборот, не разрешалось задевать гробом за порог и дверные проемы. В Заонежье верили, что если такое случится, то душа покойного останется в доме и ее нелегко будет выжить.

При трудных родах роженицу трижды переводили через порог избы, что символизировало выход ребенка из материнской утробы. В Вятской губернии новорожденного клали сначала на шубу на стол, а после несли на порог и говорили: «Как порог лежит тихо, спокойно и смирно, так и мой ребенок, раб Божий (имя), будь тихий, спокойный и здоровый». В Заонежье женщина, возвращаясь домой после родов, переступала через младенца, положенного в избе вдоль порога, со словами: «Как порог этот крепок, так и ты будешь крепок... Все уроки и призоры, останьтесь на пороге, а с собой возьму здоровье».

В семейных обрядах и особенно в народной медицине с порогом связывается идея преодоления тоски, привычки, от которой хотели избавиться, болезни и избавления от страдания. У украинцев Харьковской губернии ребенок-сирота в день похорон отца или матери должен был, сидя на пороге, съесть кусок хлеба с солью, чтобы не тосковать по умершему и не испытывать страха. В Вологодской области от тоски спрыскивали больного водой через порог, причем знахарка стояла снаружи, а больной — в избе.

В Заонежье, чтобы отлучить ребенка от груди, мать кормила его в последний раз, сидя на пороге или стоя, поставив ноги по обе стороны порога.

Порог был местом совершения множества лечебных процедур и ритуалов. У русских при боли в спине или пояснице человек ложился на порог, а последний в семье ребенок-мальчик клал ему на спину веник и легонько рубил его топором, при чем происходил обрядовый диалог: «Что сечешь?» — «Утин (болезнь) секу». — «Секи горазже, чтоб век не было». В Вятской губернии мать «загрызала грыжу» у ребенка, сидя на пороге; знахарка меряла на пороге ребенка, а потом рубила на пороге его «рев, переполох». В Архангельской области на пороге лечили от испуга: больного ставили на порог, знахарка обходила его, держа в руках нож и топор, затем вонзала их в порог; при этом говорили: «Что сечешь?» — «Испуг секу, топором зарубаю, ножом засекаю, боль и испуг унимаю».

На пороге символически уничтожали колдунов, ведьм и другую опасность. У мораван женщина, которая подверглась влиянию колдовства, вбивала топор в порог, этим она выкалывала чародейнице глаза и колола ее тело. Гуцулы под Рождество обходили скот с хлебом, медом и ладаном, замыкали хлев и тогда вбивали в порог топор, чтобы замкнуть волку пасть. Словаки вбивали топор в порог во время грозы в качестве оберега.

Сидение и стояние на пороге как действие, противоречащее повседневной практике, широко применялось в славянской магии, в том числе связанной с нечистой силой, и могло сопровождаться иными действиями, имеющими кощунственный характер. На Русском Севере девушки гадали, сидя или стоя

на пороге бани; выходя из бани, девушка левой ногой наступала на порог, а правой на землю и произносила слова заговора-присушки; чтобы увидеть в бане черта, заходили в нее ночью и, ступив одной ногой за порог, снимали с шеи крест и клали его под пяту. В Заонежье считалось, что на Пасху каждый может увидеть домового и поговорить с ним: для этого следовало не пойти на заутреню, а сесть на порог и зажечь свечу, принесенную с заутрени в Великий четверг. В Полесье хозяйка в Страстной четверг пряла особую нить до восхода солнца на пороге, иногда раздетая донага.

Двор

Осмысляется как часть жилого освоенного пространства и вместе с тем, примыкая к чужому, внешнему миру, двор может быть опасным для домочадцев, особенно в определенное время суток (после захода солнца, ночью) и в некоторые календарные праздники.

Наличие ограды или хотя бы условного обозначения границы делает двор местом, защищающим жилое пространство от вредоносных внешних сил, а также объектом различных охранительных ритуалов. У всех славян распространен обычай в дни календарных праздников окроплять святой водой не только дом, но и все хозяйственные постройки, углы двора. Чтобы защитить двор от гадов и насекомых, у словаков следовало обежать вокруг него со звонком в руке или подмести его до захода солнца новой, не использованной ранее метлой, у сербов — окадить дымом и посыпать пеплом костра, в котором

собран мусор со всего двора. Русские крестьяне, чтобы защитить скот от сглаза, вывешивали на скотном дворе большую связку старых лаптей, отвлекая таким образом внимание опасного человека от животных.

Целый ряд поверий и магических действий связан с представлением о том, что все предметы, находящиеся во дворе или случайно туда попавшие, принадлежат «дому», «хозяйству», поэтому вынос их со двора ведет к нанесению ущерба благополучию дома и всего хозяйства. С этими поверьями связаны многочисленные запреты отдавать, выносить, передавать что-либо со двора во время важных для хозяйства событий, например при отеле коровы, перед первым выгоном скота в поле и особенно во время продажи скота. Русские крестьяне, передавая скот покупателю, следили за тем, чтобы к копытам животного не прилипла грязь, навоз, солома, щепки со двора и чтобы покупатель не прихватил чего-либо подобного с собой. Считалось, что таким образом успех в разведении скота переносится с одного двора на другой.

В пределах двора совершаются многие обряды, способствующие процветанию дома и хозяйства: колядование (ю.-слав.), дожинки (з.-слав.). Например, в польском Поморье на дожинки к дому пана приносили последний сжатый сноп и девять раз возили его по двору. Во дворе исполняются магические действия, способствующие разведению скота и домашней птицы. Так, чтобы не разбегались куры, на святки у западных славян было принято сметать к стене мусор со двора, у южных славян — кормить их в кругу веревки или цепи.

У русских во дворе совершались ритуалы задабривания домового, дворового. По восточно-славянским поверьям от дворового зависело благополучие скота и домашней птицы; выбор животных при купле-продаже связывали с предполагаемым «вкусом» дворового.

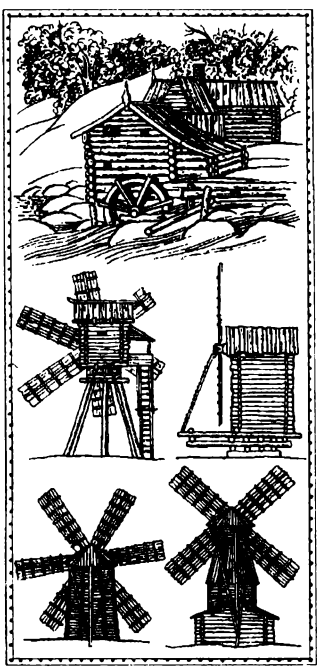
Восприятие двора как «не своего», чужого пространства связано с представлением о том, что вне стен дома, в том числе и во дворе, человеку угрожают опасные духи-демоны, души умерших, проходящие мимо люди с «дурным» глазом, а также колдуны и знахари, подбрасывающие во двор вредоносные предметы. Чтобы не задеть кружащие по двору души умерших, кашубы после захода солнца не выливают во двор грязной воды, не выбрасывают мусор, не спускают собак; опасаются брать воду из колодца и стоять под крышей у водостока во время дождя. Считается, что во дворе есть несколько особенно «плохих» мест: это место под стрехой, водосток, место, куда сливают помои, мусорная куча. По болгарским поверьям, человек, прошедший там ночью, заболеет, подвергнется действию злых сил, порче. Лечат такие болезни в других частях двора: около свинарника и рядом с кладкой дров.

В ряде ритуалов и обычаев двор выступает как некое «среднее» пространство, в котором стирается преграда между «своим» и «чужим» миром. Подобное восприятие находит отражение в ритуалах приглашения диких зверей, мифических существ и персонифицированных природных явлений (мороза, Ветра) на рождественский ужин во двор; в организации таких ритуальных встреч с предками, когда во дворе жгут огромные костры («греют покойников»), умершими детьми — русалками, для которых во дворе на Троицу развешивали одежду, и др.

Мельница

Обладает демоническими свойствами. Сочетание в мельнице природного и культурного начал, производимое ею превращение одного вещества в другое, использование силы стихий (воды, ветра), а также постоянный шум — все это определяет отношение к мельнице как к дьявольскому изобретению.

Мельница, особенно водяная, а также заброшенная, разоренная — это место обитания мифологических персонажей. Верят, что под мельничным колесом живет водяной, на мельнице русалка моет волосы, на столбах разрушенной мельницы сидят черти, а на крыше — вампир. Пустые мельницы стараются обходить стороной: караконджулы (водяные демоны) празднуют там свадьбы и могут затащить к себе прохожего. Черт заманивает на мельницу крестьянина, бесплатно мелет ему муку, но смешивает ее с песком и пр.



Водяная и ветряные мельницы: «столбовки» и «шатровки»

Ласка — животное-демон также связана с мельницей, болгары даже именуют ее «мельничной кошкой» (воденично коте). Если она повадится

лазить в курятник, особыми заклинательными формулами ее отсылают на мельницу.

Мельник, по поверьям, обязательно должен знаться с нечистой силой, прежде всего с водяным (ср. рус. сибир. «мельник» — «водяной»).

Части мельницы (колесо, жернова, конек, камень и др.) в силу своих специфических функций получают устойчивые символические значения и нередко используются в различных ритуалах. Так, уберечь скотину от падежа при эпидемии можно, зарыв в воротах украденную в полночь задвижку мельничной запруды. Вращающееся колесо мельницы способно повернуть ход болезни, поэтому, например, на него выливают воду, которой обмыли больного. Используется оно и в любовной магии; ср.: «Как быстро вертится колесо, так пусть вертятся в голове N. мысли обо мне» (болг.). С постоянным движением колеса ассоциируются быстрота и работоспособность, именно на него кладет первую самостоятельную пряжу девочки ее отец с пожеланием, чтобы у дочери спорилась работа. К магическим свойствам мельницы и ее частей добавляется очистительная сила воды, вступающей в контакт с мельницей. При трудных родах, чтобы ребенок быстрее появился на свет, роженицу опрыскивают водой с колеса. Такой водой умывались и молодые люди в Юрьев день, чтобы весь год быть ловкими и здоровыми. Считалось, что можно снять с человека порчу, если бросить его одежду в воду под мельницу.

Мельница независимо от ее типа (ветряная, водяная, ручная) в славянских языках является одной из самых архаичных и устойчивых метафор говорения и болтливости (ср. «молоть языком», «молоть вздор»; рус. диал. «мельник» — «болтун» и т. п.). Та же

метафора служит для интерпретации сновидений: видеть мельника во сне — к ссоре, пустую мельницу — к бесполезным разговорам.

В многочисленных славянских притчах и сказаниях работа мельницы и ее частей соотносится с речевым аппаратом (ср. рус. «Язык — безоброчная мельница», «Язык — жернов, мелет что на него ни попало» и др).

Мельница и жернова в загадках обозначаются по шумовому эффекту: рус. «Тах-тара-рах, стоит дом на горах»; болг.: «Бешеная собака в селе лает» и др. В волшебных сказках повествуется о чуде — мельнице, которая сама мелет, сама веет и пр. Сооружение мельницы входит в ряд заданий, которые невеста дает жениху. В сказках о падчерице, в легендах о святых мельница — одно из мест, где происходит действие.

У восточных славян известны святочные игры ряженых «чертова мельница», где в качестве хозяина выступает медведь или черт. Западные славяне, хорваты и словенцы на масленицу устраивают «мельницу», «переделывающую» стариков и старух в молодых.

Колодец

Колодец — объект и место, осмысляемое как пограничное пространство, как канал связи с потусторонним миром. Посещение колодца и набирание воды было окружено многочисленными запретами, которые соотносились с суточным и календарным временем и касались конкретных лиц. Считалось, например, что нельзя пить воду из колодца

в Юрьев день, когда земля «открывается» и выпускает яд (чеш.). Запрещалось ходить по воду женщинам во время месячных, беременным женщинам и роженицам (вост.-слав., зап.-слав.).

Колодец-журавль

Упоминания о «молениях беса у кладезя», о поклонении колодцам и о жертвоприношениях возле колодцев являются общим местом в обличениях язычества начиная с XI в.

В обрядах вызывания дождя у колодца совершались молебствия, взаимное обливание; из колодца вычерпывали воду, раскапывали и расчищали заброшенные колодцы и источники. В Полесье для обеспечения дождей принято было обходить колодец с иконой и хлебом-солью; колотить палками воду в колодце, разбрызгивая ее по земле; оплакивать возле колодца последнего в селе утопленника; бросать в колодец самосейный мак, семена льна, соль, хлеб, украденные горшки или черепки битых горшков и т. п. В болгарском обряде «Герман» для прекращения засухи «хоронили» фигурку Германа возле реки или у колодца.

Колодец в поверьях предстает как «чистое» место, находящееся под покровительством Богородицы, св. Пятницы, и в то же время как опасное место, связанное с нечистой силой, духами болезней, душами умерших. По поверьям южных славян, до восхода солнца на Благовещение в источниках и колодцах купаются вилы и самодивы, около колодца обитают духи болезней. У восточных славян духи, живущие в колодцах, назывались колодезник, водяной, русалка,

жаба и др. По болгарским поверьям, каждый колодец имеет своего покровителя.

Колодец использовали как канал связи с «тем светом». Болгары на заре склонялись над колодцем, ожидая, что при восходе солнца на водной глади появятся силуэты умерших родственников. У русских запрет отливать из ведра воду при набирании ее из колодца мотивировался тем, что «оттуда на нас родители смотрят» (калуж.).

Колодец служил местом символического «кормления» духов предков и нечистой силы с целью обеспечения удачи и здоровья, для увеличения богатства хозяйства, для сохранения чистоты колодезной воды. Повсеместно у славян в колодец бросали часть рождественской, новогодней, крещенской, пасхальной трапезы. Западные славяне таким образом «кормили» души предков, в чешских селах — угощали водяного.

На Троицу колодец украшали обрядовой зеленью. У сербов вечнозелеными растениями украшали колодец на Рождество — ради урожая. Поляки в день св. Агаты и накануне Крещения бросали в колодец освященную соль и лили «святую» воду — для защиты от нечисти. Повсеместно вода в колодце и в источниках считалась чудодейственной накануне Рождества, Крещения, Пасхи и других больших праздников: ею умывались, кропили постройки, замешивали на ней обрядовый хлеб.

В свадебных обрядах у славян широко распространен обычай водить к колодцу новобрачную наутро после брачной ночи. Хождение невесты за водой носило характер испытательного ритуала и символизировало ее приобщение к семье мужа. По белорусскому

обычаю, впервые пришедшая к колодцу молодая должна была положить возле него кусок свадебного пирога, сыр и деньги. У болгар около колодца с молодой снимали свадебное покрывало, трижды обводили вокруг колодца, после чего она кланялась колодцу, мазала его маслом, бросала в колодец зерно, хлеб, деньги.

Возле колодца и с помощью колодезной воды лечили больных. Водой из нового колодца мыли детей, чтобы они не плакали (рус.), поили бесплодных женщин (болг.), кропили людей и скот ради защиты от ведьм (чеш.). В воде, принесенной из трех колодцев, знахарка могла увидеть болезнь или того, кто наслал порчу. При лечении бешенства больного водили к колодцу: если он видел в колодце свое отражение, то можно было рассчитывать на выздоровление, в противном случае болезнь считалась неизлечимой (макед.). В колодец бросали предметы, символизирующие болезнь: горох, которым потерли лишай, коросту, завязанную в тряпочку (пол.); три ячменных зерна, которыми потерли ячмень на глазу (Карпат.). Чехи, считая, что лихорадки живут в колодце, заговаривали у колодца эту болезнь.

Как и другие водные источники (например, проруби) колодец часто служил местом девичьих гаданий о будущем. На святках девушки бросали в колодец первый блин, хлеб, кутью, заглядывали и кричали в колодец, замыкали колодец замком (восточные и западные славяне).

Согласно фольклорным мотивам, колодец служит путем, ведущим в иной мир. В сербских эпических песнях Королевич Марко, по совету вилы заглядывая в колодец, узнает час своей смерти.

ВНУТРЕННИЕ ОХРАННЫЕ УЗОРЫ

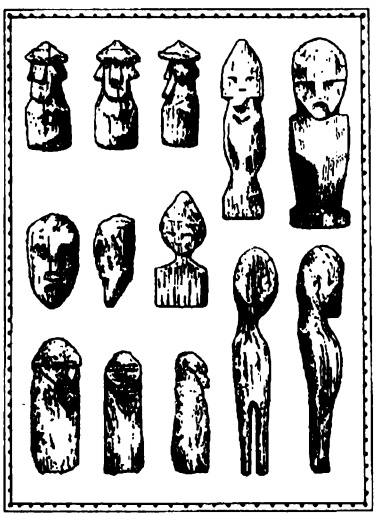
Древние славяне не ограничивались защитой своего дома только снаружи. Какими бы мощными охранительными орнаментами ни был покрыт дом извне, человеку все же необходимо было выходить из защищенной избы в окружающий мир, различные предметы вносились в избу и выносились из нее, приходили посторонние люди, двери открывались и закрывались — таким путем злыдни могли проникнуть в избу и изрядно попортить жизнь ее обитателям. Поэтому все предметы, используемые для приготовления пищи, изготовления одежды, вся мебель и утварь покрывались магическими орнаментами. По своему смыслу и значению они совпадали с внешними охранными орнаментами дома.

Оберегами служили не только орнаменты на предметах обихода, но и сами предметы — главным оберегом семьи внутри дома была печь: около печи давались клятвы, у печного столба заключались договора, в подпечье жил домовой, покровитель дома. Домового иногда называли «столбовой», а печной

столб служил образом предков-покровителей; в русских былинах на печном столбе часто сидит колдунья.

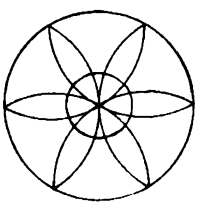
Вторым священным местом в избе была матица, главный срединный брус потолка. Очень древним славянским обычаем было вырезать на матице «колесо Юпитера», по обеим сторонам которого обычно располагались знаки вспаханного поля. Это было повторением небесного комплекса с фасада дома, однако не буквальным. Все магические элементы узора всегда приспосабливались к конкретным местам его применения. На матице «хляби небесные», ненужные внутри дома, заменялись землей. Так создавался образ солнца, постоянно светящего обитателям жилища.

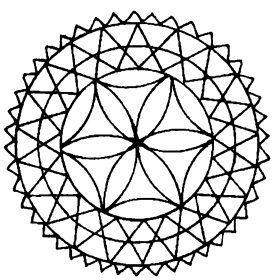
В христианские времена на матице вырезался восьмиконечный крест, значит, вера в магическую силу матицы не была утрачена и тогда.



Домовые. Деревянные фигурки домашних божеств (Новгород, раскопки Л. В. Арциховского)

В красном углу избы помещали древнего «кутного бога», а позднее — иконы. Но христианское мировоззрение так и не вытеснило полностью языческое — киот украшался ритуальными полотенцами и православные иконы соседствовали с вышитыми языческими сюжетами — богинями Ладой и Лелей, Макошью. На самих досках киота также вырезалась вся система языческих оберегов, принадлежащая культу солнца и «белого света». Например, резной киот с русского Севера: две горизонтальных доски киота покрыты сплошной резьбой. По углам расположены солнца (три — движутся, одно в виде «белого света»), а между ними обычный знак вспаханной земли. На нижней доске между солнцами и землей даны зигзагообразные линии воды, а столбики, соединяющие нижнюю и верхнюю доски, обрамлены дощечками с водяным узором (зигзаг и дырочки), напоминающим о дожде.

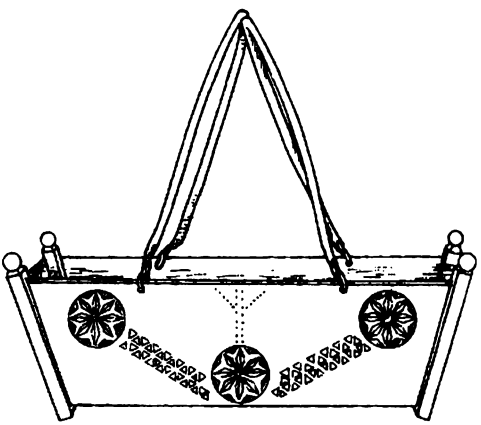




Громовый знак.
Изображения с донца прялки и матицы избы

Бытовая утварь внутри дома не только использовалась в различных магических обрядах, но и покрывалась охранительным орнаментом. Практически не орнаментировались только стол (так как он обычно покрывался скатертью с вытканным или вышитым узором), ведра, квашни, ушаты; не украшались также печные принадлежности, которые в народных сказках всегда связываются с нечистой силой.

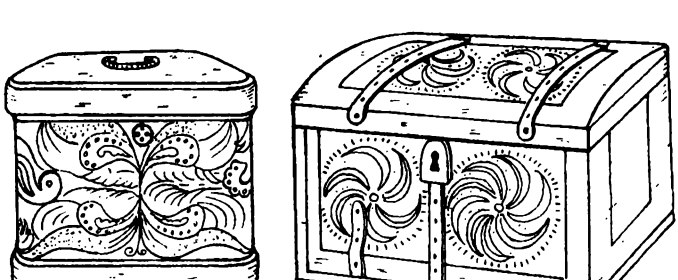
Вся остальная движимая обстановка дома охраняла его обитателей от зла, начиная с младенчества. Колыбель, показанная на рисунке, украшена охранительным орнаментом: солнечными знаками и человеческой фигурой с поднятыми к небу руками; причем этот магический узор приспособлен к конкретной ситуации. В своей средней позиции солнце опущено ниже линии горизонта, так как охранный орнамент люльки рассчитан на ночное время, когда все спят и некому смотреть за ребенком. Поэтому здесь подчеркивается существование солнца в мире даже ночью, когда оно, невидимое людям, совершает свой путь от заката к восходу.



Колыбель с символом ночного солнца

Резными конскими головами украшались настенные полки и скамьи, наиболее богато было украшено место хозяина. Например, в богатых новгородских домах, где хозяин имел собственное кресло, на спинке вырезались солнце в трех стандартных позициях (восход, зенит, закат), знаки вспаханной земли, «хляби небесные».

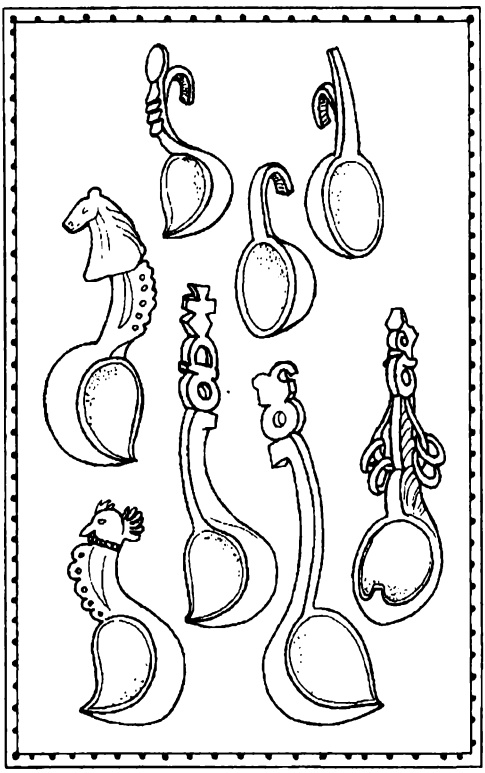
Очень тщательно и богато покрывались охранными узорами хранилища домашнего добра: сусеки для зерна, сундуки, укладки для праздничной одежды. Система защиты была та же: солнечные знаки, круги «белого света», символы плодородия. На сундуках знак солнца с шестью лучами внутри круга нередко отражал существование дневного и ночного солнца: три луча из шести были светлыми, три — темными.



Сундуки с охранными узорами

Предметы, связанные с хранением и употреблением пищи, связывали с понятием изобилия. Емкости для пищевых продуктов (туеса, короба) в древнем Новгороде украшали символами плодородия: ромбами, квадратами «засеянного поля», плетенкой. Орнаменты покрывали короба сверху донизу, выражая тем самым идею полноты. То же пожелание

«да будет полон этот сосуд» выражал волнистый узор по краю горшков. Узор изображал воду, так как она была необходима для приготовления в горшке любого кушанья. Волнистый знак воды изображали и на ложках, причем выше черпака, чтобы подчеркнуть ту же идею полноты.



Ковши и солонки с солнечными знаками

Посуда более другой утвари украшалась охранной и защитной символикой. Она непосредственно вмещала то, что входило в человека (еду, питье),

и на своем пути от печки до стола могло подвергнуться воздействию злых сил.

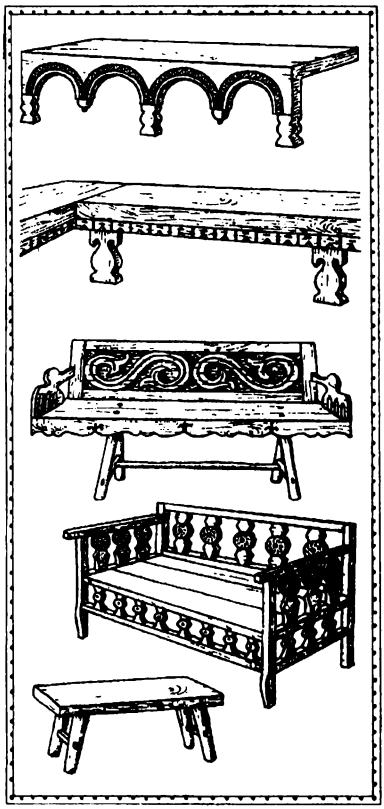
Соль была раньше довольно дорогим продуктом, поэтому солонки сохранили богатый узор вплоть до XIX в. Их украшали символами земли и солнца, знаками «белого света», конскими головами. Пышно украшались ковши, ендовы и другая пиршественная посуда для напитков: знаками солнца и символами движения небесного светила — конями и водоплавающими птицами. Иногда на ручке ковша солнечный знак совмещался с фигурой коня (для дневного пути солнца) или утки (для ночного пути солнца).

На столовой посуде преобладают изображения не солнца как такового, а существа, которое, по мысли предков, содействует движению светила: коня или утки-гуся. Знак солнца также обязательно присутствует на посуде, но его движение показано не тройственным расположением, а одним символом на груди утки-чаши.

Русская прялка была предметом не только домашним, но и парадным — ее носили с собой на посиделки, поэтому она богато орнаментировалась символами солнца и земли. Оберегаемая солнцем и «белым светом» земля в древности изображалась символом, и лишь с середины XIX в. на центральном пространстве лопатки прялки появились образы русских людей: всадников, прях, гуляющих парочек. Но солнце все же продолжало свой путь и по дневному и по ночному небосводу.

Таким образом, изображение хода дневного и ночного солнца было главной частью системы охранительных узоров, направленных против упырей и навий, — солнце, согревающее и оберегающее землю, разгоняет духов тьмы.

Скамейка, в отличие от лавки, была подвижной.



Простые и узорные скамейки

В старинных избах лавки украшались «опушкой» — доской, прибитой к краю лавки и свисавшей с нее подобно оборке. Такие лавки назывались «опушенными» или «с навесом», «с подзором».

В традиционном русском жилище лавки шли вдоль стен вкруговую, начиная от входа, и служили для сидения, спанья, хранения различных хозяйственных мелочей.

Под лавками хранили различные предметы, которые в случае необходимости легко было достать — инструменты, обувь и проч. В традиционной обрядности и в сфере традиционных норм поведения лавка выступает как место, на которое позволено сесть не каждому. Так, входя в дом, особенно чужим людям, было принято стоять у порога до тех пор, пока хозяева не пригласят пройти и сесть. То же касается и сватов: они проходили к столу и садились на лавку только по приглашению. В похоронной обрядности покойного клали на лавку, но не на любую, а на расположенную вдоль половиц. В обряде перехода девочки в возрастную группу девушек-невест лавка символизировала собой путь, преодолев который девочка изменяла свой статус: после хождения по лавке взад и вперед несколько раз девочка должна была впрыгнуть в сарафан (Владимирская губерния) или женскую поясную одежду поневу (южно-русские губернии), которые являлись знаком обретения нового статуса.

Каждая лавка в избе имела свое название, связанное либо с ориентирами внутреннего пространства, либо со сложившимися в традиционной культуре представлениями о приуроченности деятельности мужчины или женщины к определенному месту в доме (мужская, женская лавки).

Печь

Печь — наиболее мифологизированный и символически значимый предмет обихода. Наряду с красным углом и столом печь является одним из сакральных центров дома.

Печь в русской избе. Музейная реконструкция

Характер символического осмысления печи во многом предопределен тем, что поддержание домашнего огня и приготовление пищи были специфически женскими занятиями. Незаметная, подчас даже намеренно скрытая от мужчин повседневная деятельность женщины протекает как бы в присутствии предков и под их покровительством. Внутреннее полое пространство печи, «яма», может символизировать собой отверстия женского тела (лоно, рот).

В противовес красному углу, в котором хранятся иконы и человек как бы предстоит перед лицом Бога, печь воплощает сакральность иного типа. В ней готовят пищу, на ней спят, а в некоторых регионах используют также и в качестве бани. С ней, по преимуществу, связана народная медицина. В связи с этим и символика печи отнесена главным образом не к сфере ритуального или этикетного поведения

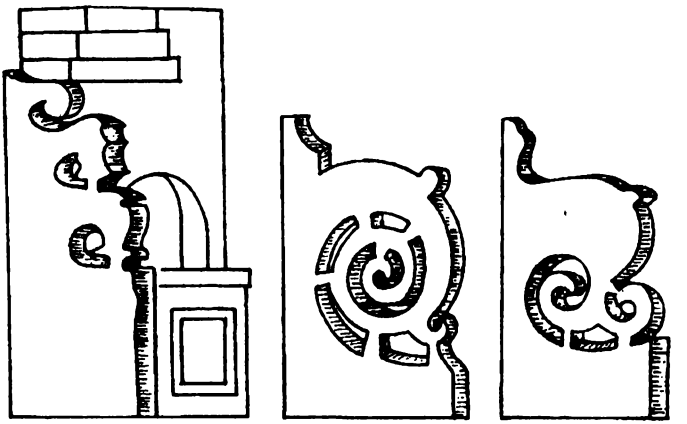
человека, а к его интимной, «утробной» жизни в таких ее проявлениях, как соитие, дефлорация, развитие плода, рождение и, с другой стороны, агония, смерть и посмертное существование.

Печь играет особую символическую роль во внутреннем пространстве дома, совмещая в себе черты центра и границы. Как вместилище пищи или домашнего огня она воплощает собой идею дома в аспекте его полноты и благополучия и в этом отношении соотнесена со столом. Поскольку через печную трубу осуществляется связь с внешним миром, в том числе с «тем светом», печь сопоставима и с дверью и окнами. Печная труба — это специфический выход из дома, предназначенный в основном для сверхъестественных существ и для контактов с ними: через нее в дом проникают огненный змей и черт, а из него вылетают наружу ведьма, душа умершего, болезнь, доля, призыв, обращенный к нечистой силе, и т. п.

Символическую функцию печь выполняет и в том отношении, что в ней готовится пища, т. е. природный продукт превращается в культурный объект, сырое — в вареное, печеное или жареное, а дрова, в свою очередь, обращаются в пепел и дым, восходящий к небесам.

Разные символические значения печи актуализировались в зависимости от обрядового контекста. Если в свадебном и родинном обрядах она символизировала рождающее женское лоно, то в похоронном — дорогу в загробный мир или даже само царство смерти, подчас дифференцированное на ад и рай. Если в обрядах, призванных приобщить новорожденного ребенка или купленное домашнее животное к дому, она обозначала его средоточие,

то в быличках о проникающем в дом огненном змее или черте с ней связывалась смертельная опасность для его обитателей.



«Коньки» — священные изображения у печей в русских избах

Совершенно разные значения получали одни и те же действия, совершаемые в ходе разных обрядов: когда заглядывали в печь, вернувшись с похорон, то таким образом хотели избавиться от страха перед покойником и тоски по нему; когда то же совершала невеста, входя в новый дом, то этим она выражала пожелание, чтобы умерли родители ее жениха.

На Украине, в Белоруссии и в Польше было принято, вынув хлеб или другую пищу из печи, положить туда одно, два или три полена. Делали это в основном для того, чтобы по ним на «том свете» перейти через пекло, через огненную реку или канаву с кипящей смолой. Известны, однако, и другие мотивировки: вынув хлеб из печи, нужно бросить туда полено, чтобы хлеб не выводился, «чтобы не зевала

печь», т. е. не было голода в хате. На ночь в печь клали полено и ставили горшок с водой, чтобы у печи или у огня было что есть и пить.

Огонь в печи осмыслялся как живое существо. Известен бродячий сюжет о разговоре двух огней. Один из них жалуется другому, что его хозяйка плохо за ним следит, и сообщает, что собирается в виде наказания устроить пожар и сжечь ее дом. Несмотря на то что домашний огонь выполняет культурные функции, он сохраняет свою связь со стихией небесного огня и при необходимости может противостоять ей. Например, в Вологодской губернии затапливали печь, чтобы утишить грозу. Как средство против грозы и других стихийных бедствий у славянских народов использовалась и печная утварь. При приближении градовой тучи выбрасывали на двор хлебную лопату или кочергу либо складывали их крест-накрест, чтобы защитить посевы от града.

Домашний огонь непрерывно поддерживали в печи и сохраняли ночью в виде горячих углей. Их старались не давать в другой дом — вместе с домашним огнем семью могли покинуть достаток и благополучие. При переходе на новое местожительство переносили с собой угли из старого жилища и вместе с тем переманивали домового.

С другой стороны, горение огня в печи может символизировать протекание жизненных процессов в человеческом теле. В любовной магии и магических действиях, направленных против воров, поддерживаемое в печи пламя призвано зажечь внутренний огонь, пожирающий человека. Процесс поддержания огня и приготовления хлеба и, в частности, действия с кочергой и хлебной лопатой в загадках и свадебных обрядах осмысляются как супружеские

отношения. Формирование плода в материнской утробе также может уподобляться выпеканию хлеба; ср. украинское «у печурце родився» — о счастливом человеке; белорусское «и в старой печи огонь хорошо гориць» — о стариках, у которых родятся дети.

Когда кто-нибудь уходил из дома, печь закрывали заслонкой, чтобы ему повезло в пути и его не поминали лихом оставшиеся дома. В Новгородской губернии закрывали печь, садясь ткать, чтобы хорошо удалась работа. В Полесье хозяйка, вынув из печи хлеб, закрывала ее заслонкой, иначе, по поверью, когда она умрет, у нее будет рот «раззявлен». При приближении грозы заслоняли трубу, чтобы черт или другая нечистая сила не могли туда спрятаться и гром не ударил в хату.

Через трубу зовут пропавший в лесу скот в надежде, что он вернется обратно. В Страстной четверг хозяйка окликала скотину по именам через печную трубу, а хозяин, стоя на улице, отвечал за животных, чтобы летом они не заблудились в лесу. В Новгородской губернии в Страстной четверг хозяйка открывала печную трубу и кричала в нее: «Коровушки, не спите в лесу, ходите домой». В Ровенской области шепчут заговор от укуса змеи в печь: «Штоб у печ пошло». В Житомирском районе рассказывают о случае, когда мать позвала через трубу сына, служившего в армии, после чего на того напала смертельная тоска. На Ровенщине полагали, что когда человек умирает, нужно закрыть трубу и отворить двери, иначе душа вылетит через трубу и достанется черту. И наоборот, в Брестской области при тяжелой смерти колдуна обязательно держали открытой печную трубу, а то и разбирали потолок и крышу.

Отворяли трубу и во время календарных поминок, чтобы через нее могли проникнуть души умерших.

Окно

Снабжено многими функциями и фигурирует в обрядах в качестве нерегламентированного входа или выхода, противопоставленного двери.

У украинцев, белорусов, поляков и других славянских народов передавали через окно младенца, чьи братья и сестры до этого умирали, чтобы он остался в живых. Через окно выносили детей, которые умерли некрещеными, а иногда и взрослых покойников. Во время агонии или сразу после смерти человека отворяли окно и ставили на него чашку с водой, чтобы душа, выйдя из тела, могла омыться и улететь.

В поминальной обрядности через окно осуществлялось общение с душами умерших: вывешивали из окна полотенце, платок или кусок ткани, а на подоконник ставили стакан с водой, чтобы душа приходила умываться и вытерлась полотенцем; через окно провожали на кладбище души после поминального вечера и т. д.

В причитаниях смерть влетает в окно черным вороном или сизым голубком. В приметах если птица залетит в окно, то это сулит скорую смерть.

В снотолкованиях увидеть во сне дом без окон — к смерти. В русских и украинских причитаниях гроб противопоставляется дому как темное помещение без окон или с единственным окном. В то же время гроб уподобляется жилому дому, и в нем тоже иногда прорубали небольшое окошко. Дом Бабы-Яги в сказках, как правило, не имеет окон.

Через окна не разрешалось плевать, выливать помои и выбрасывать мусор, так как под ними якобы стоит Ангел Господень. Вообще стоять под окном обозначает быть нищим или посланцем Бога. Через окно осуществляется подчас диалог между хозяевами и колядниками, волочебниками или участниками других «обходных» обрядов.

Согласно народным представлениям, на небе есть окно, через которое солнце смотрит на землю; ср. в загадке о солнце: «Красная девушка в окошко глядит».

Зеркало

Наиболее распространенные формы зеркал — квадратная и прямоугольная; размеры могли варьироваться, но сама зеркальная пластина обычно не превышала в длину 40 — 50 см. Зеркала могли быть в оправе или без нее. Обрамление зеркала, как правило изготавливалось из дерева так, что отражающая поверхность несколько утопала в оправе, которую украшали резьбой, сквозной или рельефной, росписью. Орнамент как резьбы, так и росписи был большей частью растительный. Зеркало обычно закреплялось в простенке между окнами. В русской деревне оно появляется и распространяется довольно поздно, в XIX в., являя собой предмет роскоши и показатель зажиточности дома. Согласно своей роли в быту, зеркало почти всегда украшается дополнительно к росписи и резьбе нарядными полотенцами, декорированными вышивкой, ткачеством и кружевом.

В традиционной духовной культуре зеркало является символом отражения и удвоения действительности; в народных представлениях оно, подобно воде,

окну, порогу, являет собой границу между мирами. Пограничный характер зеркала закрепил представление о нем как об опасном предмете, обращение с которым требовало осмотрительности. Поэтому естественно, что в быту и в обрядовой практике с зеркалом связывался ряд запретов и особых правил обращения с ним.

Так, у русских, как и у всех славян, существовал запрет смотреться в зеркало ночью — время, когда активизируется нечистая сила. Особо опасным считалось время грозы. В подобный момент стихийного движения природных сил, в том числе и нечистой силы, следовало завесить зеркало, закрыть окна, двери, печную трубу. Все эти действия прерывали контакт, замыкали границу между двумя мирами: домашним и стихийным.

В некоторых регионах существовал запрет смотреться в зеркало беременной женщине, чтобы не повредить будущему ребенку. Ребенка в возрасте до года старались не подносить к зеркалу, так как он может испугаться своего отражения или нечистой силы, находящейся в зеркале. По народным представлениям, ребенку будут сниться плохие сны, он перестанет расти или его может подменить нечистая сила, если он посмотрится в зеркало.

В свадебной обрядности зеркало наделялось любовной и брачной символикой. Так, парень, ухаживая за девушкой, мог подарить ей зеркальце, а в северо-русской свадьбе во время обряда, носившего название «дарить на белила» и совпадающего с общерусским обрядом смотрин невесты; жених наряду с мылом, гребнем и румянами преподносил своей невесте зеркальце.

Повсеместно был распространен и существует до сих пор обычай сразу после смерти человека завешивать зеркало полотенцем, отворачивать к стене или выносить из помещения, где находится покойник. По народным представлениям, при открытом зеркале отражение в нем покойника может повлечь за собой смерть кого-либо из его родных. У русских запрет открывать зеркало сохранялся до момента похорон, то есть до выноса покойного из дома.

Был обычай класть зеркало в гроб, особенно молодым девушкам, парням. Традиционно считалось, что оно наряду с другими предметами (иглами, веретеном, рукоделием — для девушки; трубкой — для парней; игрушками, цветами, яблоками — для детей) необходимо покойному на «том свете».

При обработке льна, напротив, старались с помощью зеркала получить отражение льна, чтобы лен «гляделся». Вероятно, такое магическое действие должно было способствовать умножению получаемого при обработке льна.

Зеркало получило широкое распространение в практике святочных гаданий. Святки, открывая новый календарный год, являли собой также время предсвадебной обрядности. Это было время, когда девушке или парню в пору задуматься о своей судьбе в новом году. Гадания с зеркалом были самые разнообразные. Чтобы узнать своего суженого-ряженого, девушка расстилала на столе белое чистое полотенце, на него клала зеркальце, поверх которого ставила рюмку с водой и опущенным туда кольцом. Следовало пристально смотреться в кольцо до тех пор, пока не покажется лицо жениха.

С той же целью производилось гадание на сон: зеркало, как и другие предметы, наделенные брачной

символикой (гребень, кольцо), клали под подушку, произнося магические слова, приглашающие будущего жениха. Должен был присниться суженый-ряженый.

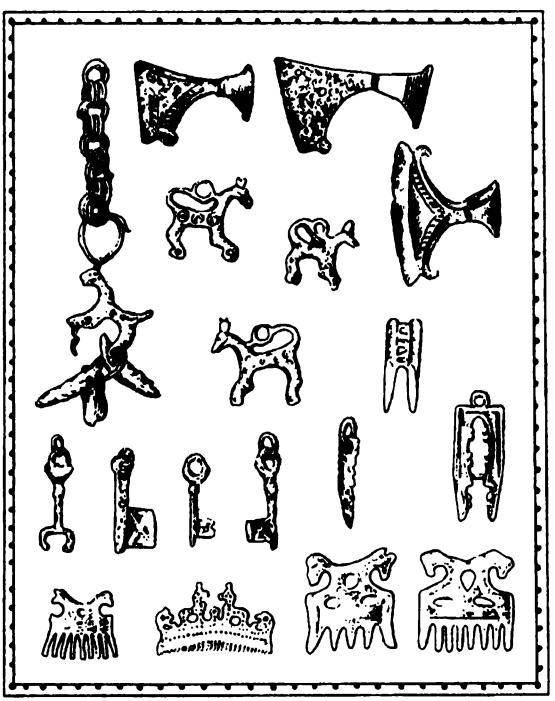
Гадания с зеркалами были распространены у русских повсеместно и были очень популярны несмотря на то, что считались опасными из-за нечистой силы, которая могла из зеркала появиться.

Топор

Топору — оружию Перуна — издревле приписывалась чудесная сила. Так, топор с символическим изображением солнца и грома, всаженный в дверной косяк, был непреодолимым препятствием для нежелательных духов, стремящихся проникнуть в человеческое жилище. Другой символ Перуна — «громовый знак», похожий на колесо с шестью спицами. Его изображение часто воспроизводилось на щитах славянских дружинников. Перуну было посвящено животное — дикий тур, громадный лесной бык.

Топор наряду с другими острыми железными предметами (ножом, серпом, косой и др.) — оберег и отгонное средство против нечистой силы и болезней. У восточных славян топор клали под ноги скотине при первом выгоне на пастбище, чтобы уберечь ее от порчи и хищников. Для этой же цели на русском Севере пастух обходил стадо с топором; болгары забивали топор в дерево, чтобы защитить себя от волков. В Полесье топор клали под порог, чтобы вампир не смог проникнуть в дом; на Украине и у западных славян под постель роженице и под колыбель

новорожденному наряду с другими железными предметами клали топор, чтобы оградить их от порчи и злых духов. Чтобы оградить живых от влияния смерти, топор клали под лавку, где лежал покойник, или на лавку после выноса тела. Сербы клали топор около обмолоченного жита, оставшегося вне амбара, чтобы защитить его от ночных демонов. В карпатском свадебном обряде дружка, вводя в дом новобрачных, ударял топором крест-накрест о притолоку двери, чтобы обезвредить возможную порчу.



Обереги. Наверху миниатюрные топорики, далее — рыси и схематические изображения челюсти хищников. Внизу — модели ключей и гребней

На Русском Севере считали, что водяной не сможет повредить человеку, если тот вслух упомянет о топоре и других острых предметах. Топор использовали, чтобы остановить град, символически «рассечь» градовую тучу.

Чтобы защитить от злых сил новорожденного ребенка, сербы для него делали амулет в виде маленького топора. Его изготовляли в полночь накануне пятницы муж и жена, раздевшись донага и сохраняя молчание. Ребенок, для которого был изготовлен амулет, должен был носить его всю жизнь в качестве оберега.

Топор как предмет, сделанный из железа, используется в магической практике для сообщения человеку и скотине силы и здоровья. На Западной Украине, ложась спать на Новый год, около постели клали топор, а утром вставали на него, чтобы ноги были здоровыми и крепкими. Чтобы рана на ноге быстрее зажила, под ноги клали топор. Для этой же цели чехи утром в Страстную пятницу вставали босыми ногами на топор. Чтобы легче родить, сербские женщины пили воду, в которой был вымыт острый топор. В Полесье после выноса покойника из дома через порог бросали топор, чтобы оставшиеся члены семьи были здоровы.

В народных верованиях топор ассоциировался с мужским началом. В Белоруссии, если супруги хотели иметь мальчика, они в изголовье кровати клали топор, а если девочку — серп. У восточных славян было принято пуповину новорожденному мальчику отрезать на топоре. Согласно полесским аграрным обычаям, перед началом пахоты нужно воткнуть в землю топор, чтобы обеспечить хороший урожай.

Иногда лезвие топора ассоциировалось с острыми зубами грызунов и хищников, поэтому у болгар в первый день Великого поста запрещалось прикасаться к лезвию топора и других острых предметов, чтобы вредители не нападали на поля.

На украинских Карпатах и в Восточной Словакии применялись ритуальные топорики, которые служили знаком власти и магической силы старшего пастуха.

Веник

Предмет для колдовства и в то же время оберег от злых сил.

По народным представлениям, демоны могли появляться в виде летящей метлы, оборачиваться веником или помелом, волочить за собой веник или держать его в руках. Веником ведьма сбивает росу, отбирая у коров молоко, дотрагивается им до вымени чужой коровы, волочит веник по полю, чтобы отобрать урожай. Веник подбрасывали к дому, под порог, в огород, перебрасывали через дом, подкладывали в телегу жениха и невесты, бросали вслед человеку, чтобы навести порчу, вызвать ссоры, болезни, несчастья. На Русском Севере считали, что банник живет в куче неошпаренных банных веников, а домовой обитает под веником. При переезде в новый дом обязательно брали с собой старый веник.

С веником связано множество запретов и предостережений: старый веник нельзя было выбрасывать вблизи дома, на дороге, где на него может наступить человек или животное,— это грозит болезнями, особенно коростой, чесоткой, недержанием мочи, бессонницей и другими бедами. Широко распространен запрет бить веником человека и скотину — ребенок или животное не будут расти, станут худыми и сухими, как веник. Старый веник обычно запрещалось сжигать в печи, так как это вызывает ветер, вихрь, бурю, нашествие нечисти — вшей, клопов, тараканов, а также ссоры и раздоры в семье.

Защитные свойства веника, его способность противодействовать нечистой силе также связаны с его утилитарной функцией очищения, устранения нечисти. Для отгона демонов метлу ставили перед дверями дома или хлева (часто ручкой вниз), обходили дом, размахивая метлой и произнося специальные заклинания; бросали веник вслед человеку с дурным глазом; били веником пойманную ведьму или подменыша; били веником о порог дома, прогоняя чужого домового, вредящего хозяйству.

Веник использовали для защиты роженицы и новорожденного от злых духов: его клали в изголовье, под колыбель, прислоняли к колыбели. Веником расчищали путь свадебному поезду, дорогу жениху и невесте, идущим в баню, чтобы защитить их от порчи.

Для защиты посевов и урожая от птиц и грызунов обходили поле по солнцу со старым веником в руках и махали им от себя; подкладывали в снопы колядный веник или три прутика от него; рассыпали прутья веника в амбаре или погребе.

Веник помогал и в случае, когда не удавалась какая-нибудь работа: если плохо сбивалось масло,

маслобойку били старым веником или подкладывали под нее веник; чтобы при тканье не путалась основа, трижды ударяли ее веником; если при тканье рвалась нить, сквозь веник девять раз проливали воду и выливали ее на дверные петли; чтобы хорошо выпекался хлеб, на припечке жгли старый веник, били им по дну дежи и т. п. При пожаре обходили со старым веником горящий дом.

При первом выгоне скота подкладывали веник под порог, терли им корову, кропили скот водой с веника. Когда вели корову на случку, погоняли ее старым березовым веником или били ее веником, чтобы она «погуляла». Веником били и плодовые деревья, чтобы вызвать хороший урожаи фруктов.

Чтобы куры держались своего дома, на чердак по праздникам забрасывали веник; подвешивали веник и старый лапоть на угол дома для защиты цыплят от хищных птиц.

Старый веник втыкали в грядки с капустой, огурцами, чесноком, в поля растущего льна, ржи, чтобы уберечь их от порчи и стихийных бедствий. Крестьяне Сибири при посеве репы держали во рту обломок комелька веника как средство от порчи.

Веник использовали в лечебной магии: больных били веником, обметали веником, прикасались им или привязывали его к больному месту, укладывали больного на веник, накрывали им больного, перебрасывали веник через больного, заставляли его перешагнуть через веник, кропили больного водой с веника; парили прутья веника и давали больному пить отвар, окуривали больного прутьями веника и т. п. Для избавления ребенка от ночного крика его водили по дому, обметая его новой метлой; клали его у печи и трижды обметали с головы до ног, били его веником

на пороге, зашивали десять прутиков в одежду ребенка, выбрасывали одежду ребенка со старым веником в окно. Если ребенок долго не начинал ходить, клали ему между ног веник, затем рассекали его и раскидывали прутья. Русские для лечения радикулита совершали особый обряд «рубить утин»: рубили веник на пороге или на пояснице больного, произнося приговор.

В обрядах опахивания села при море и эпидемиях участвовали женщины с вениками или метлами в руках. Во время похорон умершего от холеры за гробом шла вдова и мела веником до самого кладбища, «выметая холеру», или две вдовы бежали за гробом с голиками в руках и за селом их выбрасывали.

Во время засухи веники применялись при вызывании дождя: бросали в колодец сухой веник или разбрасывали прутья от веника на перекрестке; жгли на перекрестке 12 старых веников; обходили с веником село. Для остановки дождя и отгона тучи выбрасывали из дома веник, часто вместе с хлебной лопатой, кочергой и т. п.; забрасывали метлу и кочергу на крышу. Весной, заслышав первый гром, в Полесье трижды кувыркались через веник.

В девичьих гаданиях о замужестве использовался колядный веник, т. е. веник, которым подметали в доме на святки. Его подбрасывали вверх, примечая, в какую сторону он упадет; бросали на дорогу, ожидая, что его поднимет суженый, подкладывали веник или прутья от него на ночь под подушку в ожидании вещего сна; выбрасывали веник на мусорную кучу, прислушиваясь к собачьему лаю и т. п. На русском Севере девушки гадали с банными вениками: после мытья в бане в день Аграфены Купальницы (23 июня) они бросали свои веники в реку и по тому,

как они плыли или тонули, гадали о жизни-смерти и о замужестве.

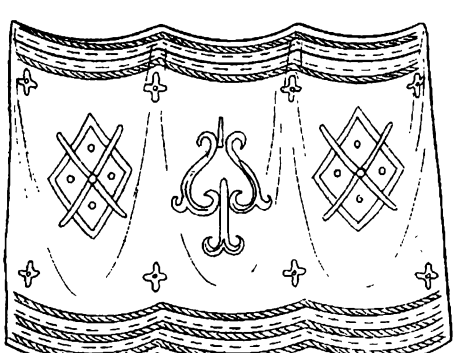
В свадебном обряде банный веник играл большую роль: во время девичника наряжали банный веник и, пока топили баню, ставили его на крышу, а затем торжественно несли перед невестой в баню; разбирали веник на прутья, каждый обвязывали красной лентой и втыкали по обеим сторонам дорожки в баню («вершили дорожку»); на обратном пути из бани раскидывали веник, которым парилась невеста, и по нему шли к дому.

В погребальном обряде и в поверьях о смерти веник связывается с душой умершего. Для облегчения агонии знахарки перебрасывали веник через крышу дома; без особой нужды старались не трогать веник, чтобы «не тревожить душу». После выноса покойника веник было принято выбрасывать вместе с мусором и щепками от гроба. На Вологодчине покойницкий веник и щепки от гроба спускали в реку, а зимой бросали на лед, чтобы весной их унесло вместе со льдом. Часто листья от веника разбрасывали по дну гроба или набивали ими подушку (ср. рус. выражения «пора на веники» — «пора умирать»). На Радуницу вениками обметали могилы близких. Покойницкий веник использовался в хозяйственной и лечебной магии: его прятали в хлев для оберега скота, втыкали в поле и огород и т. п.

К празднику Ивана Купалы был приурочен обряд уничтожения старых, стершихся веников и заготовки новых. Старые веники сжигались в купальском костре, что символизировало уничтожение ведьмы.

Полотенце

Полотнище белой ткани, отделанное вышивкой, тканым цветным узором, лентами, полосами цветного ситца. Размеры полотенца были различны. При постоянной ширине в 39 – 42 см его длина могла достигать 5 м. Полотенце украшалось, как правило, на концах. Полотнище полотенца орнаментировалось редко. Характер и количество украшений, расположение их, цвет, материал — все это определялось местной традицией, а также назначением полотенца.



Праздничное полотенце с символикой плодородия

Прежде всего отметим, что полотенце выполняло раньше совершенно иные функции: оно использовалось только для праздничного убранства избы. Руки и лицо вытирали рукотерником, утиркой, утиральником.

Полотенца вывешивались на стены, зеркала, иконы к большим праздникам: во время свадеб, на крестильном обеде, в день трапезы по случаю возвращения

с воинской службы сына или приезда долгожданной родни. Полотенца развешивали на стенах, составляющих красный угол избы, и в самом красном углу. Их надевали на деревянные гвозди — «крюки», «спички», вбитые в стены. Каждая крестьянская девушка могла выткать необходимый для полотенец тонкий белый холст и орнаментировать его так, как это было принято в ее деревне. По обычаю, полотенца являлись необходимой частью девичьего приданого. Их было принято демонстрировать родственникам мужа на второй день свадебного пира. Молодуха развешивала полотенца в избе поверх полотенец свекрови, чтобы все могли полюбоваться на ее работу. Количество полотенец, качество полотна, мастерство вышивки — все это позволяло оценить трудолюбие, аккуратность, вкус молодой женщины. В русской деревне также существовал обычай одаривать полотенцами родственников жениха, участников свадебного поезда: дружку, подружек, тысяцкого, сватов. Ко дню своей свадьбы девушке приходилось заготавливать до ста полотенец.

Полотенце вообще играло большую роль в обрядовой жизни русской деревни, очень часто оно выступало объектом почитания, предметом особой важности, без которого ритуал любого обряда был бы не полон.

В день свадьбы полотенце использовалось невестой в качестве фаты. Накинутое на голову, оно должно было предохранить ее от дурного глаза, порчи в самый ответственный момент жизни. Полотенце применялось в обряде «соединения молодых» перед венцом: им связывали руки жениха и невесты «на веки вечные, на годы долгие». Полотенцем одаривали бабку-повитуху, принимавшую роды, кума и куму,

крестивших младенца. Полотенце присутствовало в обряде «бабина каша», происходившем через несколько дней после рождения ребенка. Им прикрывали горшок с кашей, совместное поедание которой рассматривалось как закрепление родственного союза и включение в него новорожденного.

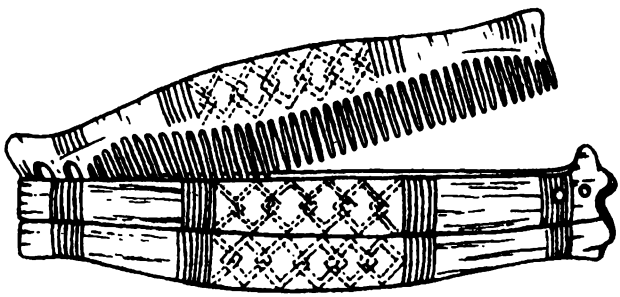
Однако особую роль играло полотенце в погребально-поминальной обрядности. По поверьям русских крестьян, в полотенце, вывешенное в день смерти человека на окно, сорок дней находилась его душа. Малейшее движение ткани рассматривалось как знак ее присутствия в доме. В сороковины полотенце встряхивали за околицей деревни, отправляя тем самым душу из «нашего мира» в «иной мир».

Все эти действия с полотенцем были широко распространены в русской деревне. В их основе лежали древние мифологические представления славян. Полотенце выступало в них в качестве оберега, знака принадлежности к определенному семейно-родовому коллективу, осмыслялось как предмет, воплощавший души предков — «родителей», внимательно наблюдавших за жизнью живых.

Гребешок

Плоская или изогнутая пластинка различной ширины с прорезными зубьями с одной или обеих сторон. Гребни выполнялись из костяных, деревянных, роговых, черепаховых пластин или металла. Они использовались для расчесывания волос, укрепления и украшения прически. Применялись в быту лицами обоего пола. Женские гребни исполнялись более тщательно и имели разнообразную

форму. Их края и поверхность зачастую украшались фигурной резьбой, гравировкой, штампованными узорами.

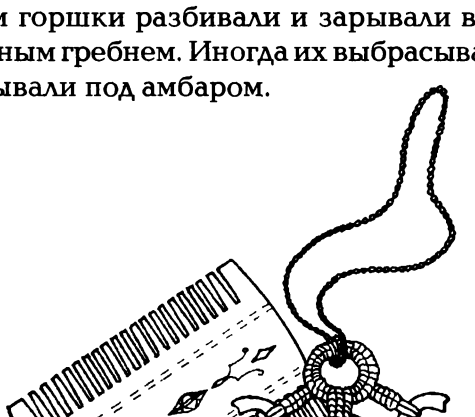


Костяной гребень-расческа с футляром

Гребни издавна являлись предметами массового повседневного обихода. Впервые они появляются в курганных захоронениях древних русов IX – XI вв. — женщин, мужчин, детей. Находили их преимущественно в области груди или пояса — местах, соответствовавших традиционному способу ношения гребней. Поясные гребни часто помещали в специальную сумку или кошелек или подвешивали на опояску. Помимо чисто утилитарного назначения гребень являлся и своеобразным амулетом-оберегом. Такие обереги выполнялись из кости или металла в виде миниатюрных подвесок на цепочках, их украшали зооморфными изображениями пары конских голов, водоплавающих птиц, солярными символами и пр.

Часто встречалось использование гребня в различных обрядовых действиях. Так, переход человека из одной возрастной группы в другую представлял собой определенный магический ритуал, связанный с волосами. При первой стрижке ребенка его сажали

на вывернутый кожух, под который клали гребень. Считалось, что во время этого действия происходит процесс, связанный с улучшением речи, развитием памяти и разума ребенка. Использовался гребень и в похоронной обрядности. Им причесывали покойника и могли положить как привычную и необходимую вещь вместе с ним в гроб или прикрепить к поясу, как часть костюма. Но если этого не делали, то гребень считался нечистым и его вместе с посудой, из которой мыли умершего, выбрасывали по пути следования похоронной процессии — в поле, овраг; при этом горшки разбивали и зарывали вместе со сломанным гребнем. Иногда их выбрасывали в реку или зарывали под амбаром.



Гребешок

Гребень являлся одним из самых распространенных и популярных предметов, дополнявших крестьянский костюм вплоть до начала XX в. Наибольшее количество гребней выполнялось из кости и рога, поэтому неудивительно, что обработка этого

сырья занимала значительное место среди кустарных промыслов России. Особенное развитие получило производство гребней в Московской и Вологодской губерниях.

Нож

Нож является оберегом наряду с другими острыми и режущими предметами из железа (ножницы, игла, топор, коса, серп).

Нож носили с собой, подкладывали под себя, под подушку или на дно колыбели для защиты некрещеного младенца, женщины в предродовой и послеродовой период, жениха и невесты во время свадебного обряда. Для защиты от ведьмы, волков, вихря, града втыкали нож в землю, стену или порог, проводили вокруг себя ножом магический круг, закрещивали ножом окна и двери.

Белорусы Гомельщины клали мальчику в колыбель нож, чтобы он стал плотником, а девочке — гребень, чтобы она умела прясть. В Житомирском районе во время похорон клали в колыбель нож или ножницы, «чтобы не приступила смерть» к ребенку. В Полесье мать подкладывала под себя нож при кормлении грудью ребенка. На Украине крестные родители, отправляясь в церковь крестить ребенка, переступали через нож, положенный у порога, или на порог, чтобы к ребенку не мог подступить нечистый дух. Увидев в лесу или в поле русалок, украинцы чертили ножом круг на земле и ложились в нем на землю ничком, полагая, что русалки их не тронут.

Архаический характер имеет использование ножей в похоронной обрядности. В древнерусских

захоронениях находят ножи и серпы: их втыкали в кострище или в урну, а при ингумации — в дно могилы. В Македонии клали нож под голову умершему, чтобы он не превратился в вампира. В Воронежской губернии клали нож под стол, на котором положен покойник, чтобы тело не разлагалось.

У восточных и западных славян считалось, что нож, брошенный в вихрь, ранит черта и на нем останется кровь. Украинцы использовали для этого нож, освященный на Пасху.

Особое магическое значение приписывали ножу, воткнутому в землю. Южные славяне для защиты от града втыкали в землю ножи, косы, топоры или головешки от бадняка. В Волынской губернии, чтобы разогнать грозовую тучу ножом, освященным вместе с пасхальными яствами, трижды крестили приближающуюся грозовую тучу и молились за души умерших без покаяния, а потом нож всаживали в землю. По поверьям Орловской губернии, если вскочить в круговорот вихря и воткнуть в землю нож, то зарежешь черта. Белорусы втыкали нож в то место, на котором упал ребенок.

В Вятской области, выпуская корову из хлева, вбивали камнем нож в порог и говорили: «Как с этого ножа медведь мяса не ест, так и нашу Пеструхоньку не ешь», после этого через нож переводили корову. В Ровенской области, чтобы уберечь скотину, вставали до восхода солнца, раздевались, брали нож или косу под левую руку, трижды обегали вокруг хлева и втыкали нож в стенку. В Белоруссии, если пропадала корова, то втыкали нож в порог, в стену или в притолоку над дверями, чтобы звери не тронули скотину. В белорусском Полесье, если скотина заблудилась в лесу, хозяин обращался к знахарю

с просьбой «засечь» ее. Знахарь шел в лес, находил дерево, больше других покрытое зелеными листьями, поднимал кверху принесенный с собой нож и читал заговор, в котором просил Бога и св. Юрия «засечь» скотину. Произнося последнее слово заговора, знахарь вбивал нож в дерево и возвращался домой. На следующий день перед восходом солнца он снова шел в лес и вынимал нож из дерева. Если тот оставался чистым, то это означало, что животное не погибло и уже не сойдет с того места, где оно находилось, когда его «засекали», а также что оно защищено от волков.

В Белоруссии и на Украине, чтобы навредить ведьме, отбирающей молоко у коров, процеживали молоко через нож, серп или иголки. Например, в Черниговской области, если корова доилась кровью, то лили молоко на нож, положенный под цедилкой на подойник, — этим «ведьме перерезаешь язык».

Вместе с тем в быличках нож описывается как одно из орудий ведьм, отбирающих молоко: ведьма втыкает нож в соху, столб или дерево — и молоко течет по острию ножа, а в соседнем стаде начинает реветь корова, которая остается с пустым выменем. Украинцы Овручского района говорили, что, когда ведьма захочет молока, она идет к себе в хлев, забивает в соху нож и подставляет доенку, молоко так и бежит струей с ножа.

В русских быличках колдун перепрыгивает или кувыркается через нож или 12 ножей, воткнутых в землю лезвиями кверху, чтобы превратиться в волка, а ведьма таким же образом превращается в собаку или свинью. Потом волк-оборотень возвращается и перепрыгивает через те же ножи с другой стороны, однако если за это время кто-нибудь вынет ножи, то он так и останется зверем.

В русских гаданиях девушка накрывает стол для суженого, причем ставит на скатерть два прибора с ножами и вилками; когда придет суженый и сядет за стол, девушка должна сорвать скатерть со стола; если же она не успеет, то суженый ее зарежет (Костромская губерния).

Нож имел и фаллическую символику: в Словении невеста, которая не хотела иметь детей, покупала в лавке, не торгуясь, складной нож и держала его при себе сложенным во время венчания.

Обращение с ножом регламентировалось множеством правил и запретов. По поверьям восточных славян, если нож лежит на столе лезвием кверху — быть ссоре; нельзя есть с ножа — будешь сердитым. Нельзя играть ножом — будет ссора.

Колесо

Колесо — символ круга и движения; ассоциируется с вращением небесных светил; наделяется вредоносными признаками (как возможная ипостась ведьмы) и одновременно свойствами оберега.

Солярная символика колеса проявляется в фольклоре, верованиях и народном орнаменте: ср. космогонические поверья о том, что солнце — это «большое колесо» (полес.); то солнце после своего захода превращается в колесо и катится всю ночь под землей к востоку (рус.); а также популярный образ солнца как колеса в восточно-славянских обрядовых песнях

(«Колесом, колесом сонычко в гору йде»). В украинских песнях солнце изображалось как колесо, которое «выше тыну стояло, много дива видало».

Другой ряд значений раскрывается в демонологических верованиях о колесе как одной из ипостасей ведьм и колдунов либо как средстве передвижения нечистой силы: «Ведьма превращается в колесо, в овцу, в чего хочешь. Колесо как-то катилось, а кто-то — хоп! — одну спицу и вырвал, а женщина (ведьма) вот без руки и осталась» (Калужская область); «Если увидишь на Купалу, як бежить колесо, дак взять и на веревку его и повесить, та ведьма и умре!» (Черниговская область). По украинским житомирским поверьям, в купальском костре сжигались старые колеса, метлы и бороны — для того, чтобы ведьма не могла на них ездить. Согласно южно-русским поверьям, ведьма преследует человека в Ивановскую ночь в виде катящегося по дороге колеса, и если его проткнуть палкой, то наутро женщина-ведьма окажется пробитой колом. Чтобы распознать, кто в селе занимается колдовством, жители Орловской губернии в ночь накануне Петрова дня катали по улицам надетое на палку новое колесо: считалось, что оно должно лопнуть возле дома, где живет колдун. Кашубы тоже верили, что если возле чьего-то двора отскочит колесо у едущей телеги, то именно там живет ведьма. Для того чтобы отогнать ведьму от хлебного поля и не дать ей отобрать, урожай вечером накануне Ивана Купалы парни насаживали на кол старое колесо, поджигали его и обходили вокруг ржаной нивы (Смоленская губерния).

У восточных славян был известен обычай катать колесо по улицам села, приуроченный к Юрьеву дню (укр. карпат.), Иванову дню (бел., укр.), Петрову дню

(ю.-рус.): старое тележное колесо (либо колесо, сплетенное из веников, либо большой венок из зелени, резиновые покрышки и т. п.) зажигали и скатывали с горы вниз или катали его по селу; иногда устраивали на колесе сиденье и катали на нем девушек. Такое катание колеса приобретало значение оберега от нечистой силы. Например, на Гуцульщине зажженные колеса пускали с горы в Юрьев день как средство защиты против ведьм; белорусы Витебщины считали, что если на Купалу катать по улице колесо, то это причиняет мучение местным ведьмам. В Полесье (Гомельская область) хозяева катали колесо вокруг своего дома, чтобы защитить цыплят от коршуна, домашний скот — от диких зверей, а затем укрепляли это колесо на высоком шесте и оставляли стоять до следующего Иванова дня.

На Масленицу, на Ивана Купалу, в Петров день и другие праздники кое-где было принято устанавливать посреди села колесо на высоком шесте; это сооружение соотносилось с универсальным у славян образом Мирового Древа (либо выступало в роли обрядового деревца) и в то же время обозначало ритуальный центр празднества. Так, на Украине и в Белоруссии вокруг такого шеста с надетым на него колесом устраивали купальские гулянья, игры и хороводы. В русских масленичных обрядах сверху на колесо сажали ряженых «мужика» или «бабу с прялкой»; прикрепляли к колесу знамя и в таком виде возили повозку по селу.

В хозяйственной и лечебной магии нередко практиковалось протаскивание предметов сквозь ступицу колеса. Например, чтобы обезвредить вырванную со своего поля «завитку», ее сначала протаскивали сквозь ступицу колеса, а потом сжигали

(полес.). При укусе змеи рану мыли водой, которую затем проливали через колесное отверстие (рус.). Белорусы, чтобы обеспечить всхожесть семян, пересыпали их через ступицу колеса.

В восточно-славянских детских закличках, призванных сбить с пути летящих птиц, колесо символизирует замкнутое круговое движение. У белорусов и украинцев такие заклички адресовались аистам, журавлям или гусям: «Дядька бусел (т. е. аист), закружись колесом! Твои дети за лесом!» или «Колесом дорога!».

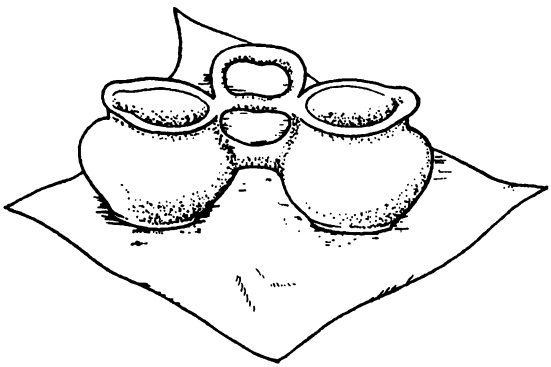
Негативная семантика колеса проявляется в белорусских запретах, относящихся к невесте, наступать ногой на колесо, садясь в телегу или сходя с нее, «иначе у молодой столько лет не будет детей, сколько спиц в колесе». Хозяева не позволяли собаке есть то сало, которым подмазывали тележные колеса, иначе бы она заболела бешенством.

Горшок

На протяжении многих столетий горшок был главным кухонным сосудом на Руси. Им пользовались в царских и боярских поварнях, на кухнях горожан, в избах крестьян. Горшки могли быть разных размеров: от маленького горшочка на 200 — 300 г каши до огромного горшка, вмещавшего до 2 — 3-х ведер воды.

Форма горшка не менялась во все время его существования и была хорошо приспособлена для приготовления еды в русской духовой печи, в которой горшки находились на одном уровне с горящими дровами и обогревались не снизу, как на открытом

очаге, а сбоку. Горшок, поставленный на под печи, обкладывался вокруг нижней части дровами или



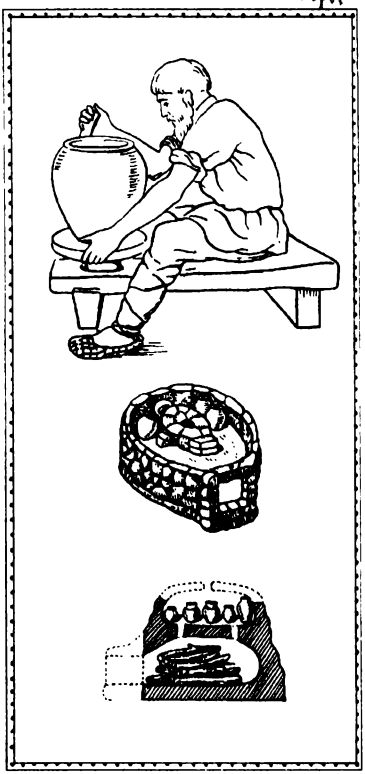
Двойчата, двойнята.
Глиняная посуда для переноса еды во время полевых работ. Два горшочка, соединенные общей дужкой. В один из горшков наливали щи, в другой — кашу.

углями и тем самым оказывался охваченным жаром со всех сторон. Если бы он был более плоским или имел более широкое отверстие, то закипевшая вода могла выплеснуться на под печи. Если бы горшок имел длинное горло, процесс закипания воды проходил бы очень медленно.

Горшки изготавливались из специальной горшечной глины, жирной, пластичной, синего, зеленого или грязно-желтого цвета, в которую добавляли кварцевый песок. После обжига в горне она приобретала красновато-коричневый, бежевый или черный цвет, в зависимости от первоначального цвета и условий обжига.

Горшки редко орнаментировались, их украшением служили узкие концентрические круги или цепочка

из неглубоких ямочек, треугольничков, выдавленных вокруг венчика или на плечиках сосуда. Блестящая свинцовая глазурь, придававшая привлекательный вид только что изготовленному сосуду, накладывалась на горшок с утилитарными целями — придать сосуду прочность, влагоустойчивость. Отсутствие украшений было обусловлено назначением горшка: быть всегда в печке, лишь ненадолго в будни показываться на столе во время завтрака или обеда.



Реконструкция древнерусской гончарной мастерской

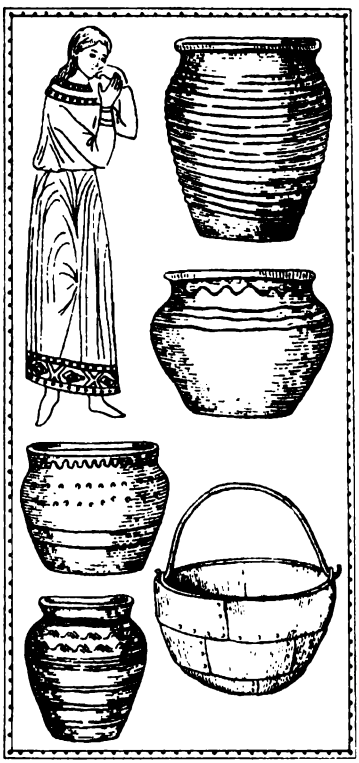
В крестьянском доме было около десятка и более горшков разных размеров. В одних варили жидкие похлебки, в других — каши, в третьих — картофель, четвертые предназначались для кипячения. Их приобретали у гончаров, развозивших товар по деревням, покупали на ярмарках. Горшками дорожили, старались обращаться с ними аккуратно. Если горшок давал трещину, его оплетали берестой и употребляли для хранения продуктов. Про такой горшок в русской деревне была загадка: «Был ребенок — не знал пеленок, стар стал — пеленаться стал».

Горшок — предмет бытовой, утилитарный, в обрядовой жизни русского народа приобрел дополнительные ритуальные функции. В поверьях народа горшок осмыслялся как живое антропоморфное существо, у которого есть горло, ручка, носик, черепок. Горшки принято делить на «мужские» и «женские». Так, в южных губерниях Европейской России хозяйка, покупая горшок, старалась определить его родо-половую принадлежность: является он горшком или горшицей. Считалось, что в горшице сваренная еда будет более вкусной, чем в горшке.

Широко применялся горшок знахарями и лекарями. Существовал очень интересный способ лечения радикулита: с помощью маленьких глиняных горшочков «пупошников», которые действовали сходно с современными нам медицинскими банками. Больного парили в бане, а потом клали на натопленную печь спиной кверху. Несколько картофелин разрезали пополам, в каждую половинку втыкали три спички или небольшие лучинки. Картофелины клали на поясницу или спину, лучинки поджигали, а сверху накрывали горшочками, которые присасывались к коже. Через несколько минут они снимались, больного поили малиновым взваром и оставляли на печи до утра.

Интересно также отметить, что в народном сознании четко проводится параллель между судьбой горшка и судьбой человека. Это находит свое выражение в загадках, где рассказывается о рождении горшка, его жизни и смерти, а также в таких параллелях, как «ломаный горшок — брошенная жена», «девки — посуда аховая: и не увидишь, как разобьется» и т. д. Горшок нашел себе довольно широкое применение в погребальной обрядности. Так, на большей

части территории Европейской России был распространен обычай разбивать горшки при выносе из дома покойников. Этот обычай воспринимался как констатация ухода человека из жизни, дома, деревни. После похорон горшок, наполненный в доме умершего горячими углями, ставился вверх дном на могилу, при этом угли рассыпались и гасли. Кроме того, покойника через два часа после смерти обмывали водой, взятой из нового горшка. После употребления горшок уносили подальше от дома и закапывали в землю или бросали в воду. Считалось, что в горшке с водой сосредотачивается последняя жизненная сила человека, которую сливают во время обмывания покойника. Если такой горшок оставить в доме, то покойник будет возвращаться с того света и пугать живущих в избе людей.



Горшки с волнистым орнаментом. То же пожелание «да будет полон этот сосуд» выражал волнистый узор по краю горшков. Узор изображал воду, так как она была необходима для приготовления в горшке любого кушанья

Горшок использовался также как атрибут некоторых обрядовых действий на свадьбах. Так, по обычаю, «свадебщики» во главе с дружкой утром приходили бить горшки к помещению, где проходила первая брачная ночь молодых, пока они еще не вышли. Битье горшков воспринималось как демонстрация перелома в судьбе девушки и парня, ставших женщиной и мужчиной.

В поверьях русского народа горшок часто выступал как оберег. Чтобы предохранить кур от ястребов и ворон, на забор вешали вверх дном старый горшок. Это делалось обязательно в Великий четверг до восхода солнца, когда были особенно сильны колдовские чары. Горшок в этом случае как бы впитывал их в себя, получал дополнительную волшебную силу.

Шерсть, горшок, вода

Еще одним из символов благополучия и достатка считалась шерсть. Облюбовав место для дома, сухую овечью шерсть накрывали сверху горшком и оставляли там до утра. Отсыреет шерсть — значит, место «доброе». Предполагалось, что место, где шерсть отсыреет, способствует жизни. Горшок же был связан с огнем, с очагом либо печью, то есть, как утверждают ученые, с самой сущностью дома, его ритуальным центром языческих времен. Горшок предназначался для приготовления пищи — для превращения «диких» веществ в «окультуренные». Это снова приводит к идее «домашней вселенной» и превращения «дикого, чужого» в «домашнее, свое»... На Украине подобный способ гадания

существовал еще в конце XIX в. в несколько ином виде: на месте будущего дома оставляли перевернутую сковородку и смотрели, появится ли под нею роса.

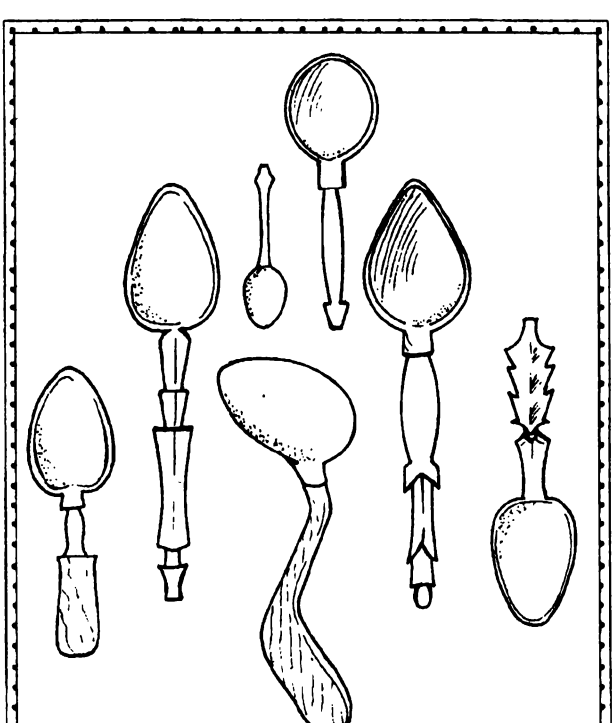
Вода, которую в данном случае явно считали «живой», в некоторых разновидностях гадания прямо обозначала «уровень жизни» в будущем доме. Например, с вечера приносили ведро колодезной воды, отмеряли из «непочатого» (то есть из которого никто еще не пил и не черпал воды) трижды по девять стаканов, выливали в сухой горшок, плотно покрывали крышкой и опять же оставляли до утра. Утром воду вновь измеряли стаканами. Окажется, что ее несколько прибыло, — можно строиться, будет дом что «полная чаша». Если же воды убыло, делали вывод, что нет надобности строить дом на убыток хозяйству.

Ложка

Ложка — самый первый столовый прибор, долгое время, пока не появились вилки, она служила единственным приспособлением для приема пищи. Изготовляли ложки из дерева, кости или металла и украшали росписью или резьбой.

Есть множество различных примет, связанных с ложками: нельзя ставить ложку так, чтобы она опиралась черенком на стол, а другим концом на тарелку (так как по ложке, как по мосту, в миску может проникнуть нечистая сила). Нельзя стучать ложкой по столу, так как от этого радуются черти, а к обеду могут прийти «злыдни» (существа, олицетворяющие

собой бедность и несчастье); нельзя класть на стол лишнюю ложку, иначе за обедом будет лишний рот или «позовешь к обеду нечистого». На новоселье вместе с караваем хлеба, солью и деньгами приносили в подарок и ложку.

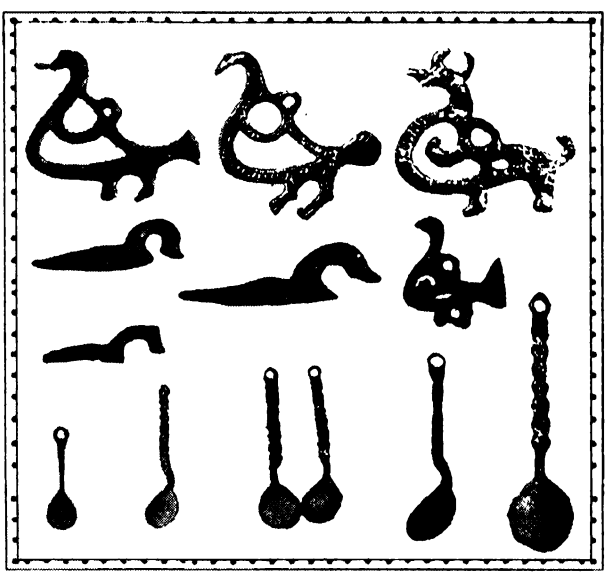


Ложки

Были и правила пользования ложкой (правда, совсем иные, чем сейчас): после каждого зачерпывания еды из общей миски ложку облизывали с обеих сторон и опускали на стол; прожевав пищу, снова

брали ложку и черпали ею из миски; тот, кто не выпускал ложку из рук, считался слишком жадным. Мясо ели только тогда, когда в миске не оставалось другой еды, и лишь после того, как хозяин даст указание: стукнет ложкой по столу. Еда считалась торжественным процессом: за столом нельзя было смеяться, шутить, разговаривать. Того, кто нарушал эти запреты, — стукали ложкой по лбу. И сейчас кое-кто из нас может вспомнить, что именно так наказывали его в детстве бабушка или дедушка.

К ложкам относились бережно: ценные ложки даже носили при себе в футляре, а простые деревянные хранили дома в специальных полках (ложечницах) или корзинах. Важную роль играла ложка и при проведении различных обрядов.



Символы благополучия: птицы, ложечки. Средний ряд — утко-кони

Во время «крестильного» обеда (по случаю крещения новорожденного) подавались на стол ложки красного цвета, при подаче на стол первой каши пили за здоровье новорожденного, при подаче второй каши отец втыкал все ложки в кашу и требовал за них выкуп («кто хочет кашу есть, тот выкупи ложку»). Кроме того, отцу новорожденного давали ложку каши с солью («пересол» или «бабкину кашу»), добавив туда острые приправы: горчицу, перец, хрен, уксус — и посыпав сахаром: отец тоже должен был вытерпеть муки, кроме того, с помощью соли, которая являлась оберегом от нечистой силы, он очищался после рождения ребенка. Съев ложку такой каши, отец новорожденного закидывал ложку на полати и прыгал по избе со словами: «Дай Бог, чтобы так новорожденный вспрыгивал». На Русском Севере повитуха на таком обеде ела очень круто сваренную пшенную или гречневую кашу с медом черенком ложки, стараясь съесть кашу как можно быстрее, чтобы новорожденный начал скорее говорить. На крестинах было принято также гадать на ложках, которыми ели крестильную кашу: считалось, что если брошенная на спину ложка упадет кверху выпуклой стороной, то у роженицы родится еще один мальчик, если вогнутой — то девочка.

Во время свадебного ритуала ложки, повернутые лопастью к сидящим, выкладывались перед женихом и невестой перед венчанием за «тихим» столом; эти ложки сваха после трапезы забирала с собой для молодых. За свадебным столом жених и невеста ничего не ели, поэтому перед ними ставили пустое блюдо и клали ложки черенками к краю стола или связанные ручками в разные стороны. При разрешении им принимать пищу соблюдались определенные

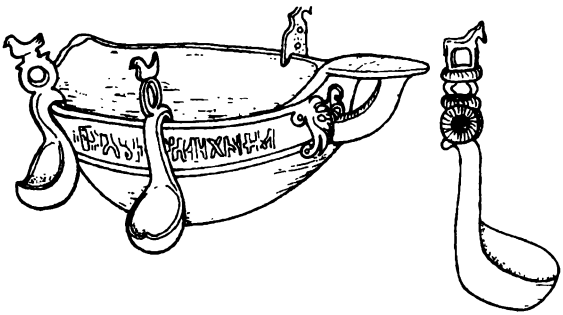
правила: молодые должны были есть одной ложкой из одного блюда и пить из одного стакана. При подаче новобрачным каши они ели одной ложкой, черпая три раза, молодым давали по три ложки молока, одной ложкой ели молодые и яичницу. Две ложки вместе с другими предметами утвари и свадебным хлебом зашивали в скатерть, которая расшивалась новобрачными после бани. На «блинках» (угощение молодых тещей в их первый приезд) молодой брал на ложку яичницу, складывал деньги и подавал теще.

На поминках для умершего ставили отдельный прибор либо на общий стол, либо на особый стол в углу под образами, ложку выкладывали черенком к иконам или под скатерть, помещая сверху кусок хлеба. Первую ложку (или первые три) каждого блюда и первый стакан водки отливали покойнику на угол стола. Вначале поминок все пробовали кутью, которую нужно было взять ложкой три раза. Есть за поминальным столом полагалось только ложками, использовать вилки и ножи не разрешалось. На Урале в сорочины хозяева старались накормить не менее сорока человек и раздать сорок ложек. Получали гости деревянную ложку после поминального обеда на память о покойном и в северных губерниях.

Накануне Рождества, в Крещенский сочельник и на Пасху хозяин брал ложку кутьи или овсяного киселя, выходил на порог сеней или влезал на печь и, бросив еду из ложки в окно, приглашал Мороза поесть, чтобы он за это не портил лен, коноплю и овес.

Употреблялась ложка и в гаданиях: девушки наливали в столовые ложки воду и ставили их в сени, когда вода замерзала, приносили ложку в избу и смотрели: если замерзшая вода образовывала «пупочек»,

то это значило, что загадывающая проживет наступающий год хорошо, образование «ямки» означало смерть.

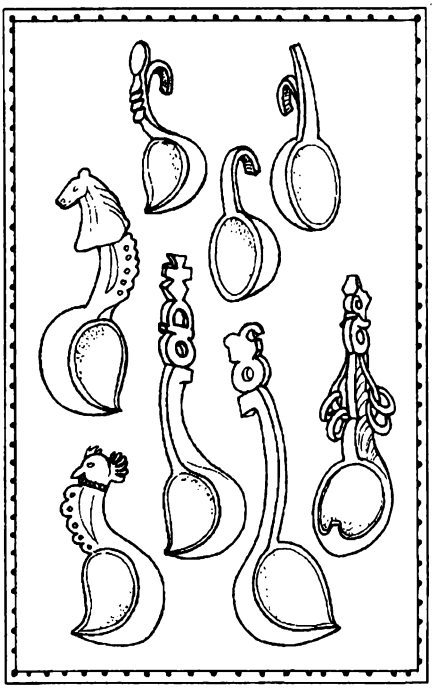


Пиршественные ковши с изображением солнца, коней и уточек

После ужина перед Рождественским постом хозяйки определяли судьбу членов своей семьи. Оставляли на столе ложки или выносили их с водою в сени, а утром шли смотреть: чья ложка будет опрокинута на спинку или в чьей вода замерзнет с углублением — того ожидает несчастье или смерть.

Во время масленичной недели ложку вместе с чашкой приносил кум своему крестнику, родившемуся в этом году. На второй неделе после Пасхи (неделя Жен Мироносиц) женщины, съев яичницу, подбрасывали вверх ложки и кричали: «Родись, лен, такой-то здоровый и высокий». У кого ложка взлетала выше, у того и лен должен вырасти лучше. На Вознесенье (за десять дней до Троицы) во время мужского гуляния в лесу парни, отправив пастись лошадей, запекали в чугуне яйца, выпивали по стакану купленной вскладчину водки, съедали яичницу, после чего бросали вверх ложки и приговаривали: «Как моя ложка легко летит вверх, так чтобы и мои

лошади веселы были, поигрывали!». В период сенокоса женщины, оставшиеся дома, шли обычно «мыть ложки»: помогали по хозяйству тем соседкам, у которых в семье было много косарей. В начале жатвы принято было варить крутую кашу из свежих ржаных зерен, при этом хозяйка дома ударяла каждого ложкой по лбу и приговаривала: «Будь сыт одной кашей!».



Ковши с резными изображениями-оберегами

Знахари использовали ложку в различных способах лечения. При лечении испуга зачерпывали ложкой воду из блюда и поливали на четыре угла стола;

затем снимали воду ложкой обратно в блюдо и этой водой лечили человека или скот. Чтобы избавиться от лихорадки, нужно было набрать воды из трех колодцев и облиться этой водой на двенадцати зорях: шести вечерних и шести утренних, начиная с головы, через решето, поставленное на голову, в котором черенками крест-накрест лежали четыре ложки. Сквозь решето с лежащими в нем ложками, ключами и другими предметами поливали наговоренной водой ребенка при лечении сглаза.

Каша

Каша — одно из главных блюд традиционного рациона. В обрядах символизировала плодородие, обилие, рост, приумножение. Кашу готовили из целых или дробленых зерен (реже из муки) пшеницы, ячменя, проса, гречихи. Нередко каша служила главным обрядовым блюдом (ср. у русских в связи с этим праздник по случаю окончания жатвы и крестины с ритуалами раздела и выкупа каши назывались «каши»; праздник рожениц и повитух, 26 декабря — «бабьи каши»).

Каша была обязательным блюдом на свадьбе. По свидетельству летописей, «молодым в подклет приносят кашу, и они кашу черпают и за себя мечут». Кашу рассылали почетным особам. В Архангельской губернии молодым за «княжим столом» разрешалось есть только кашу, которую молодая ела под

накинутым на нее платком. У русских кашу готовила и выносила на стол сваха или свекровь, за что невеста одаривала ее полотенцем. В Полесье каша варилась сладкой, если невеста была девственницей, и несладкой или соленой в противном случае; только в случае девственности невесты происходил обряд выкупа каши, во время которого жених разбивал горшок каши так, чтобы каша осталась целой.

Употребление каши на родинах и крестинах ребенка сопровождалось магическими действиями, призванными обеспечить новорожденному счастье, здоровье и быстрый рост, женщинам — плодовитость, земле — плодородие. Широко распространены обычаи поднимать горшок с кашей вверх, накрывать его полотенцем или холстом, бросать деньги на горшок с кашей, разбивать горшок с кашей.

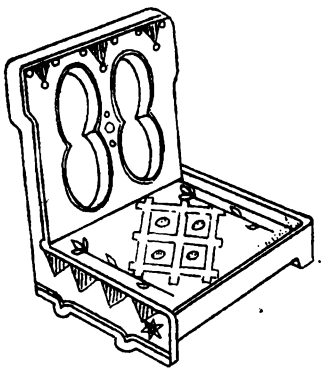
На похоронах и поминках у восточных славян принято было подавать кутью, которую носили также в церковь, на кладбище, оставляли на окне «для душ», раздавали нищим за помин души.

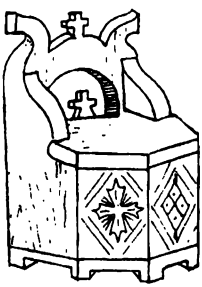
У южных славян в день св. Варвары готовили варицу — кашу из смеси зерен разных злаков и кукурузы, гороха и др., чтобы вызвать плодородие. Сербы по варице гадали об урожае и о жизни-смерти: бугры и вздутия на каше означали будущий хороший урожай, трещины — плохой урожай и смерть; ямка в середине варицы означала смерть хозяина, по бокам — смерть других членов семьи и т. п.

Обрядовой кашей отмечали окончание жатвы, начало молотьбы, сева, переселение в новый дом и др.

Соль

Деревянные солонки делались из березы, сосны, ели и украшались в зависимости от местной традиции: резались, долбились, плелись из корней и бересты. Почти все солонки изготовлялись с крышками.





Солонки со знаками плодородия

Типичной формой солонок на Севере была плывущая птица с головой уточки (такую солонку называли «утица», «утка» или «курочка»), которая выдалбливалась из одного куска дерева. Ручкой служил хвост или голова птицы, выдвижная крышка-спинка крепилась на деревянном штырьке и украшалась одной или несколькими птицами. Многие солонки имели подставки — ножки.

В Центральной России и в Поволжье выдалбливались солонки в виде кубовидного ящичка с откидной крышкой и высокой задней стенкой, так называемые «стульчики». Поверхность таких солонок украшалась мелким узором выемчатой резьбы,

особо оформлялась задняя стенка, заканчивающаяся резьбой с изображением птиц, колец.

В районах, где производилась точеная деревянная посуда, солонки делались в виде чаши с крышкой («кубышка») или чаши на невысокой точеной ножке и поддоне и украшались росписью местного характера.

Еще один тип — солонки, сплетенные из бересты и корней. Они имели форму птицы, «штофика» или «репки». Такого вида солонки считались дорожными, так как их брали с собой, уходя на промысел или полевые работы.

Отношение к солонке было бережное и почтительное. Она считалась семейной ценностью, и ее никогда не продавали. На нее переносилось почтительное отношение к соли, считавшейся ценным продуктом, без которого человек не мог жить.

Наполненная солонка сравнивалась с домом, полным добра и благополучия.

Соль и солонка широко использовались в обрядах, особенно во время свадебного ритуала. Солонка с солью находилась на столе во время смотрин, на рукобитье. Соль в солонке, калач и сыр клали на стол перед женихом и невестой. Солонку, скатерть и угощение привозил жених к невесте. В Костромской губернии, когда жених приезжал за невестой в день свадьбы, девушки выносили к столу каравай, солонку и ложку. Солонка вместе с другой утварью входила в приданое девушки и считалась ее собственностью. Ведь солонка отождествлялась с домом и хозяйством, и, создавая семью, женщина хотела привезти в дом мужа часть своего дома.

Солонка использовалась и в гаданиях. Например, в ночь под Рождество девушки закапывали солонку

в снег и делали ряд других кучек из снега: кто из них толкнет снежную кучку с солонкой, та и выйдет замуж. Солонку с солью вместе с караваем хлеба употребляли при первом выгоне скота в Егорьев день. В Петров день, 29 июня (12 июля), солонку вместе с сыром, двумя ложками, иногда граблями, цепом для молотьбы хлеба и косой дарила теща молодым.

Известно частое упоминание солонки с солью в заговорах против болезней, а также ее магическое действие: при зубной боли знахарь брал воск, три раза обмакивал его в солонку, после чего произносил сам заговор.

С солонкой связаны определенные правила поведения во время трапезы и всевозможные предметы. На праздничный стол в первую очередь помещали блюдо с хлебом и солонку с солью. Передавая кому-нибудь за столом солонку с солью, нужно было засмеяться. Не разрешалось брать соль из солонки. Чтобы лучше уродился хлеб, нужно было, начиная новый каравай, оставить на два дня небольшой кусочек хлеба в солонке, после чего его должен был съесть один из старших в семье.

Блины

Ритуальное блюдо у восточных славян, главным образом у русских. В других славянских зонах аналогичную роль в обрядах выполняют различные виды хлеба, каша (кутья) или зерно. Основная символика блинов связана с представлением о смерти и потустороннем мире: блины посвящают умершим, символически кормят ими души предков, передают блины на «тот свет» в гробу

с покойником и т. п. Посредниками между реальным и потусторонним миром выступают лица, являющиеся «извне»: нищие, странники, колядники, которым раздают блины. Блины предназначаются также суженому, первому встречному, пастуху, скоту, чучелу Масленицы, Морозу и др. Особое значение в обрядах имеет горячий, первый блин и блин, испеченный последним, сухой, лежащий сверху в стопе, в гаданиях — соленый блин.

На похороны и поминки блины пекут как поминальное блюдо, посвящаемое умершим. В день погребения на стол ставят стопку блинов, и старший из присутствующих мужчин разламывает первый блин и кладет на окно для покойника. На похоронах и поминках первый горячий блин, как и хлеб, не режут, а рвут на части и раскладывают на окнах, чтобы паром от него питалась душа умершего. Блины иногда кладут на грудь умершему, в гроб, на могилу. Блинами поминают на могиле, а остатки отдают нищим странникам. На следующий день носят завтрак покойному, тоже оставляя блины на могиле. Блины пекут на девятый, на сороковой день и в последующие поминальные дни, а также в календарные поминальные («родительские») праздники: на Фоминой неделе (на «дедовую неделю», Красную Горку, Радуницу), в Дмитровскую субботу и т. д. Считалось, что кто «печет» блины на поминки, «печется» о насыщении души умершего. Поминальные блины разносят по домам, приносят на могилу, в церковь, раздают нищим. В Белоруссии блины пекут на «деды» — чтоб «дедам» (предкам) «пара пошла». Блины используют и как оберег от мертвых, которые часто являются во сне. Для этого с горячим блином садятся на порог и приглашают к себе умерших обедать.

Блины на Масленицу — повсеместное угощение, главным образом у русских. Блины пекут всю неделю. Первый блин посвящают св. Власию или умершим. Его кладут «родителям» на слуховое окно, божницу, крышу или могилу, дают нищим в память о предках или съедают за упокой усопших. В Прощеное воскресенье или в субботу идут с блинами на кладбище «прощаться с родителями». В обряде похорон Масленицы блин дают в руки чучелу Масленицы. Блины пекут также на Вознесение. Их называют «христовы (или «божьи») онучи». Их пекут на счастье, берут с собой в поле. Наряду с другими видами хлеба блины пекут и на Рождество. Первый блин в Сочельник дают овцам — от мора, скоту отдают остатки блинов и рождественской кутьи. Под Рождество хозяин с кутьей и блинами выходит звать Мороз на ужин. Блины также специально пекут для колядников. Блины бывают составной частью угощения на дожинках и в начале жатвы.

Разнообразно использование блинов на свадьбе. Угощение блинами на обручении и в канун свадьбы наиболее характерно для Северо-Восточной России. Блины накануне свадьбы могут иногда приобретать функции, родственные тем, которые они имеют в похоронно-поминальной обрядности: угощение блинами сопровождается в некоторых местах символическими «похоронами» невесты или упоминанием покойника. Невеста в это время должна как бы «умереть» как девушка, чтобы потом «воскреснуть» в новом качестве. После брачной ночи молодых кормят блинами, совершают шуточный обряд «блин продолбить», устраивают «блинный стол», мать невесты присылает блины к выходу молодых из бани. Повсеместно у русских теща угощает зятя блинами

в конце свадьбы. Во время угощения невеста старается вырвать у жениха первый блин, чтобы получить власть над мужем. По способу поедания женихом блина судили о девственности невесты: если она оказалась «нечестной», жених ломал блин, прокусывал у него середину, откладывал взятый блин и больше не ел, дарил теще дырявый блин или клал на блин не целый рубль, а мелочь, если молодая «не цела». В некоторых местах и сама невеста в конце свадьбы печет блины и угощает ими мужа и гостей, иногда устраивают шуточную продажу невестиных блинов.

С блинами девушки гадают о замужестве, чаще всею на святки (обычно для этого используют первый или соленый блин, от которого откусывают все гадальщицы): с блином под мышкой, за пазухой или на голове выбегают или выезжают на кочерге на улицу и дают его первому встречному мужчине, узнавая его имя; оставляют его на перекрестке «жениху на вечеринку»; наступив на него ногой, — слушают на мусорной куче, откуда залает собака, оттуда ожидается жених и т. п. Иногда на Кузьму и Демьяна (1 и 14 ноября) девушки пекут блины и поют песни, содержащие пожелание найти хорошего жениха.

Символика блинов в фольклоре, как и в обрядах, связывает их со смертью и с небом как иным миром. Так, в сказке старик лезет на небо и видит там избушку из блинов. Тот же мотив отражен в поговорке про избу: «Блинами промшить, лепешками покрыть». В сказке солнце на небе печет на себе блины (ср. украинскую пословицу: «Вона своім носом чуе, як на небі блины печуть»). В подблюдных песнях блины предвещают смерть (смерть несет блины на блюде). В заговоре от икоты ее отсылают туда, где пекут блины:

«там блины пякуть, табе дадуть», подобно тому как оставляют их покойнику на поминках. В загадке блин в масле на сковороде сравнивается с рыбой, с которой их роднит использование в качестве поминального угощения: «Берега железны, вода дорога, рыба без костей».

С печением блинов связан ряд бытовых предписаний и запретов. Так, посторонним запрещается смотреть, как пекут блины, иначе они не зададутся. У белорусов пекущего блины приветствуют: «Скачком бліны!», а в ответ на это говорят: «Тарчком з ізбы!» Выпекая первый блин, зовут покойных родных есть блины. Первый блин перед обедом дают молодому домашнему животному, а последний оставляют на сковороде и после обеда скармливают матери этого животного. Одолженную под блины сковороду возвращают не пустую, а с последним блином, причем держат ее не голыми руками, а сковородником. В Полесье запрещается печь блины в Великий пост (а иногда и на Пасху, на Новый год, в Петровский пост) во избежание засухи.

Каравай

Скорее всего — круглый, который делят на свадьбе для угощения всех ее участников.

Название «коровай» известно только восточным и южным славянам. У западных славян для наименования главного свадебного хлеба часто используется термин «колач». В роли каравая могут выступать различные хлебные изделия, например большой пряник с украшениями, рыбный пирог на русском Севере.

В символике каравая сочетаются мужское и женское начала. Слово «коровай» этимологически связано с названием коровы, символизирующей невесту, а суффикс -ай позволяет видеть в каравае символ быка-жениха. Коровье-бычью символику каравая проясняют белорусские свадебные песни: в каравайном тесте замесился теленок, каравай рогат, сдобрен коровьим маслом и сыром. С рогами связаны названия украшений на каравае: скрученных из теста рожков, обвитых тестом веток.

С девичьей символикой связаны некоторые детали украшения каравая, в каравайных песнях каравай уподобляется невесте. Но каравай может соотноситься и с женихом. Караваю присуща фаллическая символика (ср. мотив коитуса в белорусских каравайных песнях: «Печь наша рогочет, караваю хочет», а также белорусский обычай сажать невесту на каравай перед брачной ночью). Не случайно каравай пекут лишь невесте-девушке, но не вдове. Мотив коитуса воплощают и фигурки на каравае: боров верхом на свинье, петух на курице, гусак на гусыне и т. п. Фаллическую символику имеют фигурки шишек на каравае, пара яиц, запекаемых в каравай (при дележе каравая их стараются украсть у дружки, чтобы опозорить его), заяц как персонаж каравайных песен.

Как и некоторые другие символы брака, каравай обычно круглой формы, реже кольцеобразной. Внутрь каравая иногда запекают курицу, петуха, яйца, монеты для богатства, начиняют куриным, говяжьим, свиным мясом, пшенной кашей, сыром.

На каравай помещают различные фигурки из теста (птички, животные, жених и невеста, ребенок, шишки, сердце, крест, солнце, месяц, звезды), опоясывают каравай ободом из теста, часто в виде плетеной косы, обвязывают белым полотенцем, красным поясом и др.

Каравай пекут у обоих молодых или только у невесты, обычно в канун свадьбы, изредка к обручению и даже наутро после брачной ночи. У восточных славян и у поляков месят тесто и пекут каравай женщины (каравайницы), не разведенные и не вдовы, обычно нечетное число. В Белоруссии дрова для печения каравая берут из трех дворов и от трех «счастливых» пород деревьев. У русских каравай пекут не только женщины, но и подруги невесты, ее мать, муж с женой, иногда в присутствии жениха, посаженного на вывернутую шубу. Воду после печения каравая выливают под плодовое дерево. В песнях в изготовлении каравая участвуют небесные силы: Бог месит, Пречистая святит, ангелы воду носят, муку сыплют, месяц в печь сажает, солнышко запекает.

Караваем как даром Божьим благословляют молодых, разламывают у них над головой, встречают им новобрачных после венчания. На свадьбе каравай ставят на стол перед молодыми (у русских, болгар), подвешивают над головой невесты (у сербов), выставляют перед переменой невесте головного убора (у поляков). У русских во время венчания невеста держит за пазухой две горбушки от обоих караваев, которые молодые потом вместе съедают для скрепления брачного союза.

Центральным обрядовым действием с караваем является его дележ — символическое деление общего блага на части и наделение каждого своей долей.

К участию в дележе каравая приглашают Бога, а при раздаче каравая гостям — «раздаривании на мир Божий» — высказывают пожелание наделить «счастьем-долей». У белорусов и украинцев середину каравая обычно дают молодым, нижнюю корку — музыкантам, а остальное раздают по старшинству гостям и посторонним. У восточных славян во время брачной ночи каравай часто находится в спальне новобрачных. У русских дележ и раздача каравая бывают связаны с дефлорацией невесты: каравай ломают после брачной ночи; в случае «честности» невесты гостям после брачной ночи подают курники, середину кулебяки наполняют рыбой (в противном случае оставляют пустой и затем посылают отцу невесты).

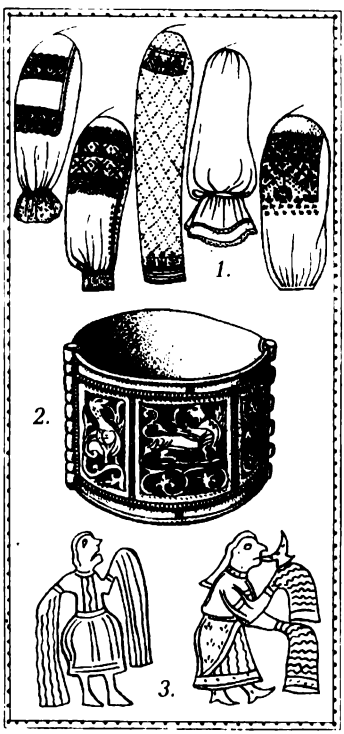
ОДЕЖДА

Одежда в традиционной культуре славян выступает как противоположность наготе по признаку «культура — природа» и идентифицирует человека по этническим, половым, возрастным, ритуальным и другим признакам, маркируя оппозицию свой — чужой, мужской — женский, старый — новый, будни — праздники, обыденное — сакральное.

Разные части одежды имеют неодинаковую семантическую нагрузку и функционируют в различных сферах народной культуры. Так, среди деталей мужской одежды наиболее «нагруженными» являются рубашка, шапка, штаны и пояс, из женских атрибутов — рубашка, пояс, фартук, используемые в календарной и семейной обрядности как охранительные и продуцирующие средства.

У славян широко известно поверье, что первая одежда человека воздействует на всю его последующую жизнь. Поэтому новорожденного нередко принимали в рубашку, сшитую самой старой женщиной в семье, чтобы он унаследовал ее судьбу

и жил долго; в старую нестираную рубашку отца, «чтобы он его любил»; старую одежду отца или матери, а для пеленок использовали части одежды взрослых, чтобы ребенок непременно унаследовал их положительные качества. Если в семье умирали дети, то повитуха принимала новорожденного в штаны отца или в рубашку, сшитую старой женщиной во время родов.



1. Типы рукавов у женских рубах, X—начало XI в.
2. Серебряный створчатый (застегивающийся) браслет — «обручье», «обруч», XIII в.
3. Изображения девушек, исполняющих магический танец. С браслетов XII и XIII вв.

У славян существовали особые виды одежды, свидетельствующие о вступлении в брачный возраст: понева — вид женской набедренной одежды, фартук и украшения у девушки, пояс и шерстяные штаны у парня. Замужние женщины отличались особой прической (убранные волосы) и головным убором: чепец, кокошник, наметка, белый платок. Молодая в первый год после замужества носила яркую, праздничную одежду со множеством украшений, что имело охранительную и продуцирующую функцию.

Новая одежда использовалась в свадебном обряде (костюм жениха и невесты), при похоронах, первом севе, посеве льна. Хорошо известен обычай в русской армии надевать новую (чистую) рубаху перед тем, как идти в атаку. У русских в первый день Нового года девушки надевали все новое, чтобы у них всегда были обновы. Старая одежда использовалась чаще в качестве апотропея (в родинах, ряжении, аграрно-скотоводческой магии). В Московской губернии отелившуюся корову окуривали из старого лаптя, стоптанный лапоть вывешивали в курятнике.

Одежда часто выступает в роли двойника человека, метонимически замещая его. Так, у сербов Краины беременная женщина, у которой не держатся дети, до рождения просит попа окрестить ребенка, совершив ритуал над его рубашкой, чтобы защитить его от смерти. В Болгарии известны случаи помолвки и даже бракосочетания невесты с шапкой или штанами жениха. Южно-славянский погребальный обряд предусматривает возможность оплакивания и даже погребения одежды покойного, если смерть случилась вдали от дома. Сходные по семантике действия известны и русским, где на сороковой день в дом приходил обмывальщик в одежде покойного, как бы представляя последнего (Пензенская губерния).

Широко известны магические манипуляции с одеждой в народной медицине, любовной и вредоносной магии. Одежду больного относили на дерево, на придорожный или кладбищенский крест, протаскивали через прокоп в земле, через расщепленный ствол дерева, бросали в воду источника и др. В Северо-Западной Сербии верили, что венчальная одежда помогает при родах, а у русских в подобных случаях использовали штаны мужа роженицы. В свадебное

платье или фартук невесты словаки закутывали детей, страдающих «слабостью», а в полесской традиции ребенка во время судорог накрывали «вінчаним платтям».

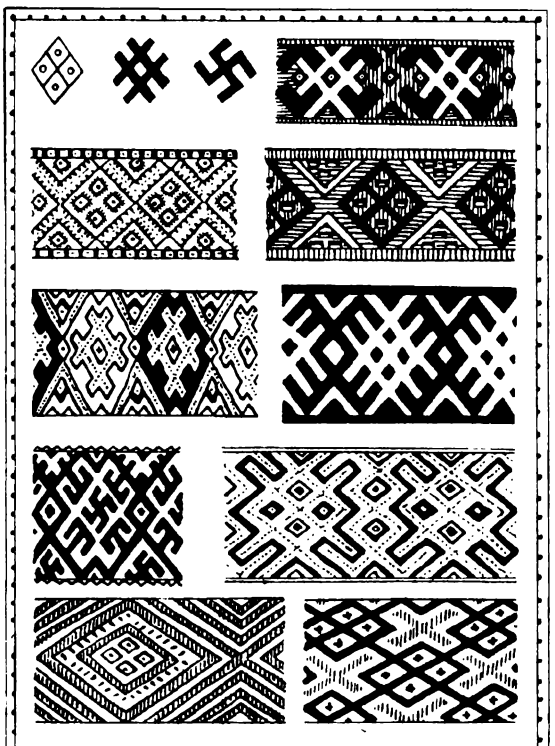
Желая обеспечить себе любовь до смерти, девушка должна была связать кусок своего белья и кусок от белья парня и закопать их на кладбище под могильным крестом (Спиш, Словакия), в Полесье известно поверье, что плодовитость невесты можно уничтожить, надев на нее мужскую одежду.

В календарной обрядности одежда использовалась при ряжении (колядование, масленичные обходы) и в аграрной магии. У всех славян широко известно переодевание в одежду противоположного пола, что имело продуцирующее значение. Переодевались и на южно-славянской свадьбе при замешивании хлеба, и в маскарадных играх после объявления о невинности молодой. На Брянщине при посеве льна хозяин надевал женский фартук, куда клал семена, а в Рязанской области, отправляясь сеять, мужчина нес семена в собственных штанах.

Во многих славянских традициях известен обычай подкладывания под порог хлева различных частей одежды (фартука, штанов, пояса). Считалось, что расстеленная под ногами скота одежда «привязывает» его к дому, хозяевам.

У южных славян в мужских и женских календарных обходах использовалась свадебная одежда, что должно было обеспечить молодежи скорое вступление в брак.

Существовал ряд запретов на изготовление одежды в определенные периоды времени. В Словении женщины не пряли в доме, пока там лежит покойник, иначе будут неметь руки. У словаков в Горегронье



Типы вышивок с языческой символикой

нельзя было прясть в Пепельную среду: конопля и лен не вырастут, а нитки принесут несчастье тому, кто носит одежду из них. У южных славян запрещалось шить и чинить одежду в средопостную среду, Андреев день, Лазарев день. У балканских славян широко известно табу на изготовление мужской одежды во время «волчьих дней», чтобы волки не трогали пастуха и его стадо или охотника.

Нередко в обрядах и повседневной жизни использовалась одежда, вывернутая наизнанку для защиты

от «злых сил» и «сглаза», ночного путника, роженицы, жениха и невесты на свадьбе, родственников покойного во время траура, чтобы душа не узнала их и не смогла бы им причинить вреда, если те случайно обидят ее. Но надетая навыворот шуба могла иметь и продуцирующее значение, как пожелание богатства, плодовитости и благополучия в свадебном обряде и при крещении ребенка, когда его перед выводом в церковь клали на вывернутую шубу.

Цвет одежды имеет знаковую функцию в семейной обрядности: при трауре — черный и белый; на свадьбе — красный и белый; носят черную одежду; у некоторых мифологических персонажей: демоны судьбы — в черной одежде, гады, самовилы, ведьмы — в белой, змеи имеют серебряную рубашку.

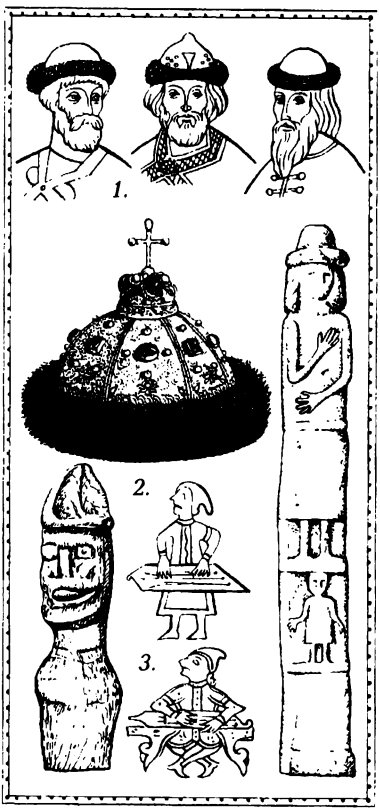
В фольклоре известны «чудесные» атрибуты одежды: шапка-невидимка, сапоги-скороходы, плащ-невидимка у южных славян.

Шапка

Важнейшая часть одежды (ср. сербскую пословицу: «Шапка старше головы»).

В традиционном этикете противопоставление обнаженная — покрытая голова было важнейшим, но имело разную реализацию в зависимости от возраста и семейного положения. У южных славян только парни брачного возраста получали право носить шапку. Мужчины, как правило, носили шапку на улице и снимали в помещении, а также в церкви, перед иконой, перед человеком более высокого социального положения. При исполнении некоторых обрядов обнажение головы мужчиной имело сакральный

смысл: мужчины снимали шапку при первом севе, при покойнике и др. У южных и восточных славян отсутствие шапки у мужчин было знаком траура, а в Сербии в этом случае носили шапку наизнанку.



1. Славянские полусферические шапки с околышем из меха.
2. «Шапка Мономаха». Конец XIII—начало XIV в.
3,4. Языческие идолы (деревянный и каменный) в шапках различной формы.
5. Изображения музыкантов в островерхих колпаках. С браслета XII в.

Некоторые ритуалы, напротив, требовали ношения шапки. Так, по обычаю сербов Хомолья (Восточная Сербия), при объявлении имени новорожденного гости должны сидеть в шапках, пока кум не сообщит имя крестника. У южных и восточных славян независимо от времени года жених оставался в шапке, а у македонцев не снимал ее даже во время венчания. В этом случае шапка имела апотропейную функцию.

Срывание шапки иногда символизировало отказ от прежнего статуса. По сербскому обычаю, при выносе покойницы из дома ее муж сбрасывает шапку и надевает новую в знак того, что он хочет вступить в новый брак. У русских на свадьбе подруги невесты крали шапку жениха и требовали за нее выкуп. Шапку жениха надевали на невесту в знак утверждения над нею его власти и как пожелание мужского потомства. У русских срывание шапки в послесвадебный период было одним из обрядов приема молодого в круг взрослых мужчин.

Использование головного убора, принадлежащего противоположному полу, могло быть одним из видов ряжения и нередко имело продуцирующий смысл. Так, в болгарской свадьбе дружка невесты надевала шапку жениха при замешивании обрядового хлеба. Чтобы у девочки поскорее выросли груди, она должна была потереть их шапкой, взятой у парня (Полесье). В Польше невеста во время брачной ночи надевала шапку своего мужа, а роженица не снимала ее шесть недель после родов, что должно было защитить ее от сглаза.

В целом, однако, ношение женщинами мужского головного убора осмыслялось негативно. Считалось, что девочка, надевшая шапку, потеряет волосы, станет

жертвой сглаза (Украина), останется в девках (Полесье) или родит внебрачного ребенка (Словакия).

Шапка нередко использовалась в сельскохозяйственной и птицеводческой обрядности с продуцирующей целью. На Украине в Сочельник хозяйка окуривала все хозяйство, надев шапку мужа. В Полесье и в Польше (Покутье), сажая наседку на яйца, предварительно клали их в мужскую шапку.

Шапка часто воспринимается как символ человека и может замещать его в особых случаях. У болгар на помолвке отсутствующего жениха заменял его колпак. Во время свадьбы, если желали молодым мужского потомства, то у восточных славян и в Польше подкладывали в постель новобрачным шапку, а у южных — невесту сажали на мужскую шапку. В Белоруссии над шапкой священник нарекал имя младенцу, а в Черногории епископ мог заочно прочитать молитву об исцелении отсутствующего больного над его шапкой. У восточных и южных славян покойника непременно хоронили в шапке или клали ее в гроб рядом с телом. У сербов существует поверье, согласно которому тот, кто наденет себе на голову шапку мертвого, не сможет ее снять. У южных славян при побратимстве менялись шапками.

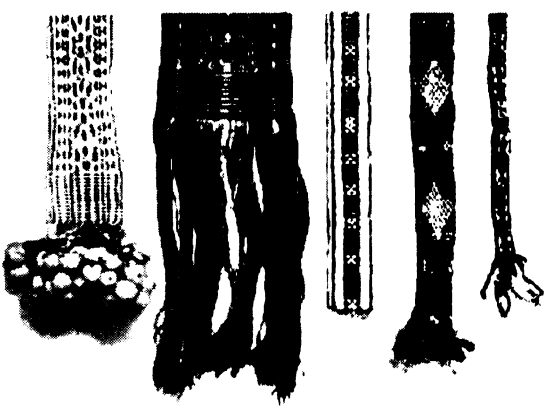
Показательны запреты в обращении с шапкой. В Сербии считали, что «у того, кто греет шапку на огне, заболит голова». У русских считали, что нельзя играть с шапкой, вертеть ею — голова заболит, нельзя класть на стол — будет ссора. На юге России во время сева конопли запрещалось отвечать на приветствие («ломать шапки»), иначе конопля на поле будет гнуться и ломаться.

В сказках и поверьях шапка предстает как средоточие магической силы дьявола или другого мифологического персонажа. В южно-славянском фольклоре

нередко отмечается, что красная и остроконечная шапка — атрибут дьявола и мира мертвых. Известен также другой сказочный предмет — шапка-невидимка.

Пояс

Пояс — в народных верованиях символ дороги, пути через мифические и реальные преграды (так же как и нитка, пряжа, волокно, веревка и даже цепь). Пояс как часть одежды человека, принимающая форму круга, часто употребляется в качестве оберега. Белорусы повязывали поясом ребенка сразу после крещения, на Украине при проводах умершего из хаты родственники нередко завязывали поясом ворота, «чтобы больше покойников не было»; считалось, что подпоясанного человека «бес боится», его не тронет ни домовой, ни леший.



Традиционные восточнославянские пояса из собрания Российского этнографического музея (Санкт-Петербург)

Вместе с тем снятие пояса означало приобщение к потустороннему миру, нечистой силе и т. д. Поэтому пояс снимали при добывании «цветка папоротника» в ночь на Ивана Купалу, при поисках клада, во время исполнения обрядов против эпидемий и падежа скота. Этот же прием используют северо-русские девушки для гаданий: перед сном кладут пояс под подушку, приговаривая: «Пояс мой, пояс, покажи жениха и поезд». Специально вытканный за один день из остатков льна пояс, по поверью крестьян из Минской губернии, позволяет подпоясавшемуся увидеть на Радуницу мертвых.

С помощью пояса устанавливается связь между «своим» и «чужим» пространством, старым и новым домом. Так, у белорусов при переходе в новый дом хозяин притягивает всех членов семьи внутрь избы за нитку или пояс. Молодая, входя в дом мужа после венчания, бросает свой пояс на печь.

При первом выгоне скота в поле у восточных славян было принято расстилать в воротах пояс, чаще красный; его также привязывали к рогам коровы, клали пастухам в сумки и т. д. При покупке скота его вводили в новый дом через пояс. Во Владимирской губернии в этот момент приговаривали: «Забывай старого хозяина, привыкай к новому!» На Русском Севере накануне первого выгона скота хозяйка плела из трех льняных ниток пояс, нашептывая: «Как этот плетешок плетется, так милая скотинка плетись на свой двор из следа в след, из шага в шаг. Нигде не заблуждайся, ни в темных лесах, ни в зеленых лугах, ни в чистых полях...». Этот пояс она носила до самого выгона скота, когда снимала его с себя и закапывала у выхода со двора со словами: «Коль крепко и плотно пояс вокруг меня держался, так крепко

коровка круг двора держись». Расстилая пояс перед порогом хлева или воротами двора, следили, чтобы корова его «не уволокла ногами», поскольку это сулило несчастье по дороге на пастбище.

Магические свойства пояса, скрепляющего союз молодых, используются в свадебном обряде: поясом обвязывают невесту или жениха и невесту, узел с приданым невесты, пирог для жениха после первой брачной ночи, рюмку или бутылку для жениха и т. д.

Впрочем, мощь пояса могла быть использована в злокозненных действиях на свадьбе. Так, по поверьям поляков и белорусов, с помощью скрученного пояса ведьма могла «оборотить» весь свадебный поезд в волков.

В славянских верованиях пояс — это источник жизненной силы. Поэтому он часто наделяется оплодотворяющими и оздоровляющими свойствами. У южных славян бездетные женщины в стремлении иметь потомство кладут под подушку пояс священника или носят при себе кусочек такого пояса, опоясываются травами на Юрьев день. Распространен и обычай опоясывания церкви ниткой, пряжей и т. п. В Тамбовской губернии с целью расположить молодую к рождению детей к ней на колени сажали мальчика, она целовала его и дарила «девичь пояс».

Рубаха

Рубаха в обрядности нередко выступает в роли двойника человека, может уподобляться человеческой коже. Женская рубаха ассоциируется с материнской утробой, а некоторые ритуальные действия с рубахой — протаскивание сквозь

рубашку новорожденного, манипуляции с подолом рубахи — осмысляются как продуцирующие.

Рубаха часто соотносилась с судьбой, долей человека. Так, у восточных славян известно поверье, что продать рубаху — значит продать свое счастье. В Польше (Покутье) в новую рубаху обязательно заворачивали хлеб, чтобы тот, кто будет носить ее, никогда не был голодным. Поляки также верили, что если на нитках, которыми шьют рубаху, завязываются узлы, то она будет изношена в здравии, если же нитки не путаются, не завязываются, то хозяин рубахи умрет, не износив ее. У болгар невеста во время свадьбы надевала две рубахи — одну белую, «чтобы судьба ее была чистой», а другую красную, «чтобы молодая была здоровой и плодовитой».

Мужская рубашка. Тверская губерния

Женская рубаха. Воронежская губерния

Первой одеждой новорожденного нередко была отцовская рубаха, непосредственно с него снятая, «чтобы ребенок был здоровым и отец жалел его».

Болгары при рождении надевали на младенца рубаху самой старой женщины в семье, чтобы он унаследовал ее судьбу. На Украине перед крещением повитуха клала завернутого в отцовскую рубаху младенца на кожух, приговаривая: «Щоб добре росло і щасливе було». Согласно сербскому поверью, с ребенка рубаху надо снимать через ноги, а не через голову, иначе он перестанет расти.

Используя рубаху или нитку от нее, можно было нанести порчу владельцу или приворожить его. На Руси невеста после бани вытирала лицо приготовленной для жениха рубахой, чтобы муж больше любил. После первой брачной ночи жених вытирал руки сорочкой невесты, а она — рубахой молодого.

Однако чаще рубаху использовали при лечении болезней: у русских испуг смывали с рубахи, в которую человек был одет, когда испугался; рубаху оставляли на берегу реки, чтобы вода смыла болезнь. Рубаху больного протаскивали через прокоп, вывешивали на культовом дереве, на крестах и т. п. В Сербии, чтобы забеременеть, бесплодная женщина клала свою рубаху внутрь мужниной и оставляла их переночевать на ярме.

Подвенечной рубахе приписывались целебные свойства. Она употреблялась при тяжелых родах (у восточных и южных славян), болезнях, для облегчения агонии (у поляков). В Сербии через год после свадьбы молодой рвал свою подвенечную рубаху, чтобы долго жить. Этой рубахой «прогоняли» градовую тучу на Балканах и в Полесье, сербы ею покрывали улей, чтобы пчелы к нему привязались.

Повсеместно у славян покойника хоронили в подвенечной рубахе, а болгары и македонцы верили, что муж и жена по ней узнают друг друга на «том свете».

Если же супруг хотел вступить во второй брак, то, согласно русскому поверью, на умершем воротник рубахи оставляли расстегнутым.

Особой магической силой обладала «обыденная» рубаха, спряденная, вытканная, сшитая за одну ночь или день при определенных условиях. Такая рубаха могла спасать от эпидемий и смерти. Подобную рубаху изготовляли и надевали на новорожденного той матери, чьи дети умирали, сквозь нее протаскивали больных и уходящих на войну.

Детская одежда

Рубаха использовалась и в сельскохозяйственной магии. В Болгарии на первый сев хозяин отправлялся в чистой белой рубахе. Чтобы обеспечить здоровье и успешный сбор урожая, болгары-павликяне не снимали рубаху, надетую в начале жатвы, до конца обмолота зерна. Галицкие русины, посеяв семена конопли, бороновали своей рубахой.

У южных славян существуют запреты вывешить белые рубахи в особые праздники, чтобы не вызвать

град. А в день св. Симеона Летнего (1 сентября) в Болгарии то же табу соблюдалось, чтобы колосья пшеницы не остались пустыми.

У сербов ношение рубахи наизнанку на Масленицу могло предохранить детей от ведьм или способствовать обретению врагов.

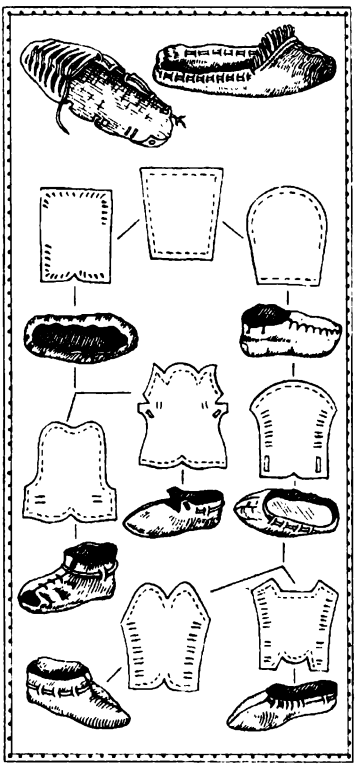
Белая рубаха — атрибут ряженых на святки у восточных славян (см. Коляда), а также некоторых святых (св. Афанасий, св. Елена, которая носит град в своем рукаве) и мифологических персонажей: ведьм, русалок, самовил. Согласно южно-славянским поверьям, вампиры и змеи одеты в рубахи, в которых заключена их магическая сила.

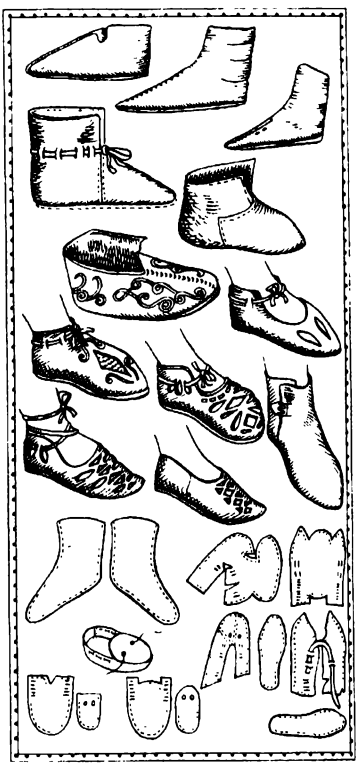
Обувь

Обувь ассоциируется с материально-телесным низом (см. Ноги). Особое «культурное» значение придается хождению босиком, которое осмысляется как частичная нагота, положительно влияющая на плодородие (ср. рождественский обычай обвязывать соломой неплодоносящие плодовые деревья, выходя в сад босиком), как способ достижения ритуальной чистоты (босиком ходят южнославянские додолы), как лечебно-профилактическое средство (ср. юрьевский обычай ходить босиком по росе).

В поминальной обрядности и комплексе представлений о пути покойника на «тот свет» большую роль играет новая обувь, которую надевают на умершего. Старая обувь используется в качестве оберега (ср. обычай вывешивать старый лапоть, чтобы хищные птицы не таскали цыплят), а также

уничтожается в обрядовых кострах вместе с другими старыми предметами.





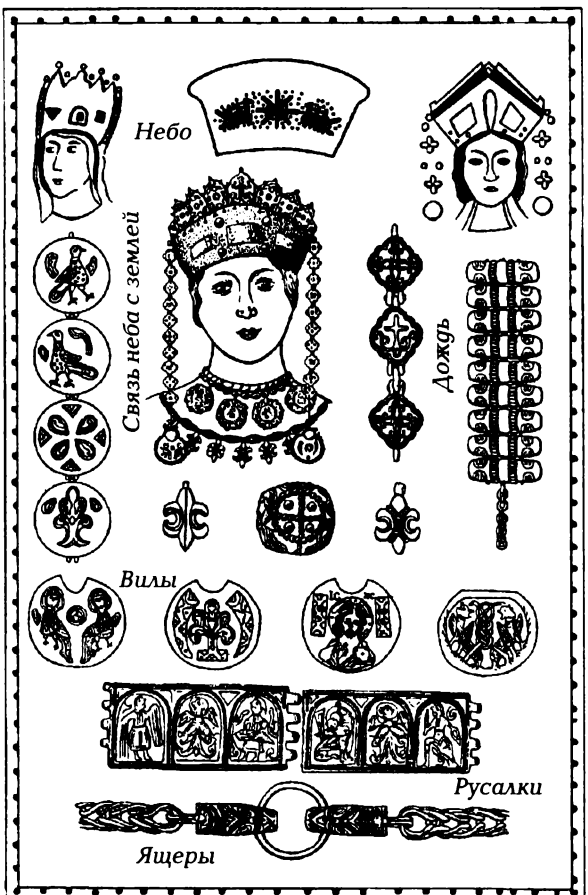
Кожаная обувь разных видов и схема превращения одночастных заготовок в многочастные

Символика украшений

Головной убор княгини

Головной убор княгини символизировал небо и увенчивался диадемой с изображением главнейших небесных сил, в центре находился Даждьбог. Чело княгини обрамляли височные кольца, означающие движение солнца по небу. Вниз от венца спускались цепи — рясны, символизирующие воздушное пространство. Они покрывались изображениями либо струй дождя, либо птиц, либо семян, падающих с неба. К рясна подвешивались колты (подвески) с изображением русалок, крылатых вил, орошающих поля. Эти колты находились на одном уровне с ожерельями, изображающими распустившиеся ростки. На женских браслетах, как правило, были представлены браслеты русалий (весенних праздников в честь богинь — подательниц дождя). Наконец, на шею надевалась длинная цепь с двумя головами ящера, скрепленными кольцом, символизирующим солнце. Так в женском костюме была отражена вся

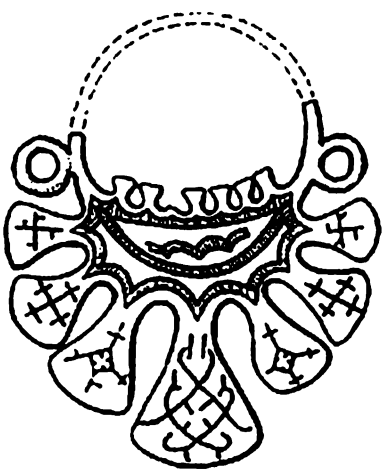
картина мироздания — небо, земля и подземный мир, это все указывает на сакральный смысл, который вкладывался в торжественный парадный княжеско-боярский головной убор.



Отражение макрокосма в микрокосме женского убора XII—XIII вв. Языческая символик княжеско-боярских украшений

Височные кольца

Речь идет о широко распространенной категории украшений, единое наименование которых не установилось; их называют трехбусинными височными кольцами, кольцами киевского типа, киевскими серьгами. В кладах они всегда встречаются с другими частями женского гарнитура и их отношение к головным или височным украшениям сомнений не вызывает, но способ их ношения недостаточно ясен.

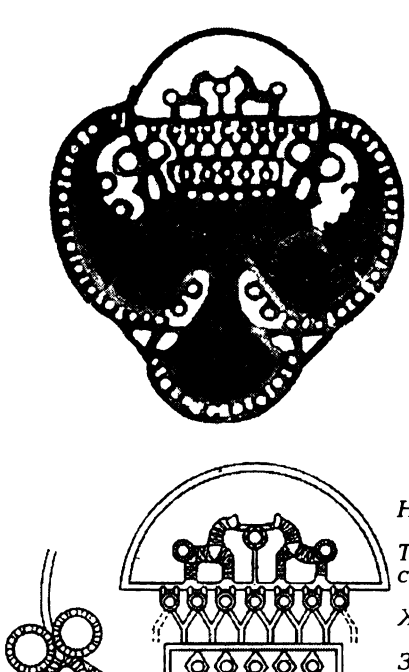


Вятическое височное кольцо с заклинательными знаками плодородия, XII в.

Судя по всему, кокошник завершался валиком из материи с нанизанными на него трехбусинными кольцами.

Такой валик мог завершать кокошник наверху, а старинная живопись дает расположение колец в нижней части кокошника непосредственно надо

лбом, что представляется более вероятным. Набор из 8—12 колец образовывал нечто вроде золотого венка на голове женщины.



Височное кольцо, нач. XIII в., со схемой макрокосмоса: небосвод, солнце, женщины в позе адорации, знаки земли и воды, по бокам — два ящера

Бусины, изготовленные большей частью из золота, представляют собой небольшие полые шарики 10—15 мм в диаметре; иногда они сплошные, иногда с прорезями, но встречаются и ажурные, каркасные.

Почти все они несут на себе орнаментику, связанную с идеей солнца, и сами они являются как бы миниатюрными изображениями солнца в его трех дневных фазах: три золотых шара — три солнца, «тресветлое солнце».

Бусины украшались сканью и зернью. Очень часто узор креста в круге, круга с шестью радиусами (реже с восемью). Нередко появляется крест с четырьмя точками у перекрестия, являющийся знаком земли, засеянного поля. Вообще во всей орнаментации соединяется идея солнца с идеей засеянной земли, что словесно может быть выражено «солнце для полей». По своей форме и семантике изображений трехбусинные кольца непосредственно связаны с верхним, небесным ярусом женского убора, соотнесенным с верхним миром. Если трехбусинные кольца образовывали своеобразный многосолнечный золотой венок в нижней части кокошника, то своим положением они отражали нижнее небо с солнцем на нем; выше находилась зона верхнего неба, представленная в самых богатых комплексах диадемами.

Колты

Колты — это подвески — женские украшения. В наряде княгини — с изображением русалок — крылатых вил, орошающих поля, они находились на одном уровне с ожерельями, изображающими распустившиеся ростки.

Колты украшались с обеих сторон, из которых одна была лицевой, с более сложным сюжетом; на оборотной стороне преобладал растительный

орнамент. К ранним сюжетам следует отнести колты с грифоном на лицевой стороне и птицей на оборотной. Растительные символы не выделены особо, а размещены на фигурах грифонов и птиц: на крупе и на шее у грифонов, на груди и на крыльях у птиц. В дальнейшем грифоны исчезают из изделий киевских златокузнецов. Наибольший интерес представляют колты с сиринами.

Колт из Михайловского клада

Рясны

Рясна́ми называли в Древней Руси длинные декоративные цепи или ленты, спускающиеся от кокошника вниз. Старинные рясны делались из золота или серебра, а в этнографических материалах много рясен из разноцветного бисера, которые внизу, у пояса или на груди, завершались тяжеловатой кистью.

Древнерусские рясны завершались колтами разных типов.

Рясны XI—XIII вв. могли быть глухими, без рисунка; таковы серебряные ленты из полых цилиндриков без орнамента. Это, очевидно, повседневный убор.

Праздничные рясны княгинь и боярынь делались из золота и украшались перегородчатой эмалью.

Изображения на них делались с таким расчетом, чтобы подвешивать рясны вертикально. Если бы владелица попыталась надеть цепи из круглых или квадрифолийных бляшек как ожерелье, то половина птиц, изображенных на бляшках, оказалась бы стоящей на хвосте или вверх ногами; вертикальное положение бляшек продиктовано замыслом мастера. Количество бляшек в полном комплекте 10 или 12 (малых). Форма бляшек круглая или квадрифолийная. Последние, очевидно, более поздние; они богаче орнаментированы, и на некоторых уже появляется христианский процветший крест. Длина рясен вместе с колтом на примере наиболее сохранившегося комплекса (клад 1880 г. в Киеве) такова: 10 золотых круглых чечевицеобразных бляшек на шарнирах — 35 см; тонкая золотая цепочка — 10 см; колт — около 5 см. Вся длина украшения около 50 см. Свисая с выступающих углов кокошника, рясны доходили до плеч женщины, а колты достигали груди.

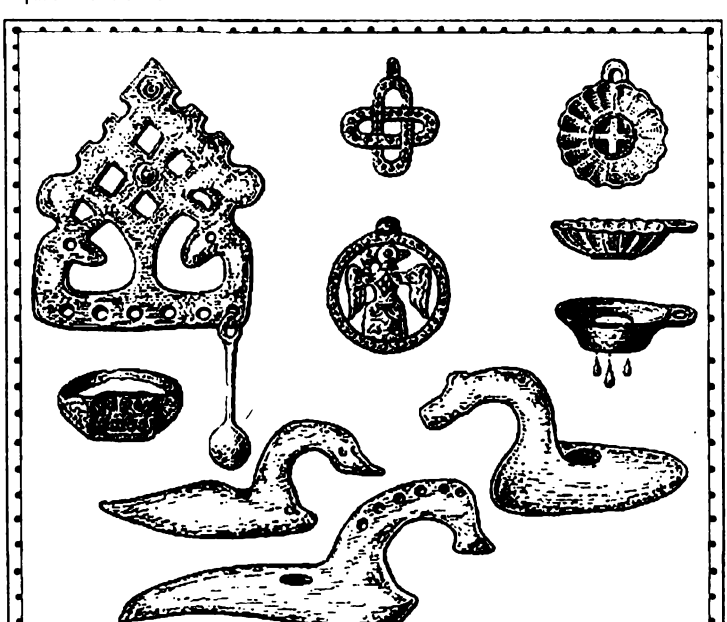
Когда мы ознакомимся с символическими изображениями на колтах (русалки и турьи рога), то убедимся в продуманной преднамеренности такого расположения.

Орнаментика рясен очень устойчива и, несмотря на кажущуюся пестроту отдельных орнаментальных элементов, однородна по содержанию; здесь разработаны только две темы: тема неба и тема аграрного плодородия.

Небесная, точнее, воздушная тематика представлена птицами, ходящими по земле. Единственный раз на поздних рясна изображена птица в полете с широко распахнутыми крыльями.

Растительная тематика представлена всеми фазами развития абстрактного стилизованного растения: семена, ростки, цветки.

На круглых бляшках некоторых рясен изображался целый набор аграрных символов: в центре — условное растение (называемое обычно Деревом Жизни) в процессе опыления: у корней растения — семена, а наверху, отдельно от него — прорастающие семена.



Украшения с языческими символами. Наверху слева — основа подвесок-амулетов с обозначением символа земли и небесных оленей. В центре — перстень с греческой надписью «Скажу ей-ей!». Внизу — костяные утко-кони

Наряду с такими аграрными символами на ряснах встречается и геометрический узор, городки и косой крест. Само расположение эмалевых вставок

таково, что нередко на бляшке обрисовывался косой крест самой золотой поверхности бляшки. В сочетании с небольшими круглыми эмалевыми вставками это приводило к намеку на знак засеянного поля. Изредка в центре бляшек встречается перекрещенный квадрат с точками в малых квадратах, т. е. давно знакомая нам идеограмма нивы.

В каждой паре рясен применялось от четырех до восьми разных сюжетов. Обязательны были птицы, прорастающие семена и опыляемое растение. Важность последнего сюжета подчеркивается тем, что на самых поздних квадрифолийных бляшках с процветшим крестом имеется только два изображения: крест и опыление четырех цветков. Все это говорит о том, что рясны, опускающиеся вниз от «небесного» головного убора, были весьма продуманно посвящены теме «воздуха и земли»: семена всех видов, птицы, опыление растений. Украшение подобного рода могло быть частью свадебного убора, так как аграрно-магическая тема являлась иносказанием темы плодородия вообще. На некоторых ряснах из серебряных цилиндрических колодочек очень явственно обозначаются вертикальные ряды из нескольких сотен маленьких выпуклостей, создающих общее впечатление дождевых струй.

Идея оплодотворяющего дождя хорошо согласуется с общей символикой женского головного убора. На выбранном примере такие «дождевые» золотые рясны хорошо гармонируют с вилами-русалками, поливающими нивы из рогов.

ЧЕЛОВЕК

Голова

Главная часть тела, которая ассоциировалась с верхом, главенством, интеллектуальными способностями человека, рассматривалась как средоточие жизненной силы, вместилище души и ума.

Согласно космогоническим представлениям, изложенным в стихе о Голубиной книге, вышний мир «зачался» от головы Бога:

А и белой свет — от лица Божья,
Со(л)нцо праведно — от очей его,
Светел месяц — от темичка,
Темная ночь — от затылечка,
Заря утрення и вечерняя — от бровей Божьих,
Часты звезды — от кудрей Божьих!

(Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М., 1977).

В том же стихе сообщается, что «у нас в земле цари пошли /От святой главы от Адамовой» (Стихи духовные. М., 1991). В апокрифах и иконографии особое внимание уделяется голове (или черепу) Адама (она изображается у ног распятого Христа, обсуждаются ее гигантские размеры), а также усекновенной главе Иоанна Предтечи.

По украинским и польским поверьям, вампир показывался иногда в виде человека, несущего свою голову под мышкой. Согласно легендарно-апокрифическим сказаниям, известным в России с XVI в., некоторые русские святые носили в руках свою отрубленную голову (Меркурий Смоленский, Иоанн Казанский, игумен Псково-Печерского монастыря Корнилий). В житии Михаила Черниговского рассказывается о том, что его отсеченная голова продолжала говорить. В русских сказках отрубленная голова прирастает к телу по приказанию героя; золотая голова плавает в озере и от взгляда на нее беременеют; ведьма снимает с себя голову и чешет волосы.

У чертей, колдунов, лобасты, шуликунов и др. голова украшена рожками либо деформирована — вытянута кверху и заострена или очень велика, лысая или, наоборот, взлохмаченная. По болгарским поверьям, у вампира огромные голова и зубы. Чтобы уничтожить вампира, у всех славян разрывали его могилу, отрубали голову и клали ее между ногами лицом книзу. Аналогичным образом на Карпатах и в Польше отрубали голову двоедушнику и поворачивали тело ногами туда, где была голова.

В языке, поверьях и обрядах голова устойчиво ассоциировалась с горшком. В русских и украинских быличках девушки при гадании или общении

с нечистой силой надевают себе на голову горшки, а бес пытается оторвать им голову, но вместо этого только разбивает горшки. По белорусским поверьям, охотник, чтобы стать отличным стрелком, проходит посвящение на перекрестке перед толпой чудовищ; у последнего из них голова покрыта огромным горшком; чудовище снимает этот горшок со своей головы и надевает на голову охотника.

У восточных и западных славян дом закладывали «на чью-либо голову», т. е. на смерть человека или животных, которые от этого не будут вестись в хозяйстве. Аналогично и клад может быть положен «на чью-либо голову» — человека или животного. По русскому преданию, атаман разбойников и колдун Рощин зарыл во Владимирской губернии много кладов, причем каждый раз клал на крышку сундука с золотом отрубленную голову человека, который как бы становился сторожем сокровища.

В свадебном обряде восточных славян на голову невесты, обоих молодых или дружки возлагали каравай или хлеб; в Вологодской губернии невеста несла каравай на голове. В Карелии отец невесты и другие родственники благословляли молодых, возлагая им на голову хлеб и икону; на Подолье после расплетения косы отец невесты клал ей на голову хлеб с венком. У болгар каравай разламывали над головой жениха, у сербов — подвешивали над головой невесты.

Существовали разнообразные профилактические и лечебные средства от головной боли: трижды ударяли себя камнем по голове при первом весеннем громе (белорусы, украинцы, болгары, поляки, чехи), воздерживались от работы в день Усекновения главы Иоанна Предтечи, мыли голову отваром

трав, которые собирали на Ивана Купалу или в Юрьев день. В связи с христианским преданием об усекновении главы Иоанна Крестителя к последнему обращались с молитвами об исцелении от головной боли.

Среди жестов и поз, связанных с головой наиболее отмечены в ритуальном отношении поклон, обнажение или покрывание головы, утвердительное или негативное кивание. Опущенная голова символизирует горе и готовность подчиниться. Согласно примете, если собака воет с опущенной головой, то скоро кто-нибудь умрет.

Своеобразные представления связывались с такими участками головы, как темя, макушка и затылок. Особое символическое значение приписывалось бороде и волосам, глазам, носу, рту, зубам, а также различным головным уборам. В обрядах широко использовались черепа лошади, медведя и других животных.

Волосы

В магии отрезанные волосы (как и ногти, пот, слюна и др.) воспринимались как заместитель (двойник) человека. Нередко отрезанные волосы хранили, а затем клали в гроб, чтобы «на том свете дать отчет за каждый волос» (вост.-слав.). Словенцы верили, что с волосами и бородой можно отнять у человека силу и здоровье, а манипулируя волосами, даже сделать старика молодым и, наоборот, обратить молодого в старика.

Волосы (как и шерсть) символизируют множество, богатство, изобилие и счастье. Русские во Владимирской губернии первое яйцо, снесенное молодой

курицей, катали трижды на голове старшего ребенка, приговаривая: «Курочка, курочка, снеси столько яичек, сколько у ребенка волосков!»; македонцы в Охриде, продав скотину, чесали деньгами свою бороду, заклиная: «Сколько волос в этой бороде, столько пусть будет благополучия и изобилия». Сербы касались монетой волос на голове и в бороде: «Чтобы такими же были и всходы, и урожай». В Западной Сербии (Каблар), подстригая детей, оставляли прядь волос на голове, «чтобы осталось счастье». Поляки в районе Жешова в Сочельник взъерошивали волосы, повторяя: «Вяжись, жито, вяжись!» Словенцы в день св. Барбары приходили в дом и желали хозяину столько телят, свиней, жеребят, возов репы и т. п., сколько на голове волос. Женщины на Смоленщине в Юрьев день срывали друг у друга в поле платки с головы и дергали за волосы, «чтобы у хозяина жито было густое и рослое, как волосы»; девушки в Юго-Западной Сербии и македонки в районе Скопля в Юрьев день расчесывали волосы в ржаном поле, «чтобы иметь волосы густые, как рожь, и быть здоровыми».

Расчесывание волос ограничено целым рядом запретов. Сербки причесывались в понедельник, вторник и четверг, а украинки во вторник, четверг и субботу. На Полтавщине говорили, что «у среды сорок дочек, и каждая может вырвать по волоску, оборвав все волосы», поэтому не чешут волос в среду. На Черниговщине полагали, что волосы женщин, причесывающихся в среду и пятницу, разлетаются по 12 дворам, отчего возникает болезнь «волос». Строгий запрет касался пятницы: его соблюдали многие славяне, прежде всего — русские. Сербы не расчесывали волосы в этот день, «чтобы волки

не резали скот». В Сербии (Шумадия, Поморавье) не чесали волос во время похорон, «чтобы не болела голова и не выпадали волосы». Кашубы и поляки не причесывали ребенка до года, «чтобы ребенок не был несчастным».

В то же время в некоторые праздники расчесывание волос считалось обязательным. Так, на Витебщине пожилые крестьянки расчесывали волосы на Пасху, «чтобы у них было столько внуков, сколько волос на голове»; молодые сербки-боснийки на Юрьев день рано утром расчесывали свои волосы, положив под ноги веревку и валек для стирки, «чтобы волосы у них были толстые, как веревка». В Чайничах около Сараева к этому добавляли ветку молодой вербы или просто лазили на вербу.

Волосы, выпавшие при расчесывании, нельзя было бросать: ведьмы могли из волос сделать «завой» с наговором (Чернигов), вихрь мог подхватить злой человек — наслать порчу и т. п., поэтому волосы затыкали в щели, зарывали в землю, закапывали на перекрестке; клали под камень, сжигали. Сжигали, однако, не повсеместно, часто на это налагался запрет. Полагали также, что если волосы оставлять на полу, выметать их и топтать, будет болеть голова, появятся ревматизм, «волос» и другие болезни.

Опасаясь выпадения волос, македонцы не пили воды с распущенными волосами. Мытье волос предусматривало сходные ограничения.

Стрижка волос регламентировалась в зависимости от возраста, пола и времени стрижки — дней недели и лунных фаз. Так, у гуцулов нельзя было стричь волосы во вторник и пятницу, а у кашубов и поляков в день Ивана Головосека, «чтобы не пресекался рост волос». Почти повсеместно ребенка не стригли

до года. Для первой стрижки у восточных славян выбирали новолуние, «чтобы волосы быстрее росли», у болгар, лужичан — полнолуние, «чтобы на голове было полно волос». У русских и белорусов запрет стричь младенца до года мотивировался боязнью «отрезать язык» ребенку, т. е. приостановить развитие речи. Словенцы в некоторых местах не стригли детей до семи лет, «чтобы не состричь их ума». На Украине и в Белоруссии существовал запрет на стрижку пастуха с Юрьева дня до Кузьмы и Демьяна. Нарушение запрета вело к болезни скота, к плохому отелу коров, к нападению волков на овец.

Состриженные волосы, как и выпавшие, не бросали, а зарывали в землю, клали под камень, прятали от птиц, относили к плодовому дереву или клали на вербу, чтобы волосы, оставшиеся на голове, быстро «росли, как верба», зарывали в муравейник (болгары), засовывали за плетень (украинцы). В Словении состриженные волосы бросали в огонь, «чтобы огонь укрепил рост волос». В Восточном Полесье состриженные девичьи волосы бросали в быструю воду, «чтобы волосы росли быстро и густо».

Стимулирование роста волос магическим способом проводилось обычно в определенные дни и было делом типично женским. Сербки клали выпавшие волосы в обувь под каблук, «чтобы волосы были длиной до пят» (Каблар). Чтобы волосы ребенка были длинными, их после первой стрижки клали под конек дома или за потолочную балку (Лика, хорв.). В Пиринском крае накануне дня Сорока мучеников женщины замачивали в воде 39 прутиков винограда, а после мыли волосы этой водой, «чтобы они были длинней». Словацкие девушки, чтобы иметь длинные, густые волосы, расчесывали их в Страстной

четверг под вербой и пели: «Верба, верба, дай мне волосы длиной в три пояса!» Тот же ритуал в Святой вечер совершали украинки (Маковица в Восточной Словакии). На Рождество в сербской Герцеговине расчесывали волосы, сидя на бадняке. Девушки-болгарки из Пловдивского края при виде радуги кричали: «Радуга пьет воду из моря, мои волосы пусть будут до пят».

Врачевание и магическое использование волос демонстрирует веру в особую силу волос, способную наряду с другими магическими действиями (сжигание, окуривание, закапывание в землю и т. п.) предохранять людей от болезней или изгонять их. Так, у сербов женщина, у которой умирали дети, должна была во время беременности собирать свои волосы, чтобы, как только родится ребенок, рассыпать их вокруг новорожденного, поджечь и тем самым сохранить жизнь своего младенца. Срезанные пряди волос у больных лихорадкой, сухоткой, грыжей или страдающих от сглаза и испуга для их излечения забивали в дверную притолоку осиновыми колышками, закладывали в дупло осины и т. п.

При помощи волос можно извести человека, передать болезнь здоровому либо произвести наговор на волосы здорового. В Словакии волосы здорового человека закапывали на кладбище и тем самым наводили на него болезнь. Хорватские девушки верили, что они смогут приворожить молодых людей, если незаметно подложат свои волосы в пищу их избранников.

В Моравской Словакии, наоборот, парни стремились очаровать девушек тем, что три волоса избранницы закручивали колечком и носили их за пазухой. Сербы в Лесковацкой Мораве, уходя на войну,

в качестве талисмана от пули и штыка вшивали в мундир ногти и волосы с головы внебрачного ребенка. В Северо-Восточной Сербии для того, чтобы покойник не стал вампиром, нагая женщина кадила очесами конопли волосы покойника: пепел, остатки конопли и волосы клали в гроб.

При обряде крестин волосы выстригались, а по закатанным в воск и брошенным в купель волосам гадали о судьбе новорожденного: закружится комочек — «к житью», пойдет ко дну — «не к житью» (в.-слав.).

В свадебном обряде совершались многочисленные ритуалы с волосами невесты и жениха. На Виленщине белорусы сажали жениха «на посад» (дежу) и крестообразно подрезали и подпаливали ему волосы на голове, а в районе Новогрудка посаженая мать брала несколько волос с головы жениха и невесты, спутывала их в пучок и сжигала, чтобы «случить» (соединить) молодых. В погребальном обряде волосы расплетали и распускали в знак траура.

Непокрытые женские волосы, по народным представлениям, могут принести вред людям, хозяйству, урожаю и т. п. На русском Севере (Череповец, уезд) замужней женщине нельзя было выходить во двор без платка на голове — «дворовый за волосы исташит». На Полтавщине говорили, что «солнце плачет», когда баба «светит волосом», т. е. ходит с непокрытой головой. Поляки-гуралы считали, что простоволосую женщину волк съест. Русские запрещали ходить женщинам с растрепанными волосами (и с подоткнутым подолом) во время грозы —громом убьет. Болгары в Родопах в зоне Златограда верили, что волосы женщины, ходившей с непокрытой головой,

после ее смерти превращаются в змей. Вместе с тем на Витебщине белоруски распускали и открывали волосы, когда мяли лен, «чтобы он был волокнистым и мягким». При ритуальной наготе волосы должны быть распущенными, непокрытыми. Распущенные волосы считались также характерным признаком женских персонажей нечистой силы — русалок, вил, самовил, ведьм, чумы и пр. В быличках русалки и другие женские духи — обитатели вод обычно в лунные ночи сидели на берегу на камне или на дереве и расчесывали свои распущенные волосы.

Зубы

Чтобы зубы прорезывались легко и безболезненно, детям вешали на шею волчий или заячий зуб, золотой с изображением орла, камешек из желудка рака, мазали ребенку десны кровью из гребня черного петуха, курицы, голубя, кровью рыбы линя. О появлении первого зуба у ребенка оповещали родных, приглашали гостей, устраивали застолье. Чтобы зубы были белыми и крепкими, мать мазала первый зуб ребенка грудным молоком, стучала по нему серебряной монетой, кусочком железа (южные славяне). Тот, кто первым замечал появившийся зуб, произносил благопожелание, получал деньги от отца, покупал ребенку рубашечку.

Южные славяне отмечали застольем выпадение первого молочного зуба у ребенка, как и появление первого зуба. Чтобы постоянные зубы были крепкими, выпавший зуб забрасывали на крышу дома, перебрасывали через дом (иногда вложив его в кусок хлеба); подбрасывали или кидали на землю. Зубы

кидали в подпечек, за или на печь, в печь, в мышиную нору в надежде, что «мышь принесет новый зуб». Бросая зуб, произносили: «Мышка, мышка, на тебе репный зубок, а дай мне костяной». С подобной просьбой обращались к собаке, вороне, сороке, галке, лисице, к Бабе Яге, виле. Для быстрого роста постоянных зубов собирали выпадающие молочные зубы; заставляли ребенка проглотить один из них; забивали первый выпавший зуб в ствол дуба, в старую вербу; бросали в реку, чтобы новые зубы появлялись так же быстро, как течет вода.

Зубы были мерилом возраста (ср. рус. фразеологизмы «поглядеть кому в зубы», т. е. узнать его лета, «мы на этом зубы съели», т. е. пожили и приобрели жизненный опыт). О ребенке, которому еще нет пяти — семи лет, болгары говорили: «У него еще зубы не сменились». Старый человек, лишаясь зубов, постепенно утрачивал силу и считался «слабым», как младенец. Считалось, что лечение заговором будет успешным только в том случае, если у знахарки целы все зубы или хотя бы часть их. Полагали, что колдун и ведьма с утратой зубов теряли силу и способность наводить порчу на людей.

В приметах и снах появление первого зуба наверху предвещало раннюю смерть ребенка, если сначала прорезывались нижние зубы, ребенок выживет и будет жить долго. В снах выпавший зуб предвещал болезнь, смерть: с кровью — болеть самому или умрет кто-то из близких родственников, «кровных»; без крови — дальний родственник или знакомый.

Рождение ребенка с двумя зубами осмыслялось как признак его демонической природы: он мог стать колдуном, ведьмой, вампиром, двоедушником, а после смерти ходячим покойником. Характерной

чертой мифологических персонажей считались аномальные зубы: длинные, острые, железные, хрустальные, похожие на клыки животных, желтые, красные, зеленые, черные.

Для предотвращения зубной боли следовало есть освященные в день св. Агаты хлеб и соль (западные славяне); яблоки, освященные в день Успения Богородицы (украинцы, поляки); съесть в Страстной четверг, в Вербное воскресенье семь — девять сережек освященной вербы (белорусы, мораване); грызть щепки от «громобоя», чтобы зубы были крепкие, «як грим» (Полесье). Весной, когда в первый раз слышали гром, кукование кукушки, грызли деревянный колышек, держали в зубах железо, стучали железным предметом, камнем по зубам, целовали землю; увидев в первый раз молодой месяц, обращались к нему с просьбой «снять зубную скорбь».

Полагали, что от зубной боли защищали свв. мученики Антипий (11 апреля), Фоманида (13 апреля), Тихон (29 июня), Аполония (9 февраля) и др. Страдавшие зубной болью праздновали дни этих святых, молились им. Для исцеления от зубной боли шли к святым камням; кусали больным зубом дуб, сосну или камень (русские); советовали больному кусать церковную паперть с троекратным произнесением заклятия: «Как камень сей крепок, так закаменей и мои зубы — крепче камня!». Надежным средством от зубной боли считали камешки, найденные в мышиных гнездах (украинцы), в поле под колосьями «бороды», куриный бог (русские), белемнит (поляки). Прикладывали к больному зубу челюсти и зубы хищных животных, зубья бороны, граблей (не менее дюжины), найденные на дороге; на границе поля

терли черепком десны, бросали его через голову и говорили: «Чтобы тебе, черепок, не гнить, а вам, моим зубам, не болеть!»

Зубную боль снимал знахарь, прикоснувшись к больному зубу рукой, которой задушил крота, или кровью крота (чехи, поляки); с той же целью произносили заговор, обращенный к кроту: «Кротик ты кротик! Я пальцем своим из тебя всю кровь испускаю и им больные зубы излечаю» (русские); к червяку, который точит зуб; к рябине, дубу, бузине. Лечили зубную боль, прикасаясь к больному зубу щепкой от разбитого молнией дерева, щепкой или сломанной веткой от рябины, осины, бузины, дуба, произнося заговоры, а потом щепку или ветку прикладывали к стволу, передавая зубную боль растению. В заговорах обращались к луне с просьбой вылечить или защитить от зубной боли: «Князь молодой! Рог серебряный, рог золотой! Пусть занемеет мой зуб, как у мертвеца!»

Сердце

Сердце — орган человеческого тела, осмысляемый как средоточие эмоционально-чувственной жизни человека, вместилище любви, тоски, веры, страха Божия и т. д. В фольклоре и верованиях в сердце насылают огонь, слова, сухоту, тоску, его рассекают топором, поражают обычной или огненной стрелой, распарывают, вырывают из тела, оковывают железными обручами, запирают на ключ, студят и т. д. В русском фольклоре сердце обычно именуется ретивым, т. е. скорым на гнев и другие сильные проявления чувств.

По восточно- и западнославянским представлениям, в сердце локализуется душа (ср. вологодское: «Душа человека помещается в сердце, а исходит изо рта»). Впрочем, сердце иногда противопоставляется душе, например, в пословицах: «Сердце — вещун, а душа — мера», «Сердце душу бережет и душу мутит». В западно-украинской и польской традициях люди, рожденные с двумя душами или сердцами, наделяются демоническими свойствами. После смерти двоедушника его второе сердце продолжает биться, и он становится вампиром.

В русских былинах победитель вынимает у своего поверженного противника его сердце и печень. Южнославянская вештица поедает человеческие сердца; дотрагиваясь чудесной палочкой до груди спящего человека, она вынимает его сердце и съедает, после чего тело на груди срастается; человек без сердца в будущем обязательно погибает.

По русским поверьям, чтобы лишить колдуна силы, следовало поднести нож к его сердцу. В белорусском Полесье, вернувшись после купальского костра, женщины собирались в чьей-нибудь хате и всю ночь кипятили в воде тряпочку для процеживания молока; верили, что от этого у ведьмы кипит и горит сердце. По русскому преданию, Степан Разин заключен в горе и обречен на вечные муки: к нему летает змей и сосет его сердце.

Если колдун продолжал ходить после смерти, русские забивали кол из осины ему в спину против сердца. На Карпатах и в Польше разрывали могилу двоедушника, который продолжал вредить после смерти, и сердце его пробивали липовым или осиновым колом.

В заговорах-присушках восточных и южных славян любовь насылается в сердце как огонь, отчего сердце должно гореть, таять или кипеть, например: «Как горит щепка в огне, так бы горело сердце (имярек) по мне (имярек)»; «Коль жарко в сем горне золотом уголье дубовое, толь бы жарко таяло сердце у... рабы (имярек) по мне, рабы (имярек)» (Олонецкая губерния, XVII в.); «... так бы обо мне — муже — у красной девицы серцо кипело кровью горечей...» (Пермская губерния, нач. XX в.). В заговорах на охлаждение влюбленных, наоборот, ледяной царь студит сердце. В вятской присушке девушка насылает на мужчину тоску, а потом запирает его сердце 12 ключами и замками: «Заперла его сердце, а ключи взяла к себе».

В русских духовных стихах в соответствии с Новым Заветом сердце осмысляется как орган любви к Богу; оно наполнено состраданьем, радостью духовной, умилением и т. п. В причитаниях сердце испытывает отрицательные эмоции: оно болит, дрожит, крушится, обмирает, пугается, щемит, предчувствует несчастье, ему тяжелешенько, его холодит заботушка.

Глаза

По древнеславянским поверьям, глазами можно воздействовать на окружающий мир и людей (главным образом, отрицательно: сглаз, порча). Глаза соотносятся с внутренним миром человека, они часто считаются вместилищем души; по некоторым польским поверьям, в момент смерти душа выходит из тела через глаза. Аномалии (косоглазие, сросшиеся брови, длинные веки, отсутствие

ресниц, краснота глаз и век, перевернутое отражение в зрачке и др.), подобно другим телесным недостаткам, трактуются как знак принадлежности человека к демоническому миру. Согласно популярному представлению, «четырехглазая» собака (имеющая черные круги под глазами) способна видеть мертвых и отпугивать нечистую силу. В народной аксиологии глаза наделяются высшей оценкой (ср. «беречь как зеницу ока»); в народной медицине существуют разнообразные магические способы предупреждения и лечения глазных болезней; ради здоровья глаз соблюдаются табу на работу в определенные праздники (например, у южных славян в Видов день, 15/28 июня) или на отдельные виды работ. Слепота считается наказанием, посылаемым за большие грехи.

Засорение глаз как наказание за нарушение табу на шитье и прядение в пятницу и во многие праздники — известный мотив в славянской мифологии. По широко распространенным верованиям, от этих действий засоряются и колются глаза св. Параскевы Пятницы; виновной в этом «матушка Прасковея» засорит глаза куделью. По верованиям восточных славян, от прядения и шитья в запрещенные дни засоряются на том свете глаза предков-родителей. Во многих случаях запрет налагается и на другие действия: нельзя белить стены — «замажешь родителям очи», нельзя выгребать золу из печи — засыплешь глаза умершим, выливать воду во двор — «мертвым очи зальешь»; мочиться в воду — «все равно, что матери в глаза». Тульские и псковские крестьяне на Троицу ходили на кладбище обметать могилы — «глаза у родителей прочищать»; южные славяне жгли на могилах свечи, чтобы покойникам «там было видно».

С апотропейными целями применялось завязывание и замазывание глаз. У русских Забайкалья сеятель в поле завязывал себе глаза и произносил: «Как я не вижу белого света, так пусть птицы не видят моих семян». Македонцы в «мышиные дни» замазывали дыры в стенах и говорили, что замазывают глаза мышам, а в «волчьи дни» так же «замазывали глаза волкам».

Открытые глаза покойника часто трактуются как предвестие еще одной смерти (он «высматривает» нового покойника).

Кровь

В народных представлениях кровь — средоточие и символ жизни, субстанция жизненной силы, обиталище души. Кровь имеет многообразные ритуально-магические функции, прежде всего продуцирующие; составляет основу важнейших социальных институтов и концептов (кровное родство, кровная месть, кровавая жертва). Символическими заместителями крови (главным образом, по признаку цвета) выступают вино, красные нитки и полотно, калина и др.

Кровь соотносится с понятием ро́да и родства (ср. рус. кровное родство). В традиционной культуре кровное родство имеет сакральный статус, кровосмешение признается тяжким грехом. По строгости запретов и предписаний (главным образом касающихся брака) к кровному родству приравниваются многие виды ритуального родства (кумовство, молочное родство) и, прежде всего, побратимство у южных славян, при заключении которого «пили»

или «слизывали» кровь друг друга. С идеей родства связана символика крови в сновидениях: выпадение зуба с кровью предвещает смерть ближних («кровных») родственников.

Кровная месть — древнейший социальный институт, дольше всего сохраняющийся у южных славян. По народным представлениям, душа убитого не обретет покоя, пока он не будет отомщен родственниками. Кровь убитого может «кипеть» и этим выражать желание мести (Сербия); пролитая кровь ходит тенью за убийцей и зовет к отмщению (Болгария). С принятием христианства закон кровной мести был существенно ограничен и заменен другими видами наказания.

По украинскому поверью, в крови находится душа человека. В сказках оставленная дома частица крови героя чернеет, когда он погибает; братья узнают судьбу друг друга, втыкая ножи в дерево: если брат жив — из ствола течет кровь, если умер — вода (рус., словац.) (ср. общеславянские фольклорные мотивы о крови растений и произрастании деревьев и цветов из крови убитых людей). Кровотечение расценивается как потеря жизненной силы и требует немедленной остановки. В заговорах это реализуется в мотивах зашивания, замыкания, запекания крови, уподобления крови камню. Для прекращения кровотечения из носа навешивали на шею замок или замкнутые железные путы (рус., бел.), брали в каждую руку по ключу (рус.), старались, чтобы несколько капель крови упало через обручальное кольцо (рус.).

Повсеместно у славян распространен запрет употреблять кровь в пищу. Исключение составляет ритуальное питье «первой крови», например при забое

скота. Кровь некоторых животных — лягушки (пол.), угря (чеш.) — считалась ядовитой.

Появление крови на продуктах или растениях — признак наведения порчи или нарушения какого-либо запрета. Появление у коров кровавого молока объясняется действиями ведьм (укр., бел.); тем, что под коровой пробежала ласка, пролетела ласточка (полес.); что корова наступила на лягушку или место, где лежала змея (с.-рус.). Корова будет доиться кровью, если убить змею, живущую в хлеву (пол.), разорить гнездо ласточки (укр. закарпат., пол.) или аиста (пол.). Если женщина нарушала запрет прясть в пятницу, то в хлебе, выпеченном ею в этот день, появляется кровь (закарпат.). Кровь на хлебе, овощах, растениях появляется в результате нарушения запрета что-либо резать в день Ивана Головосека (вост.-слав., ю.-слав.).

Кровь жертвенных животных использовалась в обрядах для увеличения плодородия земли и скота, наделения людей здоровьем, защиты от несчастий и сглаза, для вызывания дождя. Ее выливали на порог дома или хлева, закапывали под плодовым деревом, в огороде, у очага, ею обмазывали ворота, обрызгивали хозяйственные постройки, лица людей и т. п. Эта кровь использовалась в гаданиях. У болгар в Софийском округе было принято собирать кровь всех жертвенных ягнят в один сосуд в течение лета: если кровь в сосуде начинала бурлить, это означало приближение градовой тучи.

Магические действия с кровью животных и человека имели продуцирующий и апотропейный характер. В Болгарии для выздоровления заболевшего члена семьи в заговенье Рождественского поста на гумне закалывали барана, петуха или курицу, кровь

собирали в ямку и обрызгивали ею стены дома. Чтобы в семье не умирали дети, у входа в дом выставляли палку, смазанную кровью ежа (серб.) Охотники смачивали кровью убитого медведя или ворона ружье, чтобы оно било без промаха (рус.); чтобы уберечь ружье от сглаза, внутренность ствола протирали теплой кровью убитого животного (бел.). В день, когда «домовой бесится» (28 января), колдун выметал все углы в доме и во дворе веником, смоченным в крови черного петуха, изгоняя злого домового (рус.).

Кровь мифологических персонажей отличается от человеческой: у лешего она синяя (с.-рус.), у черта — черная (зап.-укр.), хотя может быть и красной (см. Цвет). Кровь черта тягучая, похожая на деготь (укр.) или смолу (Карпаты); ее используют при ворожбе, чтобы у коров нельзя было отнять молоко (зап.-укр.), частицами от «крови черта» подкуривают ребенка от испуга (Карпаты). Из крови черта происходят оводы (бел.), из крови змеи — клопы (Босния, Герцеговина). Демонологические персонажи (вампир, змора, вештица, ведьма) пьют кровь человека, чтобы отнять у него здоровье, укоротить жизнь или убить его, восполнив таким образом собственный запас жизненной силы.

Ноги

Ноги — одна из самых мифологизированных частей человеческого тела. Ноги связаны с хтоническим началом, поскольку более других частей тела приближены к земле и с ней соприкасаются.

Известен запрет ходить босиком по земле до Благовещения (основной календарной границы года). Контакт с землей в период, когда здесь царствуют хтонические силы, когда она находится в состоянии зимнего сна, считался опасным. В России верили, что прилетающие весной жаворонки клевали детям ноги и руки, отчего у них появлялись цыпки, кожа на ногах трескалась и краснела. По-видимому, это можно рассматривать как наказание, адресованное тем, кто нарушает запрет и раньше положенного срока осмеливается обнажить ноги и коснуться земли.

Вместе с тем именно через ноги (особенно босые) в землю отправляли (передавали) все то, от чего стремились избавиться. У болгар, например, когда на свадьбе выяснялось, что невеста оказалась «нечестной», свекровь танцевала босиком прямо по земле, чтобы все плохое ушло в землю и не сказалось ни на людях, ни на хозяйстве. Мотивы ног, которые, соприкасаясь с землей, «принимают на себя» всю исходящую от земли опасность, заметны в заговорах (в основном от болезней скота). В них может описываться, как болезнь входит в животное через ноги, а также и обратный процесс — то, как болезнь покидает тело животного через ноги и уходит прочь.

Семантика ног актуализируется и в поминальных ритуалах (ср. хотя бы соблюдаемую до сих пор практику хоронить умерших в обуви (по преимуществу новой) — для того, чтобы они могли преодолеть трудный и долгий путь из этого мира в «тот мир»; обычай выносить покойника из дома вперед ногами (чтобы он ушел окончательно и не возвращался, чтобы не увел за собой других); сказочные мотивы железной обуви, которую герой или героиня, отправляющиеся в «тридевятое царство», просили для них

сковать; популярные в мифологических рассказах мотивы следов, оставленных предками в поминальные дни на предварительно рассыпанном на полу пепле или песке). С другой стороны, «ходячего» покойника или вампира лишают возможности «ходить» и вредить живым, «отбирая» у него именно способность к хождению: протыкают пятку иглой, подрезают жилы под коленями и др. Аналогичным образом интерпретируются археологами и обожженные нижние части скелетов, найденных в древнерусских погребениях начала XI в.

Через мотивы, связанные с ногами, в славянских верованиях реализуется оппозиция человек — нечеловек. Одним из проявлений хтонического начала у мифологических персонажей является характерная хромота, одноногость или безногость, особая походка, неспособность ходить и нетипичные для человека способы передвижения: укажем хотя бы на Бабу Ягу, лежащую на печи или летающую в ступе, или на зооморфность конечностей у некоторых персонажей, например на копыта черта.

Причастность ног к нижнему, хтоническому миру объясняет поверье, согласно которому, когда человек лежит на смертном одре, в головах у него находятся ангелы, а в ногах — черт; практикуемое в черной магии обыкновение совершать крестное знамение, водя ногой по земле, а также восточнославянский запрет качать ногой, закинув ногу на ногу, поскольку в этом случае человек якобы «колышет», «качает» или «тешит» черта. Показательно, что проникновение в «антимир», населенный демонами, равно как и выход из него, осуществляются, прежде всего, с помощью ног. Чтобы увидеть домового, надо было, стоя на ступеньке сарая или заброшенной

избы, посмотреть во двор назад, вниз, через собственные расставленные ноги. Чтобы избавиться от козней лешего и найти дорогу домой, заблудившемуся человеку надо было посмотреть назад через расставленные ноги.

Тема ущербности ног (конечностей) — предков, мифологических персонажей и хтонических животных — заставляет обратить внимание и на новорожденных, не так давно появившихся в этом мире и еще не совсем к нему адаптированных, что, с мифологической точки зрения, выражается, между прочим, и в неспособности к хождению. Процесс воспитания и «взращивания» ребенка описывается в языке выражением поставить/ставить на ноги (ср. также в русском заговоре, читаемом над новорожденным: «Ножки, ходите, свое тело носите»). Периферийность новорожденного, его близость к пограничью миров и, как следствие, к хтоническому началу заметна в обычае помещать ребенка если не в колыбели, то в ногах у матери.

Огромное значение придавалось ногам в системе обычаев и запретов, связанных с ребенком и его первыми шагами. У южных славян беременной не рекомендовалось есть ножки домашних животных, чтобы у ребенка при ходьбе не трещали суставы, а также сидеть, скрестив ноги, чтобы у ребенка не заплетались ноги при ходьбе. У русских уже при отнятии от груди ребенку желали: «Пошли тебе Бог семеро ног»; аналогичные формулы с упоминанием «железных», «золотых» и «кизиловых» ног произносили и южные славяне при первых шагах ребенка. Южные славяне после первого года жизни ребенка совершали ритуал, называемый «проходница»: выпекали особый хлеб (часто величиной со ступню

или с отпечатком детской ножки), торжественно преломляли и раздавали его гостям. Когда ребенок долго не начинал ходить и страдал «сидяками», восточные славяне объясняли это тем, что его ноги перевязаны невидимыми путами, которые надо было символически «разрезать» между ног ребенка.

Ноги связаны с материально-телесным низом, что объясняет ряд магических действий, направленных на стимулирование воспроизводства. В славянских святочных песнях при «вождении козы» встречается мотив «куда коза ногою, там жито копою», также связывающий ноги с производительным началом.

По тем же причинам магические и обрядовые действия с участием ног имеют матримониально-эротические коннотации. Примером тому могут служить обряды с «колодкой», когда на масленицу молодому парню или девушке, вовремя не вступившим в брак, привязывали к ноге полено или кусок дерева, символизировавшие отсутствующую у них брачную пару. На западе славянского мира известен также обычай масленичного «подковывания» девушек на выданье и молодых женщин, когда компания парней обходила те дома в селе, где жили девушки, и ряженый «кузнец» «подковывал» девушкам ноги, чтобы они не сбивали их во время танцев.

Принадлежностью ног к материально-телесному низу мотивированы некоторые запреты, в частности зафиксированный еще А. Олеарием в XVII в. запрет у русских лежать на лавке в доме ногами к иконам, дабы не оскорблять их, а также известный русским запрет расставлять ноги, стоя на молитве, иначе между ними проскочит бес.

Здоровые («резвые», «крепкие») ноги были целью многих ритуалов и магических действий: в праздник

(обычно под Рождество) клали во время трапезы под стол кусок железа или металлический предмет, на который все ставили ноги, чтобы они были «железными», или закапывали такой предмет под порогом, чтобы каждый, кто наступит на него, имел здоровые ноги. В Иванов день бегали босиком по росистой траве; подвешивали к иконам серебряные «ножки»-вотивы*, прося святых об избавлении от болезней ног. Чтобы обезопасить человека от болезней и порчи, красными нитями перевязывали те части человеческого тела, которые осмыслялись как его границы (шею, руки и ноги).

Руки

Рука в языке, фольклоре и народных представлениях — символ власти, овладения, подчинения себе (ср. русские выражения: «у него руки долги» (т. е. власти много), «у него руки длинны» (о воре), «быть у кого под рукою» (в подчинении, подданстве), «своя рука владыка» (т. е. своя воля), «правая рука» (главный помощник), «наложить на что-нибудь руку» (присвоить себе), «держать кого-нибудь в руках» (т. е. подчинить своей воле) и т. д.). Рука может быть «тяжелой» и «легкой»; если человек с легкой, счастливой рукой посадит дерево, то оно непременно примется; если же у него тяжелая рука, то дерево погибнет (яросл.).

---

* *Обычай приносить в дар божеству изображения человека или больных органов с просьбой или в благодарность за исцеление возник в глубокой древности и просуществовал до начала XX в.*

Рукопожатие у славян имело характер этикетного и ритуального жеста. В «Повести временных лет» (968 г.) русский воевода и печенежский князь заключают мир, подавая руки друг другу и обмениваясь подарками. В Московской Руси рукопожатие практиковалось при общении с иноземными послами, причем осмыслялось как проявление царской милости; послам разрешалось «подержать» царскую руку; в 1602г. датчан попросили, чтобы они жали руку царя «по-русски, слабо, а не тискали бы, как это делают немцы». В народной традиции «ударить по рукам» обозначало заключить сделку (например, при купле-продаже). В русской свадьбе рукобитье составляло отдельный ритуал. При встрече русские подавали друг другу руку и говорили: «Права рука, лево сердце».

Мыть руки было необходимо перед едой, после соприкосновения с покойником, после родов, даже после общения с иноверцами. Русские считали грехом есть немытыми руками, так как считалось, что вместе с пищей в человека может попасть и «нечисть». При еде в поле руки за неимением воды могли вытереть и землей, приписывая ей такую же очищающую силу. На Украине, в Белоруссии, в Центральной и Южной России, а также в Болгарии совершалось ритуальное умывание рук повитухи. В России обряд «размывания рук» совершался на 3, 9 или 12-й день после родов: мать и повитуха троекратно поливали друг другу воду на руки и взаимно просили прощения. В Курской губернии считали, что «сама Божья Матерь по рождении Спасителя размывала так же руки с бабушкой Соломонией»; в Симбирской губернии опасались, что без этого обряда у повитухи «на том свете руки будут по локоть в крови». На

Украине при совершении обряда роженица поднимала правую руку, и повитуха трижды лила ей на руку воду, причем роженица поддерживала правой рукой левый локоть и выпивала немного воды с левой ладони; затем руки меняли и так делали трижды, после чего роженица обменивалась ролями с повитухой.

Особые свойства приписывали руке мертвеца; воры разрывали могилу и отрезали руку у покойника, а потом обходили с нею вокруг дома в надежде, что хозяин не проснется, а собака не залает (Костромская губерния). В русской сказке «Василиса Прекрасная» у Бабы-Яги «вместо дверей у ворот — ноги человечьи, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами». В сказках и быличках руки выступают и как самостоятельные персонажи; в уже упомянутой сказке о Василисе Прекрасной на Бабу-Ягу работают три пары рук.

В русских, украинских и белорусских сказках широко представлен сюжет «Безручка» или «Косоручка»: брат изгоняет из дома свою оклеветанную сестру и отрубает ей руки; она выходит замуж, но вновь оклеветана и изгнана вместе с ребенком; наконец происходит чудесное исцеление: руки отрастают, когда Безручка пытается достать уроненного в воду ребенка. Мотив рук, возвращенных Богородицей, известен в апокрифах и в литературной традиции, в частности в русской «Повести о царевне Персике» начала XVIII в.

На Афоне и в России почитался чудотворный образ Троеручицы и его списки. Согласно церковной легенде, Иоанн Дамаскин, живший в Дамаске в VIII в., был оклеветан, и халиф приказал отсечь у преподобного правую руку. Иоанн помолился перед иконой Богородицы, а когда утомился, то задремал. Во сне

ему явилась Богородица и возвестила об исцелении. Действительно, проснувшись, Иоанн обнаружил, что рука срослась, и в благодарность приложил к образу серебряное изображение отсеченной кисти.

В сказках, заговорах, песнях известен мотив рук из золота (ср. рус. «золотые руки»), у чудесного ребенка в русских сказках «по колено ноги в серебре, по локоть руки в золоте». В болгарских колядах хозяину приписываются позолоченные руки.

В быличках гипертрофированные руки приписывались нечистой силе: у банника рука большая и мохнатая, у домового руки как бы покрыты овчиной, у шутовки — руки тощие и холодные, у ведьмы — костлявые, у бесов на руках и ногах большие когти. На русском Севере пастух перед началом выпаса скота заключал договор с лешим — бился с ним по рукам; для этого он надевал шерстяные рукавицы, а на правую рукавицу, сверх того, — особую соломенную руку. Во время гаданий под Новый год девушка, задрав юбку, становилась к окну овина и спрашивала: «Овинник-родимчик, суждено, что ли, мне в нонешнем году замуж идти?» Считали, что если овинник погладит голой рукой, то девушка будет жить замужем бедно, если мохнатой — то богато, а если вообще не погладит — значит, сидеть в девках.

В славянском мире широко известны так называемые вотивы: изображения органов человеческого тела (в том числе рук), отлитые из металла или из воска; их приносили в церковь и клали перед иконой или подвешивали к ней, чтобы показать, что молятся об исцелении этого органа или в благодарность за его исцеление.

Особым образом осмыслялись пальцы (в частности, безымянный и мизинец), а также пальцы, сложенные в кулак и в кукиш. Среди жестов ритуальное значение

приписывалось битью, благословению, вождению человека за руки или под руки с обеих сторон, возложению рук, закрещиванию, скрещиванию рук на груди и др.

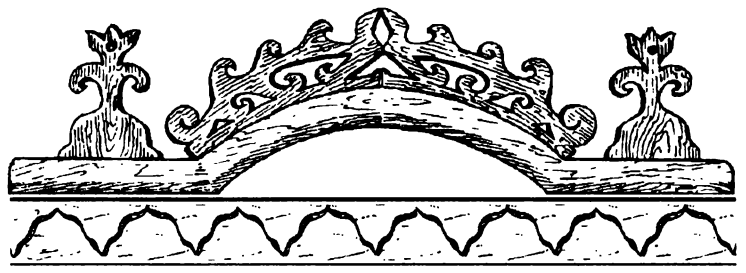
Кукиш связан с эротической символикой и использовался в качестве оберега от нечистой силы и сглаза.

Русские, встречая человека, пользующегося дурной славой, показывали ему кукиш через левое плечо или между ногами. Демонстрировали также кукиш при встрече с колдуном, чтобы парализовать его силу, а также вошедшему в дом — чтобы он не «перебил» работу. Белорусы показывали кукиш при встрече с волком («як складзена дуля, так штоб твае склалися зубы»). Хорваты трижды закрещивали кукишем, предварительно на него плюнув, мору, которая мучила ребенка.

В Харьковской губернии считалось, что если под воскресенье пойти к жилищу ведьмы, стать спиной к глухой стене, повернуть назад голову, подуть, плюнуть три раза и «дать туда дулю», то она обязательно придет утром и скажет: «На што ты мини дулю давав?» По украинским поверьям, чтобы узнать ведьму, следовало пройти мимо собравшихся во время праздника женщин, надев картуз козырьком назад и сложив два кукиша. Одну руку с кукишем засунуть в карман, а другую за пазуху. Если среди женщин есть ведьма, то она непременно выдаст себя тем, что начнет ругаться.

В народной медицине кукиш использовался как магическое средство при лечении некоторых болезней, в частности «ячменя» на веке. В России подносили к больному глазу кукиш со словами: «Глазной кукиш, на тебе шиш» или «Ячмень, ячмень, на тебе кукиш, что хочешь, то и купишь: купи топорок, руби себя поперек».

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ



Русалки-вилы

В отличие от общепринятого современного представления о том, что русалки — это девушки с рыбьими хвостами, древние славяне представляли их очень красивыми птице-девами (вилами) — девушками с длинными косами и крыльями. Согласно преданиям, они живут на краю света, а к людям прибывают лишь однажды в году — весною и в нужное время орошают дождем хлебородные нивы. Они выливают росу из рогов, и хлеба начинают колоситься. От русалок зависит плодородие нив.

Русалки заботятся также и об опылении цветущих хлебных колосьев: когда нивы сияют, то это их брачное торжество.

Птице-девы изображались на колтах в кокошниках и с нимбами.

Птичьи тела сирен покрывались многозначительным символическим орнаментом: в верхней части, у шеи, это — ряды синих волн, означающих или водную стихию вообще или же, учитывая небесную область обитания крылатых дев, «хляби небесные»,

источник благодатных дождей. Ниже волнистых рядов на синем фоне показаны крохотные белые кружки, означающие, по всей вероятности, дождевые капли или капли «росного тумана». Одно крыло у каждой птице-девы приподнято, а другое, обращенное к зрителю, обязательно украшалось крупным «крином» — символом прорастающего растения, подобно «кринам» на крыльях грифонов.

Русалки-вилы (сирены) на котлах и других предметах

Точно такой же «крин» помещен в особом кружке в центре колта между сиринами. Все это связывает композицию лицевой стороны в единое целое, подчиненное основной идее аграрно-магических представлений: орошению молодых растений. Растение показано в самой начальной стадии роста: это красноватое зерно с лопнувшей оболочкой другого цвета, напоминающее лилию-крин лишь своим общим контуром, но явно отличное от цветка. На некоторых нашивных бляшках с эмалевым рисунком сирины изображались сплошь покрытыми знаками ростков вместо оперения. Изображения сириновсирен ведут нас к очень важному разделу древнерусских языческих верований. В русском переводе XI в. греческой хроники Георгия Амартола античные сирены приравнены в специальной глоссе к славянским русалкам-вилам.

Античные сирены связаны с богиней плодородия Деметрой, славянским соответствием которой является Макошь. Сирены, соблазнявшие Одиссея и его спутников, изображались в чернофигурной вазовой живописи как огромные птицы с девичьими головами, летающие над кораблем. Образ птице-дев возник задолго до Гомера. В крито-микенской культуре известны статуэтки крылатых женщин, а в Центральной Европе в бронзовом веке существовали своеобразные погребальные урны в виде грубоватых женских фигур с крыльями и штриховкой, воспроизводящей оперение (Баденская культура). В этой связи представляет особый интерес мнение А. Н. Веселовского о родстве славянского образа вил-русалок с римскими виолами-манами, в честь которых устраивались весенние праздники: «В виле я вижу сложный образ, в котором римская Viola слилась с древним вела — вила».

Сиренообразные урны бытовали в той части Европы (Средний Дунай), где обитали италийские племена до их расселения на Апеннинском полуострове. Праславяне были соседями этих племен. Это придает особую ценность соображениям Веселовского.

Обильный материал о вилах содержится в сербском фольклоре. Вилы — красивые крылатые девы, живущие обычно вдалеке от людей у воды («Вилина вода», «Вилин извор»), на горах, на облаках. Они могут превращаться в лебедя, в сокола, в волка и в змею. Вилы приносят людям счастье. Рождаются вилы от трав или от росы (отсюда, очевидно, и русалки?). Вилы излечивают болезни, предсказывают судьбу. По народным преданиям, существуют «вилины горы», на которых у бесчисленных родников растут чудесные деревья с серебряными стволами и золотыми листьями. Вильской травой считался ковыль. В Дубровнике на карнавалах главными персонажами были «вила» и «Турица». В отличие от болгарских и русских обрядов и представлений, где вилы-русалки (у болгар: «вилы», «самовилы», «дивы-самовилы») прочно входят в систему аграрных культов, у сербов эта связь прослеживается лишь опосредованно.

В русских средневековых источниках есть слово «русалии», но нет «русалок»; это слово соответственно заменено словом «вилы», а в этнографических материалах, наоборот, широко известны русалки и нет вил.

Иногда указывается количество вил — «30 сестрениць» (реже — 4 или 9).

Русалкам-вилам в жертву приносили птицу, что подчеркивает важность птичьего элемента в культе этих птице-дев.

Поразительным совпадением с фольклорными данными, говорящими о том, что вилы поливают нивы из рогов, являются изображения на обратной стороне золотых колтов

На лицевой стороне изображаются две сирены-вилы со знаками ростка на крыле и символами воды, росы (волны и капли) на груди. Между вилами обязателен небольшой кружок с одним символическим ростком. Символика ростков и воды нарочито подчеркнута в изображении этих птице-дев. На оборотной стороне в центре помещен круг, внутри которого крупная четырехчастная композиция с ростками, обращенными или вовне или же внутрь, к центру, что как бы призывало благодать природы на единственное семя, расположенное в центре композиции. По сторонам круга, отдельно от него, располагались два рога, обращенные устьями вверх; иногда даже старались особым полукругом показать объемность устья. В самом низу колта, так сказать, «у земли» показано в маленьком треугольнике еще одно маленькое зернышко, городки с точками семян внутри или плеть прорастающего хмеля. Фон обычно синий.

Рога с городками, расположенными по принципу «волчьего зуба», образуют по всему рогу широкую волнистую линию синего цвета, которую естественнее всего связывать с символикой небесной воды (роса, дождь), для которой и предназначены рога-ритоны, служащие вилам для полива полей.

Перун, Хорс и другие вышеупомянутые боги были, так сказать, божествами высшего порядка. Но кроме них наши предки признавали и чтили еще божества меньшие: русалок, водяного, лешего, домового. Перун, Даждьбог, Стрибог — были боги солнечного тепла, грозовой тучи, ветра. В силу своего

могущества и отдаленности от человека, эти высшие божества носили более отвлеченный характер и наделялись в некоторой мере духовным началом. Русалки же, домовой и леший носят вполне антропоморфический характер; эти существа вполне материальные по своей организации, близки к человеку, только природа у них иная, не человеческая: русалки, например, живут в воде, в которой человек жить не может. Следовательно, по сравнению с человеком, живущим только на земле, человекообразные русалки, живущие и на земле и в воде, существа высшего порядка; хотя леший и домовой обитатели земли, но их жизнь — загадка для людей, следовательно, они существа иной категории. Впрочем, этот таинственный и, по-видимому, более совершенный мир не привлекает к себе внимания людей живых: жить на земле и веселей и приятней. Русалки и леший завидуют живым людям. Причины этому будут указаны ниже.

Верование в русалок распространено повсеместно в России. По современным верованиям, русалки — это души младенцев, умерших без крещения, или же добровольные утопленницы; русалкой может стать и всякая девушка, если будет купаться без креста, — ее может утащить водяной. Из этого видно, что вера в русалок возникла в дохристианскую эпоху.

Теперь, по народным верованиям, русалки считаются некрещеными; а когда все были некрещенными, то, следовательно, все девушки после смерти обращались в русалок. Народ представляет русалок в виде прекрасных, вечно юных девушек; они полны обаяния, и только зеленые глаза и зеленые волосы доказывают, что это особые существа. Лица русалок бледны и носят отпечаток загадочной грусти. Русалки живут обществами в воде: в озерах, речных

омутах, источниках. В Новгород-Северском уезде есть две криницы-колодца, на срубах которых каждый год на зеленой неделе на рассвете сидят две прекрасные девушки и расчесывают гребнем волосы. Народ называет этих девушек криницами и русалками. Живут ли русалки в самых криницах, или же в уединенных болотистых и поросших густым кустарником местах, где обыкновенно бывают криницы, народ не дает ответа. Полагаем, что криницы — те же русалки, но обитающие в источниках. Есть мнение, что криницы — не русалки, а богини плодородия. Этот взгляд не считаем обоснованным. Известно, что русалки живут еще в лесах; есть и горные русалки. Всю зиму русалки спят в омутах непробудным сном. Но когда весеннее солнце растопит лед, прилетят птицы, расцветут цветы, тогда и русалки пробуждаются. Вода вообще считается дорогой в царство мертвых, а следовательно, и обратно. До Троицына дня русалки живут в воде, и только ночами они выходят на берег погреться и понежиться в лучах месяца. Резвой толпой водят они хороводы на берегах рек или же, усевшись на берегу, расчесывают свои роскошные волосы, которые служат им вместо одежды. До Троицына дня купаться не следует: русалки утащат; особенно же не следует купаться на Троицу. Семик (четверг седьмой недели после Пасхи) в некоторых местах России называется «Русалка». Семицкую неделю называют «зеленой», «клечальной», а три последние ее дня и три первые дня Троицкой недели называются «зелеными святками». Как известно, в семик девушки ходят в лес петь песни, завивать венки, по которым потом гадают. В семик же бывают поминки покойников. Вообще семик — праздник русалок и мертвых. В семик

теперь главным образом поминают умерших насильственною смертью, умерших без церковного покаяния и некрещеных детей, которым предварительно дают христианские имена.

Поминовение некрещеных детей следует сопоставить с обычаем: «крестить кукушек»: на ветку, на которой помещают чучело кукушки или на само чучело вешают шейный крестик; иногда чучело заменяется травою, называемой кукушкой. Вероятно, этот обряд связан с верованием, что душа по смерти принимает различные образы. Верить, что душа некрещеного младенца в течение семи лет, до обращения в русалку, летает по воздуху и жалобно просит окрестить ее. Если кто произнесет формулу крещения, душа возносится на небо, как бы приняв крещение. Полагаем, что семицкие празднества доисторического, языческого происхождения

Но еще и до Петрова дня русалки продолжают выходить на берег. В понедельник Петрова поста в некоторых местах бывают игрища — проводы русалки: соломенную куклу разрывают в игре. Такой обряд по местам проделывается на зеленой неделе. Летом можно видеть русалку только на берегу реки и при исключительных каких-либо обстоятельствах.

Русалки, по народным воззрениям, скорее враждебные, чем безразличные для человека существа: они могут защекотать или утопить человека, путать рыбакам сети, ломают плотины и мосты, заночевавшим на воде гусям завертывают крылья и проч.

Корень и происхождение слова русалка определить затруднительно. У нас есть слово «русый», «русло», «Руса». В санскрите «rasa» — жидкость, влага, вода; в кельтск. «rus», «ros» — озеро, пруд; в лат. «ros» — роса. Теперь русалку производят от слова русалии.

Этот взгляд обстоятельно объяснен академиком Веселовским, по мнению которого «римский праздник весенних поминок» — dies rosae rosalia — сохранился в христианском переживании под названием русалий. Там, где удержались русалии, они приурочиваются к Духову и Троицыным дням, когда, по греческому поверью, душам умерших дозволяется возвращаться на землю. В России неделя Святых Отцов и следующая за нею Пятидесятница назывались — русальною, зеленую, клечальною или семицкою. Семик, четверг на седьмой неделе по Пасхе, в Вологодской губернии называется русалкой; в Малороссии — носит название русалочий или мавский велик день. Особенность семика — поминовение умерших простирается и на другие дни, предшествующие и последующие за семиком: умерших поминают во вторник и в субботу. «Анализ русских суеверий приводит к заключению, — говорит академик Веселовский, — что весенние русалии, главным образом, поминальный обряд». Веселовский указал, что справляемые в январе в Южной Македонии русалии сопровождаются играми воинственного характера. Эти воинственные игры должны считаться древней тризной. Тризна — это погребальное состязание, погребальные игры. Известно, что были зимние и весенние русалии. В Эпире русалии справлялись в мае; участники веселились различным образом, потом разделялись на два отряда и изображали примерную борьбу христиан с османами, которая была заменой старой борьбы между летом и зимой, как полагал Веселовский. И зимние и весенние русалии совершались в честь мертвых. Таким образом, русалки — это умершие, что совершенно согласуется с нашими народными верованиями. Интересны

русалии, справляемые в албанских колониях Апулии в первые три дня Пасхи. Главная роль в этих русалиях принадлежит парням, одетым в военный костюм: участники поют военные песни и пляшут. К ним присоединяются ряженые с вымазанными мелом, мукой или сажей лицами, одетые в козьи шкуры, с погремушками у пояса и проч. Эти русалии весьма важны: не переставая быть культом умерших (военные песни — остаток тризны), они переходят в культ природы, что видно из переряживания, обозначавшего обновление природы весной.

Итак, в древности на Руси кланялись рекам, источникам, берегиням и деревьям и приносили им жертву. Афанасьев сообщает, что в народе было принято от болезней купаться в реках, прудах или источниках и оставлять на прибрежных кустах и деревьях полотенца и сорочки. Замечательно, что такие же требокладения совершались и в честь русалок: крестьяне вешали в дар русалкам холсты и нитки. В Малороссии было в обычае во время русальной недели на деревьях вешать холсты, полотенца, сорочки и мотки ниток в дар русалкам. В Белоруссии рассказывают, что на Троицкой неделе по лесам ходят голые женщины и дети (русалки), и всякий встретивший их должен, во избежание преждевременной смерти, бросить им платок или лоскуток от своей одежды. Таким образом, культ русалок объединился с культом природы. Причины такого совместного культа сложны. В доисторическое время леса сплошь покрывали русскую равнину. В сущности, первые поселенцы на этой территории были жители лесов, не даром целое русское племя называлось древлянами. Прежде чем заняться земледелием, приходилось расчищать леса. В воде, как

известно, недостатка не было, и селения располагались именно по берегам рек, на опушке леса.

Русальские игрища по изображениям на серебряных браслетах из княжеских и боярских кладов, XII—XIII вв.

В прежние времена покойника клали в воду и пускали по воде; памятником такого способа погребения служит слово «навь», «навье» — мертвец, того же корня лат. «navis» — корабль. Старинные гробы

имели форму лодки. Пропавшие из дома некрещеные дети обращаются, по народным поверьям, девочки — в русалок, а мальчики — в леших. Могла быть и другая причина, в силу которой лес считался обиталищем умерших. У скифов был, между прочим, такой способ погребения: мертвое тело вешали на дереве в честь божества неба. Мы не думаем отождествлять скифов со славянами, но, принимая Скифию в этнографическом смысле, допускаем, что среди населения Скифии могли быть и славяне. Во всяком случае, нетрудно допустить взаимодействие между скифами и славянами.

По народным верованиям, умерший сохраняет за собою те же потребности, какие он имел при жизни. Вот почему в могилу или на костер с умершим клали пищу, коня, жену и т. д. Покойники нуждаются в пище, питье и даже бане. В честь умершего совершается поминальная трапеза, на которой, как верят, невидимо присутствует сам покойник. По русскому обычаю такая трапеза обильно уснащается крепкими напитками, так что, помянув душу умершего, участники встают из-за стола далеко не в скорбном настроении: вино веселит сердце человека. А веселый человек не прочь попеть и поплясать. Слово «тризна», первоначально означавшее «погребальное состязание, погребальные игры», употребляется также и в значении попойки.

Была и другая причина, более глубокая, в силу которой праздники в честь умерших сопровождались песнями и плясками. Поворот солнца с зимы на лето («генварские русалки») и весенний расцвет природы наводили нашего предка на мысль о воскресении, о возврате от зимы к лету, от холода к теплу, от смерти к жизни. Восточные славяне верили, что

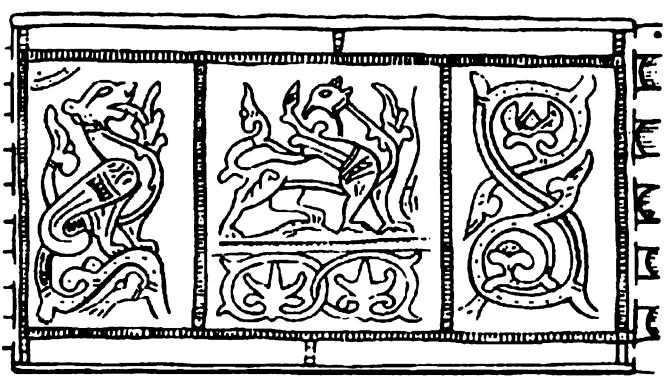
покойники на зиму улетают в рай, а весной воскресают. На рождественских святках и весной совершались главные праздники в честь умерших. В это время скорбь о близких умерших смешивалась с радостным убеждением, что возвратятся, хотя и временно, дорогие умершие вместе с расцветающею и воскресающею природою. Такие чувства требовали обнаружения и проявлялись вовне песнями и плясками. Известно, что пляска в древности имела религиозное значение, как и теперь у дикарей. Мы знаем, что в древности, например в Греции, в честь умерших совершались игры, примерные сражения. Этот обычай частью сохранился у нас в христианскую пору, как видно из жития Константина Муромского. Серьезное пение и религиозные действия к концу празднества после трапезы естественно принимали более веселый характер. С течением времени элемент веселья мог получить преобладающее значение. Остатком такого обычая являются наши ряжения на рождественских праздниках.

Грифоны

Крылатые чудища, благожелательные к человеку. Олицетворение высшей мировой силы, которая постоянно, ежегодно побеждает мертвящее начало Кощея-Аида.

Несмотря на то что эти ворота были сделаны уже во времена христианства, они являются очень языческими по своей сути. Грифоны помещены в нижнем ряду церковных дверей и, несомненно, задуманы как дополнительные охранители входа в святое помещение. Они неразрывно связаны с растительной

символикой: над растительным орнаментальным кругом, обрамляющим каждого грифона, помещены два крылатых пса симаргла, смотрящие, как и грифоны, в разные стороны и грозно ощерившие свои зубатые пасти.



Браслеты с изображениями грифонов, семарглов и Переплута. Старая Рязань, XIII в.

Можно встретить множество грифонов и симарглов на колтах, на серебряных браслетах, на княжеском шлеме, на костяной шкатулке, в белокаменной резьбе владимиро-суздальской архитектуры и на изразцах Галича. Встречаются разные изображения грифонов: львиноголовые с цветком на хвосте, орлиноголовый с драконьей головой на хвосте, так называемые грифодраконы. Крылья грифона означают его приверженность к небесным охранным силам.

Симаргл

Значение этого слова до сих пор не выяснено. Неизвестно даже, это одно божество или два: в разных литературных памятниках правописание различное.

Семаргл (Симаргл) в древнерусской языческой мифологии — божество, входившее в число идолов, которые были установлены в Киеве при князе Владимире (980). Семаргл — огнебог. Прежде всего, имя его упомянуто в русских летописях о пантеоне князя Владимира. Произошло оно, предположительно, от старорусского «смага» («За ним кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, Смагу мычючи в пламяне розе», т. е. — огонь, язык пламени). Огонь-Сварожич — полупес, полузмей. Вероятно, посредник между явьим миром и миром поднебесным, каковым в ведической традиции является бог огня Агни. Он же пенежный (огненный) змей из заговоров. Упомянут в Паисьевском сборнике св. Григория (XIV в.) и Златоустовом сборнике 1271 г. Огнебог-Йогнебоже — по «Веде славян» Верковича у болгар-помаков.

Другая версия. Имя Семаргла происходило от слова «семя». По своему смыслу божество это было связано с берегинями и представлялось в образе крылатой собаки, охранявшей семена и посевы, олицетворяя вооруженное добро.

Есть и такая версия: Симаргл — бог-мужчина — правил россами, впоследствии в его храмах изучали язык звезд и безмолвия, то есть астрологию.

Он же, вполне возможно, Рарог, Рарожек — сын Сварога — по чешским средневековым источникам. Уже в православное время, по мнению академика. Б. А. Рыбакова, Симарглом был назван Переплут — бог почвы, корней растений, растительной силы. Но веских оснований для отождествления Переплута и Симаргла нет. Подобное соотнесение имеет, конечно, определенный сакральный смысл, так как растения под воздействием солнечного света как бы пробивали (рог) почву и выходили к солнцу, но Симаргл с солнцем также не связан. Наверное, есть связь с жар-птицей (огненным вестником счастья), приносящей счастье.

В Средневековье неверно понимался под именем двух богов сразу («Слово о мздоимании» по списку XVI в.). Толкование Ръгла как отдельного ящероподобного божества не оправданно. Признавая его, придется доказать, что князь Владимир установил столпы и Сима, и Ръгла, тогда как на это нет никаких указаний. Выступал Симаргл и под собственным именем, скажем, в Слове некоего христолюбца XIV в. Симаргла-Сварожича чтили во все те дни, когда народный календарь пестрит приметами о костре и огне. 14 апреля в ритуальном пламени сгорает Марена и вместе с ней Симаргл топит последние снега. 17 сентября — Неопалимая Купина, возможно, Подага.

Симаргла-Сварожича чтут с 14 по 21 ноября в Сварожки, образ Сварожича-Огня слился с образом архангела Михаила с огненным мечом.

И вот еще. Имя «Семаргл» восходит, по-видимому, к древнему имени «Семиглав» (ср. характерную для славянских богов поликефалию, в частности семиглавого Руевита). Согласно другой, более спорной гипотезе (К. В. Тревер и др.), имя и образ Семаргла — иранское заимствование, восходит к мифической птице Сэн-мурв. Д. Ворт связывает Семаргла с птицей Див.

Грифон и семарглы. Изображение на Суздальских вратах, начало XIII в.

Функции Семаргла неясны; вероятно, они связаны с сакральным числом семь и воплощением семичленного древнерусского пантеона. Характерно, что

в некоторых текстах «Куликова цикла» имя Семаргла искажено в Раклий и это божество рассматривается как «языческое», татарское.

По «Книге Велеса» Семаргл, очевидно, близок к образу победителя ракшасов и змей индийского бога огня Агни.

Трезубец — стилизованное изображение сокола-Рарога, сложившего крылья. Рарог — птица-тотем западных славян ободритов. Птица-Рарог в легендах западных славян выступает как огненная птица. В сущности, огненная птица есть олицетворение пламени, а трезубец — символ Рарога-Огня, а значит, и бога огня — Семаргла.

Семаргл сражался с водяными змеями — подобно индийскому богу огня Агни. Ведический бог Агни родственен Семарглу, так как исток верований древних индийцев-ариев и славян един.

Переплут

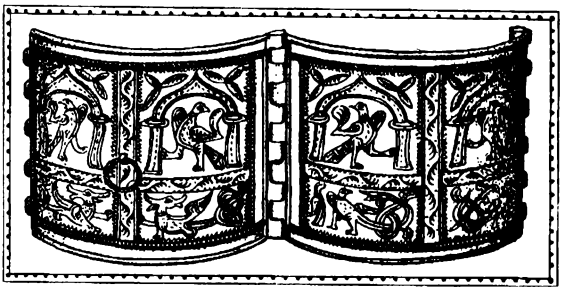
Переплут — бог моря, мореходства. Ему подчиняются водяные. Имя Переплут (рус. церковнослав. «Переплуть», от рус. «плут», «плутать» или «переплыть» (если Переплут имел отношение к мореходству).

Восточно-славянское божество, упоминаемое вместе с берегинями в «словах» против язычества. По гипотезе В. Пизани — восточно-славянское соответствие Вакха-Диониса. Данные о Переплуте недостаточны для точного определения его функций. Не исключена связь с именами богов балтийских славян типа Поренут, Поревит и с табуированными именами, производными от «Peru».

Изображение русальских игрищ и Переплута на створчатых браслетах, предназначенных для русалий, XII–XIII вв.

Переплутов день — день царя водянников, которым ночью приносят требы в воду. Требы ему — мед, свинина, черный хлеб, масло, деньги.

По Б. А. Рыбакову, Переплут — бог почвы, корней растений, растительной силы, что отчасти связано с тем, что его иногда именуют Черномором — Водяным царем, ибо вода есть жизнь и он — лик Семаргла-Огнебога, крылатого пса.



Створчатый браслет-наруч из Тереховского клада с изображениями птиц и Переплута, XII— начало XIII в.

Уже в трипольской росписи встречаются псы, прыгающие и кувыркающиеся (как бы летающие) вокруг молодых растений. Культ Семаргла-Переплута тесно связан с русалиями, празднествами в честь русалок-вил. На браслете из Тверского клада изображен кумир Семаргла-Переплута: крылатый пес, как бы вырезанный из дерева, растущего в земле (показаны его корни) и сильно изогнутого (как изгибается огонь и водяные струи).

Яга

Баба-Яга (Яга (-я) Баба, Ягабиха, Ягабова, Ягая, Ягинишна, Ягиха, Егебица; Jedza, Jedzi-baba — польское; Jenzi, Jezi-baba — словацкое,

Jezinka — чешское; Гвоздензуба — сербское; Ежи баба — словенское; Яга баба — болгарское.) — загадочная лесная старуха, большуха над ведьмами.

Внешне — это безобразная сгорбленная старуха с длинными лохмами нечесаных волос, с длинным, синим, сопливым носом крючком, с одной костяной или золотой ногой. Ее огромные железные груди болтаются до пояса и ниже. Одета Баба-Яга в одну рубаху без опояски. Глаза горят красными сполохами. Кости у нее местами выходят наружу из-под тела. У Бабы-Яги костлявые руки и острые железные зубы.

Баба-Яга живет в дремучем лесу или на болоте, в «избушке на курьих ножках». Окружает избушку забор из человеческих костей с черепами на столбах. На воротах вереями служат ноги, вместо запора — руки. Вместо замка — челюсть с острыми зубами. Избушка Бабы-Яги может поворачиваться вокруг оси, но в основном она обращена к лесу передом. Чтобы попасть в избушку, герою необходимо произнести заклинание: «Встань по-старому, как мать поставила! К лесу задом, ко мне передом».

Баба-Яга ездит или летает по воздуху в железной, каменной или огненной ступе, погоняет пестом или клюкою, помелом след заметает. Во время полета Бабы-Яги воют ветры, стонет земля, скот ревет, трещат

и гнутся вековые деревья. Баба-Яга похищает и поедает детей, которых она забрасывает в печь лопатой и зажаривает. Грубая старуха проводит большую часть времени сидя на печи, прядет кудель, ткет холсты. Баба-Яга любит загадывать загадки и разрешать их. Баба-Яга чует присутствие человека и при встрече восклицает: «Фу-фу! Доселева русского духа видом не видано, слыхом не слыхано, а ныне русской дух воочью проявляется!» или: «Что это русским духом пахнет». Бабе-Яге служат черные коты, вороны, змеи. Она знает язык животных и растений. Живет Баба-Яга со своими дочерьми.

И. Я. Билибин. Баба-Яга. Иллюстрация к русской сказке

Иногда Баба-Яга бывает предрасположена к герою и хлебосольно встречает, а потом задает задание или службу. Часто задание состоит в охране кобылиц Бабы-Яги, в которых превращаются ее дочери. В награду Баба-Яга дарит волшебные вещи: огнедышащего, быстроногого коня; меч-самосек; гусли-самогуды; сапоги-скороходы; ковер-самолет; клубок, указывающий дорогу.

Она — антагонист героя сказки: прилетев в избу и застав в ней героя, вырезает у него из спины ремень и т. п. В некоторых сказках Баба-Яга — мать змеев, противников богатыря.

Кроме образов Бабы-Яги — воительницы и похитительницы, сказка знает и образ дарительницы, помощницы героя. У Бабы-Яги одна нога костяная, она слепа (или у нее болят глаза), она — старуха с огромными грудями. Связь с дикими зверями и лесом позволяет выводить ее образ из древнего образа хозяйки зверей и мира мертвых. Вместе с тем такие атрибуты Бабы-Яги, как лопата, которой она забрасывает в печь детей, согласуются с интерпретацией сказок о ней как о жрице в обряде инициации. Персонажи, сходные с Бабой-Ягой, известны в германской (Фрау Холле в немецких сказках), греческой (Калипсо) и других мифологиях.

ЗАГРОБНЫЙ МИР

Покойник — существо, способное «водить» после смерти, в похоронном обряде воспринимается как носитель смертоносной силы и одновременно как объект почитания, потенциальный предок-опекун рода.

В народной терминологии и фразеологии, связанной со смертью, покойник изображается как странник, отправившийся в дальний путь (ср. восточнославянские выражения об умершем: «пошел до дому», «отошел», «собирается в далекую дорогу»), либо как переселенец, достигший загробного мира, который примкнул к сонму предков: «пошел до дедов», «отправился к праотцам», «с дедами гуляет», «с предками здоровается». В загадках и поговорках статус покойника определяется через свойства, отличающие его от человека: «Обулся не так, оделся не так, поехал не так, заехал в ухаб и не выедет никак», а также через признаки, характеризующие неподвижность и безжизненность умершего: «Не дышит, не пышет, не ворохнется», «Нос есть — не нюхает,

уши есть — не слышит», «С руками, с ногами, а с лавки не слезет». В похоронных причитаниях покойник называется «гостем» (индоевропейское «gost» означает «дух»), «путником», которому предстоит трудный переход: «Куда же ты снаряжаешься? Во котору путь-тропу дальню дороженьку?»; его возвращения в дом родственники ожидают в установленные поминальные дни. Все этапы похоронного обряда были призваны обеспечить переход покойника на «тот свет» и придать такому переходу необратимый характер, так как пребывание умершего в земном пространстве среди живых воспринималось как опасное нарушение нормального положения вещей.

«Столп» по рисунку Н. К. Рериха «Изба смерти»

В демонологических поверьях славян мотив хождения «оживших» покойников к родственникам — один из наиболее популярных. Такими «беспокойными» (т. е. склонными к хождению) покойниками могли быть все недавно скончавшиеся; о них говорили, что до истечения 40 дней или года после смерти они еще «не определились к месту», не перешли безвозвратно в загробный мир, поэтому часто вторгаются в мир людей во внеурочное время. Визиты покойника к людям, по народным воззрениям, опасны тем, что покойник старается увести за собой близкого человека, который сильно тоскует по умершему. Считалось, что покойников вынуждают «ходить» оставшиеся окончательно не разорванными связи с живыми: сильная привязанность к членам семьи и тоска по любимым; чувство мести и обделенности; не исполненное близкими людьми желание умирающего; неулаженная ссора; невозвращенный долг и т. п. На вопрос о том, почему покойники «ходят», в народе говорили: «А зависть какая-то у них» (сев.-рус.), «чтобы отомстить за что-то живым» (укр.), «чтобы посмотреть, есть ли в доме порядок» (рус.), «чтобы помочь родным по хозяйству» (пол.), «его водит тоска по родне» (бел.). Верили, что причиной «хождений» могло быть нарушение общепринятого правила класть в гроб с умершим его любимую вещь или надевать на него определенную (выбранную им самим) одежду, либо неточное соблюдение людьми прочих похоронных обычаев. Если все эти обстоятельства мешали переходу души умершего в иной мир, то он становился чрезвычайно опасным духом, наносящим вред людям, и причислялся к категории «нечистых», «заложных» покойников.

«Заложными» назывались в русских верованиях все умершие «не своей» смертью, т. е. неестественной, насильственной, преждевременной (самоубийцы, убитые в драках и сражениях, погибшие в результате несчастного случая, мертворожденные некрещеные младенцы, молодые люди, не вступившие до смерти в брак). К «заложным» относились также те, кого похоронили с нарушением предписанных ритуалов; те, кто при жизни занимался колдовством и состоял в контактах с нечистой силой; люди-двоедушники; дети, проклятые родителями, и некоторые другие.

Слово «заложный», введенное в научный обиход Д. К. Зелениным, было известно в диалектах Вятской губернии, где оно обозначало умерших внезапной смертью и отражало особый способ их захоронения: покойников не закапывали в землю, а «закладывали» кольями, палками, ветками, листвой, оставляя тело на поверхности земли. Считалось, что их «не принимает» святая мать-земля, т. е. могила «не держит» в себе покойника; он выходит из нее и бродит как привидение, преследует и пугает путников, посещает дома своих родственников, насылая болезни.

Главным вредоносным свойством «заложных» покойников была способность вызывать стихийные бедствия (бури, град, затяжные дожди или засуху, летние заморозки и неурожай). Исторические свидетельства об обычае выкапывать из земли погребенных самоубийц для предотвращения таких несчастий встречаются в древнерусских памятниках начиная с XIII в. Считалось, что «нечистых» покойников следовало хоронить на пустырях, в оврагах и топких местах, в крайнем случае — вблизи кладбища,

но за его оградой. Если происходили стихийные бедствия или массовые эпидемии, сельские жители, несмотря на многочисленные запреты со стороны светских и церковных властей, тайком выкапывали из могилы тело «заложного» покойника, относили его за границу своего села, бросали в глухих местах или старались обезвредить опасное воздействие умершего (например, забивали в гроб осиновый кол, переворачивали труп в гробу лицом вниз, на шею покойника накладывали серп или обломок косы, сыпали на могилу раскаленные угли).

Периодом общих поминок по всем «заложным» покойникам считался у русских Семик, а у других славян — троицко-духовский комплекс или Русальная неделя (Троица, Русалии). Еще в XVII – XVIII вв. в это время устраивались (по требованию служителей церкви) массовые захоронения в общей могиле всех непогребенных по христианскому обряду «нечистых» покойников, оставленных — как этого требовал старинный обычай — на поверхности земли.

ИСТОЧНИКИ

АГАПКИНА Т. А. Мифология деревьев в традиционной культуре славян: лещина (Corylus avellana) // Studia mythologica Slavica. Ljubljana, 1998. № 1.

АГАПКИНА Т. А., ТОПОРКОВ А. Л. Материалы по славянскому язычеству (древнерусские свидетельства о почитании деревьев) // Литература Древней Руси: Источниковедение. — Л., 1988.

АГАПКИНА Т. А., ТОПОРКОВ А. Л. К реконструкции праславянских заговоров // Фольклор и этнография. — Л., 1990.

АФАНАСЬЕВ А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.2. — М., 1868.

БАЙБУРИН А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. — Л., 1983.

БАЙБУРИН А. К. Пояс (к семиотике вещей) // Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб. 1992.

БАЙБУРИН А. К., ТОПОРКОВ А. Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. — Л., 1990.

БЕЛОВА О. В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики.— М., 2000.

БЕНЬКОВСКИЙ И. Осина в верованиях и в понятии народа на Волыни // Киевская старина. 1898. Т. 61 (июль-август).

ВЕНГРЖЕНОВСКИЙ С. Языческий обычай в Брацлавщине «гоныты шуляка». (Этнографический очерк) Т. 50 // Киевская старина, 1895.

ВЕСЕЛОВСКИЙ А. Н. Разыскания в области славянской филологии, вып. XXV, §23 Русалки.

ВИНОГРАДОВА Л. Н. Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. — М., 1986.

ВИНОГРАДОВА Л. Н. Чтобы покойник не ходил: комплекс мер в составе погребального обряда // Истоки русской культуры (Археология и лингвистика): Тезисы докладов конференции. М., 1993.

ВЛАДИМИРЦЕВ В. П. К типологии мотивов сердца в фольклоре и этнографии//Фольклор и этнография. Л., 1984.

ВЛАСОВА М. Русские суеверия. — СПб., 1998.

ВОРТ Д. Див-Simurg // Восточно-славянское и общее языкознание. — М., 1978.

ГАВРИЛОВ Д. Языческие боги славян.

ГЛИНКА Г. А. Древняя религия славян.

ГРУШКО Е. А., МЕДВЕДЕВ Ю. М. Словарь славянской мифологии. — Нижний Новгород: «Русский Купец» и «Братья Славяне», 1996.

ГУРА А. В. Ворон, ворона. Из словаря «Славянские древности»// Славяноведение. 1993, № 6.

ГУРА А. В. Символика животных в славянской народной традиции. — М., 1997.

ГУРА А. В. Ласка (Mustela nivalis) в славянских народных представлениях // Славянский и балканский фольклор. М,, 1981.

ДАЛЬ В. Пословицы русского народа. — М., 1957.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ В. Н. Звукоподражания в народном языке и в народной поэзии // Этнографическое обозрение. 1894, № 3.

ЕРМОЛОВ А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. — СПб., 1905. Т. 3.

ЗАГЛАДА Н. Побут селянськоі дитини // Матеріяли до монографіі с. Старосілля. Київ, 1929.

ЗЕЛЕНИН Д. К. Древнерусский языческий культ «заложных» покойников// Зеленин Д.К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре. 1917 – 1934. — М., 1999.

ЗЕЛЕНИН Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. — М., 1937.

ИВАНОВ В. В., ТОПОРОВ В.Н. Исследования в области славянских древностей. — М., 1974.

КАБАКОВА Г. И. Золотые руки. — М ., 1993.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Весенние праздники. — М., 1977.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Зимние праздники. — М., 1973.

КАРАЧАРОВ А. Славянские древности.

КЛИНГЕР В. Животное в античном и современном суеверии. — Киев, 1909 – 1911.

КОСТОЛЕВСКИЙ И. В. К поверьям о поясе у крестьян Ярославской губернии // Этнографическое обозрение. 1909. № I.

КУРОЧКИН О. Українські новорічні обряди: «Коза» і «Маланка». — Опішне, 1995.

Мифы народов мира. — М., 1980. Т. 1. Г 169: Виноградова Л. Н., Усачева В. В.

МАРИНОВ Д. Народна вера и религиозни обичаи. София, 1914.

МАСЛОВА Г. С. Народная одежда в восточно-славянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. — М., 1984.

Мифологический словарь (под редакцией Е. М. Мелетинского). — М.: Сов. энциклопедия, 1992.

НАЗАРЕНКО Ю. А. Феномен человека в славянской традиционной культуре: голова // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1995. Вып. 8-9.

НИКИТИНА С. Е. Сердце и душа фольклорного человека // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. — М., 1999.

НИКИФОРОВСКИЙ Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. — Витебск, 1897.

О рунах Велесовой книги.

ПЛАТОВ А. «Практический курс рунического искусства»

Повести древних лет.

ПОТРЕБНЯ А. А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. 2. Баба-Яга / Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. — М., 1865. Кн. 3.

ПРОПП В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — Л., 1986.

Русь великая. Русь изначальная, т. 1, 2.

РЫБАКОВ Б. А. Языческая символика русских украшений XII в.

РЫБАКОВ Б. А. Язычество Древней Руси.

РЫБАКОВ Б. А. Язычество древних славян.

СЕДАКОВА И. А. Первые шаги ребенка: магия и мифология ходьбы // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Институт славяноведения и балканистики РАН — М: Эллис лак, 1995.

Славянские древности. Словарь. Береза // Славяноведение. М., 1993. № 6.

СОКОЛОВА В. К. Весеннее-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов: XIX — начало XX в. — М., 1979.

СУМЦОВ Н. Ф. Символика славянских обрядов. Избранные труды. — М., 1996.

СУМЦОВ Н. Ф. Ворон в народной словесности // Этнографическое обозрение. 1890. Кн. IV, № 1.

СУМЦОВ Н. Ф. Заяц в народной словесности // Этнографическое обозрение. 1891. Кн. 10. №3.

СУМЦОВ Н Ф. Мышь в народной словесности // Этнографическое обозрение. 1891. Кн. 10. № 3.

ТЕРНОВСКАЯ О. А. Бабочка в народной демонологии славян: «душа-предок» и «демон» // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София, 30.III.89-6.IX.89. Проблемы культуры. М., 1989.

ТЕРНОВСКАЯ О. А. Ведовство у славян. // Славянский и балканский фольклор. М., 1984.

ТЕРНОВСКАЯ О. А. К описанию народных славянских представлений, связанных с насекомыми. Одна система ритуалов изведения домашних насекомых // Славянский и балканский фольклор. М., 1981

ТОКАРЕВ С. А., ФИЛИМОНОВА Т. Д. Обряды и обычаи, связанные с растительностью // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983.

ТОЛСТОЙ Н. И. Мифологическое в славянской народной поэзии. 2. Предсказание смерти в колодце или сосуде//Живая старина. 1996. № 1.

ТОЛСТОЙ Н. И. Глаза и зрение покойников // ТОЛСТОЙ Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М., 1995.

ТОЛСТЫЕ Н. И. и С. М. Заметки по славянскому язычеству. 1. Вызывание дождя у колодца // Русский фольклор. Поэтика русского фольклора. М., 1981.

ТОЛСТЫЕ Н. И. и С. М. Заметки по славянскому язычеству. 2. Вызывание дождя в Полесье //Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М., 1978.

ТОПОРОВ В. Н. К символике окна в мифопоэтической традиции // Балто-славянские исследования — 1983. М., 1984.

ТОПОРОВ В. Н. Об одной мифоритуальной «коровье-бычьей» конструкции у восточных славян в сравнительно-историческом и типологическом контекстах // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. М., 1999.

ТОПОРОВ В. Н. Заметки о похоронной обрядности // Балто- славянские исследования. 1985.— М., 1987.

ТОПОРКОВ А. Л. Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX — начала XX в. — М. 1990. Вып. 2.

ТРЕВЕР К. В. Сэнмурв-Паскудж. — Л., 1937.

ТРУБАЧЕВ О. Н. Языкознание и этногенез славян. VI. Вопр. языкознания N 5. с. 3 — 14, 1985, статья.

ТРУБАЧЕВ О. Н. Славянские этимологии, 29—38 // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 2. М., 1962.

ТУЛЬЦЕВА Л. А. Рябина в народных поверьях // Советская этнография. 1976. № 5.

Сайт «Славянская традиция»

Сайт «Славянское наследие»

http://www.nasled.org/index.htm

Сайт «Дом Сварога»

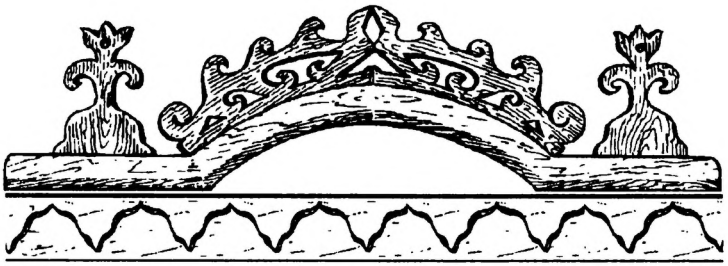
http://www.photo.pagan.ruphoto.pagan.ru

http://artnow.ru/ru/gallery/2/0/picture/0/6538.html (бабочка)

http://varja.narod.ru/album/album8.html (коза)

Сайт «Славяне» http://slawianie.narod.ru/str/kultura/kult04.html

Энциклопедия мифических существ и духов http://myfhology.narod.ru/magiks/volhvy.html



СОДЕРЖАНИЕ

Роль символа в язычестве 3

СИМВОЛИКА СОЮЗА ДВУХ НАЧАЛ 13

Мужское и женское начало 14
Свет и тьма, день и ночь 21
Доля и Недоля 25
Юг и север, правый и левый, правда и кривда 27

ПРИРОДНЫЕ СТИХИИ 29

Солярная символика 30
Солнце 31
Свастика 39
Крест 43
Хляби небесные 46
Огонь 51
Огниво 53
Вода 55
Дождь 61

Воздух и пространство 67
Земля 70
Нива — идиограмма плодородия 70
Ростки 73
Семена 75
Цветы 76
Опыление растений 77
Алатырь 78

ЖИВОТНЫЙ МИР 81

Птицы 82
Алконост 84
Гамаюн 85
Рарог 85
Стратим 86
Сирин 86
Жар-птица 87
Птица-Юстрица 87
Ворон и ворона 88
Жаворонок 93
Коршун 97
Утка 100
Яйцо 102
Аист 104
Ласточка 107
Животные 111
Бык 111
Тур 115
Корова 117
Кони и коники 123
Собака 131
Волк 132

Лиса ... 137
Медведь ... 138
Крот ... 143
Кошки ... 146
Коза ... 149
Ящерица ... 152
Змея ... 155
Ёж ... 159
Заяц ... 161
Мышь ... 165
Ласка ... 167
Насекомые ... 173
Бабочка ... 176
Муравьи ... 179

РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР ... 181

Деревья ... 182
Мировое Древо Жизни ... 188
Дуб ... 197
Рябина ... 201
Лещина, лесной орешек ... 203
Клен ... 207
Верба ... 208
Ель ... 213
Береза ... 216
Осина ... 221
Бузина ... 226
Растения ... 231
Колючие растения ... 231
Крапива ... 234
Папоротник ... 237

ДОМАШНЯЯ ВСЕЛЕННАЯ 239

Наружные охранные узоры 240
Фасад славянской избы 242
Изба 243
Красный угол 244
Ворота 248
Дверь 251
Порог 254
Двор 259
Мельница 262
Колодец 264

Внутренние охранные узоры 268
Печь 276
Окно 282
Зеркало 283
Топор 286
Веник 289
Полотенце 294
Гребешок 296
Нож 299
Колесо 302
Горшок 305
Шерсть, горшок, вода 310
Ложка 311
Каша 318
Соль 320
Блины 322
Каравай 326

Одежда 330
Шапка 335
Пояс 339
Рубаха 341

Обувь 345
Символика украшений 347
Головной убор княгини 347
Височные кольца 349
Колты 351
Рясны 352
Человек 356
Голова 356
Волосы 359
Зубы 365
Сердце 368
Глаза 370
Кровь 372
Ноги 375
Руки 380

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ 385

Русалки-вилы 386
Грифоны 398
Симаргл 400
Переплут 403
Яга 405
Загробный мир 409
Источники 414

УДК 74
ББК 86.31
Б 48

Все права защищены.
Ни одна часть этой книги не может быть использована или воспроизведена в какой-либо форме, в том числе в Интернете, без письменного разрешения правообладателей, за исключением кратких цитат в критических отзывах и обозрениях.

В оформлении обложки использованы картины Дана Морриса

Берегова Ольга

Б 48 Символы славян. — СПб.: «Издательство «ДИЛЯ», 2011. — 432 с.

ISBN 978-5-88503-605-4

Книга дает возможность по-новому взглянуть на славянскую древнюю культуру. Огромное значение в языческие времена имел символ, именно он зачастую нес в себе основную смысловую нагрузку в магическом и жреческом искусстве. Ведь символ — это не просто значок или украшение на посохе волхва, идоле, обрядовой посуде или иной вещи, а совокупность сакральных смыслов, магических эффектов, многотысячелетних трудов древних гениев, формировавших сей знак. Проще говоря, символ в язычестве славян несет в себе прежде всего магическую нагрузку, а уже только в самую последнюю очередь — эстетическую. Символ применялся для воздействий на мир, преобразования его. Многие символы являются оберегами, «отвращающими» темные силы хаоса, иные способствуют причинению вреда.

Читатель не только узнает много нового о бытовых и культурных обычаях наших предков, но и найдет объяснение многим приметам и верованиям сегодняшнего дня.

© «ДИЛЯ», 2011
ISBN 978-5-88503-605-4
© Оформление «Издательство «ДИЛЯ», 2011

Фирма «ДИЛЯ»
приглашает к сотрудничеству книготорговые организации,
а также на конкурсной основе авторов и правообладателей.
Москва: тел. (495) 651-05-65 (многоканальный)
Санкт-Петербург: тел./факс (812) 378-39-29

107082, Россия, Москва, Рубцовская набережная, д. 3, стр. 4
www.dilya.ru
E-mail: dilya2@list.ru *(Москва)*
spb@dilya.ru *(Санкт-Петербург)*

Уважаемые читатели!
Книги «Издательства «ДИЛЯ» Вы можете приобрести наложенным платежом, прислав Вашу заявку по адресам:

198095, Санкт-Петербург, Митрофаньевское ш., д. 18 лит. «Ж».
ООО «Фирма «Диля»
E-mail: post@dilya.ru

190000, СПб., а/я 333 «Невский Почтовый Дом», тел. (812) 434-91-39
E-mail: nevpost@yandex.ru

Почтовый каталог книг «Издательства «ДИЛЯ» высылается бесплатно.
Просьба не забывать указывать свой почтовый адрес, фамилию и имя.

Берегова Ольга

СИМВОЛЫ СЛАВЯН

Ответственный за выпуск *С. С. Раимов*
Редактор *Е. Ю. Румановская*
Художественный редактор *И. Н. Фатуллаев*
Корректор *Л. Г. Алёшичева*
Оформление и верстка *К. Б. Муганлинский*

Подписано в печать 13.09.10. Гарнитура BalticaC.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 22,68. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ 3753.

ООО «Издательство «ДИЛЯ»
198095, Санкт-Петербург, Митрофаньевское ш., д. 18 лит. «Ж».

Отпечатано по технологии CtP
в ИПК ООО «Ленинградское издательство».
195009, Санкт-Петербург, ул. Арсенальная, д. 21/1.
Телефон/факс: (812) 4955610

Книга дает возможность по-новому взглянуть на славянскую древнюю культуру. Огромное значение в языческие времена имел символ, именно он зачастую нес в себе основную смысловую нагрузку в магическом и жреческом искусстве. Ведь символ – это не просто значок или украшение на посохе волхва, идоле, обрядовой посуде или иной вещи, а совокупность сакральных смыслов, магических эффектов, многотысячелетних трудов древних гениев, формировавших сей знак.

ISBN 978-5-88503-605-4

9 785885 036054

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ДИЛЯ

www.dilya.ru